

82.3(2Рос = Манс)

451

ИМЕНИТЫЕ БОГАТЫРИ ОБСКОГО КРАЯ

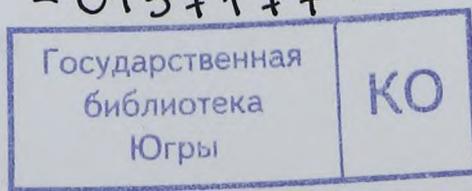
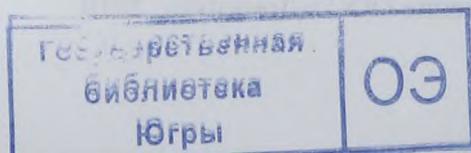

ИМЕНИТЫЕ БОГАТЫРИ ОБСКОГО КРАЯ

на материале II тома
«Собрания вогульской народной поэзии»
Берната Мункачи

Ханты-Мансийск
2010

- 0137147 -

УДК 39 ; 811.511

ББК 82.3(2Рос=Манс)+81.2Манс-9

И51

ISBN 978-5-9611-0046-4

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента по вопросам малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Главный редактор: **Юван Шесталов**

Редакционная коллегия: **Ю. Дмитриева, С. С. Динисламова, В. Б. Орлов, А.Н. Мехнина**

И51 Именитые богатыри Обского края / Югорский государственный университет, Творческая мастерская Ювана Шесталова. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ. – 150 с.

Издание «Именитые богатыри Обского края» призвано сделать мансийские фольклорные тексты доступными широкому кругу читателей. Тексты настоящего сборника взяты из II тома 4-хтомного издания Б. Мункачи (С.1-98). В книге сделан перевод мансийских оригинальных текстов на русский язык. Записанные латинскими буквами, древние мансийские фольклорные тексты транслитерированы и переданы кириллицей. Транслитерация позволяет желающим почитать изначальные мансийские тексты в современном написании – кириллицей.

Трехязычная книга «Именитые богатыри Обского края» – научно-популярно-художественное издание. В первоначальных мансийских и венгерских текстах, а также в смысловом переводе сохранена нумерация строк. С ее помощью можно проследить за содержанием мансийского оригинала. Подстрочный перевод строго следует во всем за текстом оригинала. Книгу можно использовать при обучении как мансийскому языку и фольклору, так и при изучении теории и практики перевода, а поэтическая интерпретация текстов позволяет читателю получить эстетическое удовольствие.

Трехязычное издание (на мансийском, венгерском и русском языках) является не только ощутимым вкладом в дело сохранения и развития национального языка и культуры манси, но и важной вехой в деле сохранения мирового культурного наследия в интересах всего человечества.

ISBN 978-5-9611-0046-4

УДК 39 ; 811.511

ББК 82.3(2Рос=Манс)+81.2Манс-9

© Югорский государственный университет,

Творческая мастерская Ювана Шесталова, 2010

© Оформление ООО «Доминус», 2010

**ISTENEK HŐSI ÉNEKEI,
REGÉI ÉS IDÉZŐ IGÉI**

HARMADIK FÜZET

**Vogul-osztják hősköltészet. Tárgyi és
nyelvi magyarázatok. Szómutató**

Írta

MUNKÁCSI BERNÁT

A MAGY. TUD. AKADÉMIA R. TAGJA

**A RÖKK-SZILÁRD ALAPÍTVÁNY
SEGÍTSÉGÉVEL
KIADJA A MAGYAR TUDOMÁNYOS
AKADÉMIA**

BUDAPEST

1921

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дошедшие до нас эпические тексты вогульского фольклора были собраны и зафиксированы венгерскими учеными-лингвистами (А. Регули, Б. Мункачи) в середине и 80-е годы XIX века с уст шаманов и других знатоков народной мудрости. Из-за отсутствия у вогулов письменной традиции фольклорные тексты записывались латинскими буквами. В результате многолетнего труда Б. Мункачи, расшифровавшего рукописи преждевременно скончавшегося А. Регули, мансийские тексты были переведены на венгерский язык и изданы вместе с переводом. Так появилось на свет в 1892–1921 гг. издание в 4-х томах под названием «Vogul népköltési gyűjtemény» (Собрание вогульской народной поэзии). Место издания – г. Будапешт (Венгрия), издание осуществила Венгерская академия наук. Два дополнительных тома с замечаниями и комментариями на немецком языке увидели свет в 1952 г. и 1963 г. Их составил прекрасный знаток мансийского языка, венгерский языковед Б. Кальман. Венгерское многотомное издание широко известно в финно-угроведении и европейской науке, однако его содержание на исторической родине манси, в Сибири так и осталось неизвестным. Да и в настоящее время венгерское издание является уже раритетным, библиографической редкостью.

Издание «ИМЕНИТЫЕ БОГАТЫРИ ОБСКОГО КРАЯ» призвано поправить положение и сделать доступными мансийские фольклорные тексты, а также их содержание широкому кругу читателей. Тексты настоящего сборника взяты из II тома 4-хтомного издания Б. Мункачи (С.1-98).

Проект начинал реализовываться при активной поддержке профессора Реутова Ю.И. Рукопись сборника «Вогульская народная поэзия» была подготовлена в специально созданной для этой цели Научно-исследовательской лаборатории – Творческой мастерской Ю. Шесталова при Институте языка, истории и культуры народов Югры Югорского госуниверситета. Инициатором проекта, вдохновителем и координатором его был известный мансийский поэт, член Союза писателей России, лауреат государственных премий им. Горького и Шолохова, Юван Шесталов. В рабочую группу по художественному переводу мансийских текстов входили как поэты Югорской земли (Юван Шесталов, Вадим Орлов, Ирина Рябий, Светлана Динисламова), так и поэт из Санкт-Петербурга (Герман Ионин). Смысловой (подстрочный) перевод мансийских оригинальных текстов на русский язык принадлежит перу Светланы Динисламовой. Записанные латинскими буквами, древние мансийские фольклорные тексты впервые транслитерированы и переданы кириллицей в нашей книге. Транслитерация позволяет желающим почитать изначальные мансийские тексты в современном написании – кириллицей. Транслитерация текстов осуществлена Светланой Динисламовой и Альбиной Мехниной. Переводчик-консультант с венгерской стороны – Юдит Дмитриева.

Трехязычная «Вогульская народная поэзия» – научно-популярно-художественное издание. В первоначальных мансийских и венгерских текстах, а также в смысловом переводе сохранена нумерация строк. С ее помощью можно проследить за содержанием мансийского оригинала. Подстрочный перевод строго следует во всем за текстом оригинала. Таким образом, наше издание – многофункциональное. Его можно использовать при обучении как мансийскому языку и фольклору, так и при изучении теории и практики перевода, а поэтическая интерпретация текстов позволяет читателю получить эстетическое удовольствие.

Реализация нашего проекта «Издание поэтического перевода «Собрания вогульской народной поэзии» осуществилась при финансовой поддержке Департамента по вопросам малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, за что выражаем благодарность.

Надеемся, что наше трехязычное издание (на мансийском, венгерском и русском языках) станет не только ощутимым вкладом в дело сохранения и развития национального языка и культуры манси, но и явится важной вехой в деле сохранения мирового культурного наследия в интересах всего человечества.

октябрь 2010 г.

*Дмитриева Юдит
кандидат филологических наук*

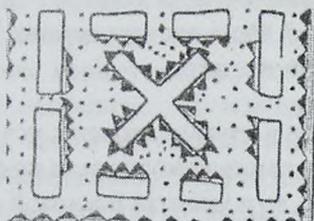

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

ШАМАНСКИЕ ТАЙНЫ «ВОГУЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ» Б. МУНКАЧИ

((Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény).

(1892-1921 гг. и 1952 г., 1963 г. Будапешт)

*Символ -
самая древняя письменность,
магическая письменность*

Собрание мансийской (вогульской) народной поэзии известно финно-угорскому ученому миру по одноименному шеститомному венгерскому изданию венгерских же исследователей А. Регули, Б. Мункачи и Б. Кальмана (Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény). В наши дни данное издание существует совсем в малом тираже потому, что как первые четыре тома с текстами, так и два следующих дополнительных тома с замечаниями и комментариями публиковались давно (1892-1921 гг. и 1952 г., 1963 г.). Образцы мансийской народной поэзии были собраны и зафиксированы в 40-е гг. (А. Регули) и 80-е гг. (Б. Мункачи) XIX века с уст мансийских шаманов и носителей мансийского языка, когда у манси не существовала еще письменная традиция. Поэтому А. Регули и Б. Мункачи собранный ими материал записывали в латинской транскрипции. Соответственно, в первых четырех томах изданы мансийские тексты в латинской транскрипции с переводом на венгерский язык.

Благодаря работе венгерских ученых, издавших на немецком и английском языках том комментариев «вогульской мудрости», фольклор манси стал широко известен в европейском научном мире. А на своей исторической родине в Сибири труд, не имеющий аналогов в мире, так и остался неизвестным.

Рабочая группа, состоящая из соискателей, занимается транслитерацией, подстрочным и поэтическим переводами древнемансийских фольклорных текстов, изданных в Венгрии в 1892-1921 гг. 1952 г., 1963 г.

Цель проекта – сделать доступным широкому кругу читателей эту сокровищницу мансийской народной мудрости.

*

В руках у меня книга. Книга необычная. И получил я её необычно... Было это давно и недавно: в конце шестидесятых годов прошлого века... Меня, тогда молодого, но уже известного поэта включили в делегацию СССР на празднование очередной даты Великой Октябрьской революции... В делегации были актриса, поэт, мастер производства, герой Труда... Делегацию возглавлял министр сталинских времён Столетов... Столетов, кажется, обиделся, когда на приёме Янош Кадар, лидер тогдашней Венгрии, подошёл ко мне (второй раз!), чокнулся со мной, сказав, что завтра я получу священный том, и я должен буду донести до Мира мудрость наших предков.

Всю жизнь, кажется, я пытался выполнить этот завет...

*

Первый том этой необычной книги начинается с магических строк «Священного сказа о сотворении Земли»:

«На клочке земли живут Женщина и Мужчина». Есть у них белоснежный ворон. Вокруг домика – вода. Земли не видно. Мужчина не выходит из домика, не знает, каков мир снаружи...»

На улице – зимняя ночь, темень, стужа. А в камлании Няр-Мишки – теплое море, лодка в тёплом море... И гагара, которая со дна великой воды достала землю. Земля стала расти... А белый ворон, съев человека, стал чернее чёрного зверя...

*

Это «сказочное сотворение земли» я слышал-видел в «турман-коле» с уст трёх шаманов – Якса-ойки, Потёпки и, конечно, Няр-Мишки. Они камлали-колдовали по очереди всю ночь, и я, казалось, жил тысячелетия, то плывя в лодке, то в кибитке в жаркой степи, то на коне в холодном Космосе...

Мне было то жарко, то холодно, то умирал, то возрождался вновь, вопреки «желанию умершей мамы»... Отец мой, председатель колхоза, «поставил в жертву» трёх оленей... Три наших славных няйт сказывали «Сказ о сотворения Мира», чтобы вернуть меня в мир живой жизни... Других детей и женщин при этом камлании обычно удаляют: «не всем доступны святые тайны святого творения»...

*

*Ветви и плоды...мирового древа
появляются в искусстве и мифах
Греции, но корни его скрыты в Азии...
Мировое древо – это символ,
который дополняет, а порой
и подменяет собой мировую гору, а оба этих
символа являются лишь усложнёнными фор-
мами космической оси или мирового столпа»*

*Э. А. С. Баттеруорт,
«Древо Пуна Земли».*

*

Мифы таких далёких и разных народов (японцев и манси!) говорят о сотворении мира языком и деталями такими похожими... Может «Вогульская народная поэзия» таит и другие шаманские откровения, оберегаемые от постороннего, враждебного слуха...

*

Например, бывая в «священном бору», первую чару манси и ханты ставят «ВОР-АКИ»*, нашим «лесным старцам, предкам-господам».

«Вор-акянувн, ур-акянувн овыл сярка унтыпалэв». – «Лесным нашим старцам, господам-предкам нашим первую чару поставим»

«Вор-акянув олэгыт-хулэгыт, ур-акянув олнэ-нот элаль тотэгыт, манавн нётэгыт». – «Старцы священного бора (вор-аки) живут-слушают нас, господа-старцы (УР-ИКИ) наш век (жизненный) вперёд поведут, нам помогают»,

* «ВОР» – на манси – «БОР», «АКИ» – «МУЖ, ВЕЩЕЙ СТАРЕЦ»

«ВОР-АКИ» – «ВАРЯГИ). «УР-АКИ» – «РЮРИК»..

Случайное ли совпадение? Что общего могут иметь легендарные варяги с исчезающим племенем манси, затерянным в дебрях сибирской тайги?

А между тем, наверно, не случайно с игрища удаляются непосвящённые женщины и дети. Не обязательно всем знать священные тайны священной истории...

*

История...Йис-тор* – древняя Природа, древняя жизнь... Так можно толковать это слово на мансийском языке, сохранившем корни древнего единого когда-то языка человечества. Кто-то удивится необычному утверждению автора этих строк. Мол, носитель мало-го, почти исчезнувшего языка,** хочет возвысить свой малочисленный народец во имя каких-то своих корыстных целей. Могут объявить и националистом, и прочими подобными кличками наградить... Но в защиту своего дерзкого утверждения хочу сказать: слишком мал мой род, чтобы претендовать на политические дивиденды... Лишь одно желание: донести до Просвещенного Разума скрытые тайны древних знаний, случайно сохранённых в «оледеневших звуках» отсталых языков. В отсталости вековой, тысячелетней эти языки, как ледники, хранят искры сокровищ исчезнувших цивилизаций...

А цивилизаций на планете Земля было не мало! Лишь высокомерие нынешнего «ученого мира» укрепило в сознании, что «дикарями были наши предки», а лучи так называемой цивилизации забрезжили лишь в наше время, время современной истории.

* * *

Аттила был невысок ростом, как многие ханты. Широкоплеч, как сибиряк. Тёмные волосы и плоский нос, напоминали хунна степной Монголии. Об этом же кричали редкая борода и узкие глаза. Но светло-матовое лицо, пышущее жаром-пылом свежewe выпечённой шаньги, говорило, что это «не хунн жёлтолицый, а гунн», вобравший в свой облик кровь и цвет угров. Двести лет, прожитых хуннами в соседстве с манси в легендарном Парпарсюхе (Барабинская степь) не прошли даром: родился **новый народ – ГУННЫ*****.

*«...И когда наступила пора дальних походов в Европу, туда двинулись не хунны и угры, а потомки тех и других – гунны, превратившихся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры – скорлупой, а вместе – особой системой, возникшей между Востоком и Западом вследствие уникальной судьбы носителей хуннской пассионарности»** (Л.Н. Гумилёв, Сочинения (составитель Куркчи) том 10, кн.2, 1997 г. стр.268) – заговорил мой волшебный камешек языком книг Гумилёва, которыми я когда-то зачитывался, а теперь будто бы и понадобились. О встречах с Львом Николаевичем Гумилёвым, озарённым МАГОМ ОЗАРЕНИЯ XX ВЕКА, я ещё возможно и расскажу, а пока же я об Аттиле.

* *

Итак Аттила...

Узкие серповидные глаза Аттилы смотрели, пронзительно пронзая насквозь собеседника. Даже не робкого человека охватывала дрожь, чуя осознанную силу. Сила МАГИИ ДУХА покоряла без оружия. *«Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна.*

* Йис-тор* – «Йис» – «древность», «тор» – «Божество», «жизнь».

** На мансийском языке говорят всего несколько тысяч человек.

*** Гунны (Хуннэ-ху – «человек гунна» так называют себя (в просторечии) – ханты

Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, болгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гунского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников» (Л.Н. Гумилёв, Сочинения (составитель Куркчи) том 10, кн.2, 1997 г. стр.292).

*

История России во мгле мифов. Мифы забытых племён и кровь в наших жилах... Всё смешалось в потоке времени, в судьбах народов... Народы не славянские с незапамятных времён жили не только за Уралом, но и в Восточной Европе. Потомки их составляют изрядную долю русских в России. Россия многоязыкая, разноплеменная имела долгую историю до объединения народов в единую семью с единым великим могучим русским языком.

*

Кто такие русские? Может, помогут не только мифы и летописи, но «сакральные тайны шаманских игрищ и заклинаний»?

Заклинания современной истории трактуют историю по своему, «на европейский лад». В нём есть европейский взгляд и своя европейская истина...

Европа второго века... Римская империя... Рассвет науки, искусства...

Рим – вечный город. Общий язык, единая культура, армия, которой, кажется, нет преград для завоеваний новых территорий. Кажется, никто не может поколебать непоколебимую мощь Римской империи!..

К третьему веку новой эры положение империи стало ухудшаться. Непобедимая армия стала привыкать к поражениям. С запада на Рим обрушились франки, в Африке за оружие взялись мавританцы, к Греции подступали Готы. После гибели императора Валериана в 260 году Римская империя развалилась на несколько частей. В 271 году римские легионы покинули Дакию, которую потом заняли совсем другие, варварские племена... И о Готах, двинувшихся в первом веке с берегов Балтики на юг, в низовья Днепра, можно узнать немало из этой истории. Столица Готов находилась в солнечном Крыму. Через сто лет Готы разделятся на Вестготов и Остготов. Только вот о Руси, о Россах, почти до 9 века невозможно ничего прочесть...

По этой истории «варварский мир» кажется упрощенным, не разнообразным. Многочисленные племена, отличавшиеся культурой и верованиями, изображаются врагами. Сложные планировки городищ, святилищ, ремесленных изделий тончайшей работы, открытые археологами, говорят о том, что эти племена являлись носителями высокой своеобразной культуры. Древнекитайская Ханьская империя, Монголы, древние Тюрки, Половцы, Печенеги... Особое место занимают Гунны... Их эта европейская история изображает страшилищами, чудовищами в самых чёрных красках...

Видно есть на то особые причины...

Гунны, хунны – самый загадочный народ Азии, изменивший карту Европы... Не одно тысячелетие это воинственное племя тревожило Китай. Великая китайская стена обязана рождению как спасение от хунских нашествий. Потерпев поражение в начале первого века воинственные Хунны двинулись на запад, часть его осела в Барабинских степях, другая устремилась к Уралу... У географа Дионисия Периегета можно прочесть, что к 158 году хунны достигли Волги и Дона. И вплоть до 370 года успешно воевали с аланами, подчинив их себе. Великолепные воины, усвоив опыт угров, с которыми заключали смешанные браки, жаждали славы и богатства... Но путь к этой цели на западе преграждали Аланы и Готы...

Смешавшись с многочисленными уграми, приняв язык мощ-мира (мещеров), в степи появился новый народ – гунны... Гунны «искали друзей среди» покорённых народов... И они нашли их в лице славян, покорённых Готами ещё в первом веке... Готы вышли «из острова Рюген», подчинив себе жителей от Балтики до Чёрного моря, основали столицу в Крыму. В 378 году Гунны, перейдя Керченский пролив, заняли Крым, повергнув Готов к бегству на запад. Царь Готов, столетний Германарих вонзил в себя меч. Началось сказочное «время переселения народов»... В четвёртом веке нашей эры на исторической арене появились Славяне, возглавляемые Гуннами, которые называли себя ОР-АСЬ, «отцами господ». Самым известным, «великим отцом» был Атила...

Атила – «отец»... Многие имена угорской древности связаны с понятием «Отец». Даже слово «КНЯЗЬ» таит этот же корень – «ХАН-АСЬ» – «ОТЕЦ ХАНОВ»... И даже слово «ВИТЯЗИ», кажущееся истинно русским, «образовано» таким же образом – «ВИТ-АСЬ» : «ОТЦЫ-ВОД»...

Подобные откровения могут показаться странными для современного русского слуха. Кажется, этого не может быть. Не может, и всё тут!

Но история, древняя жизнь таит много загадок... История складывается от общения многих народов... И языки народов имеют не только общее происхождение от пра-языка, но и взаимодействия, взаиморазвитии, рождают не только новые наречья.. И объяснить многие «странности» наречий можно лишь с помощью языков «малочисленных народов». Не всегда эти народы были малочисленными: они остатки народов, может быть, великих когда-то... К счастью истории, они оказались «отсталыми», сохранившимися в дебрях лесов, в высотах гор, в пустоши тундр...

Об этом задумывались многие учёные, написано немало книг.

*

«Чем дальше время отделяет от живущих на земле от исследуемой эпохи, тем она вызывает в их сознании меньше эмоций. Пройдет несколько веков, и Великий Новгород и Российская империя для большинства наших потомков станут малоразличимой древностью... – утверждает Вячеслав Тулунов в книге «Русь новгородская» – Поэтому беспристрастное обучение древних периодов истории собственного народа даёт современникам больше пользы, чем пристальное, но эмоциональное внимание к недавно ушедшим временам, (Вячеслав Тулунов, «Русь новгородская» (Москва, ООО «Издательство «Эксмо» 2009.)

Учитывая ничтожное количество моего народа Манси, мои записки не несут политических и прочих притязаний. Это лишь случайные откровения в миг озарения автора по «случайному знанию» мансийского и хантыйского языков, которых не могли знать прошлые исследователи... А инстинктивное понимание языка Коми-зырян, татар или венгерского не раз приводила автора этих строк к волшебным озарениям...

«Торум йис тэли, отыр йис тэли» – «Наступит эра Торума, наступит эра Космоса (космическими богатырями) тогда и скажешь...»

Такой завет я получил от шаманов в десять лет в «миг посвящения-откровения». Постигая новые знания, как и другие ровесники моего поколения, я скрупулёзно следовал эти заветам...

ЭРА КОСМИЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЙ НАСТАЛА, МОЖНО и ГОВОРИТЬ ВО ВЕСЬ ГОЛОС...

Р ю р и к ... Р ю р и к о в и ч и ...
Финно-угрорюриковичи... **ЮГРА-
РЮРИКОВИЧИ...** В самых невероятных,
фантастических гипотезах может быть
скрыта тайная истина.

Истинная истина прошедших эпох, живущая в священных письменах-орнаментах, в музыкальном Слове, извечно охранялась Священосказателями. Священосказитель – Магического Слова относился к Слову, как носителю потаённой энергии не только прошлого, но и Будущего. Будущее снится даже самому падшему. Падший, изничтоженный народ, ищет спасения в Спасительной Мутре предков, сохранившей

Тайную энергию спасения.

*

«Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или россы, — этнос отнюдь не славянский. Еще в X в. Лиутпранд Кремонский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos – по месту жительства», — и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси. (36 стр.)»

Бытовые навыки у славян и русов были тоже различны, особенно в характерных мелочах: русы умывались перед обедом в общем тазу, а славяне – под струей. Русы брили голову, оставляя клок волос на темени, славяне стригли волосы «в кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей, часть которой продавали хазарским иудеям, а славяне занимались земледелием и скотоводством. Авторы X в. никогда не путали славян с русами. (37 стр.)

Но при этом нельзя считать русов скандинавскими варягами, так как последние начали свои походы в IX в., а русы известны как самостоятельный этнос авторам VI в. Иордану и Захарии Ритору. Единственной непротиворечивой версией является заявление епископа Адальберта, назвавшего княгиню Ольгу царицей ругов, народа, западная часть которого погибла в Норике и Италии в V в., а восточная удержалась в Восточной Европе до X в., оставив в наследство славянам династию и название державы. Этот факт наводит на размышления «Л.Н. Гумилёв. «Древняя Русь и великая степь» стр. 30-32.

*

Аттила и Рюрик... Два пассинария, два героя, два мифа? Получается так, что лишь миф несёт истину истинной истории...

У Аттилы был сын Ирник. «ИР-ИКИ» – «ГОСПОДИН – МУЖ», «МУЖ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО НАРОДА». После разгрома АЛАНАМИ АНТОВ – Славяно-угорского союза (610 год), угры двинулись не только в чащи Мещерских лесов, но и на Север, завоевав побережье Балтийского моря вплоть до Дании и Швеции. Князь остаётся князем и после разгрома, он будет утверждать свою власть не только в новых землях Скандинавии, но и на море. Балтийское море назовут морем ВАРЯЖСКИМ, РОССКИМ, АТТИЛА, ИРНИК,

РЮРИК... ФИННО, УГРО, РЮРИКОВИЧИ...

Недавно князь Шаховской, генеолог, живущий Париже, заявил, что ГЕНЫ в его РЮРИКОВСКОМ РОДУ говорят о ФИННО-УГОРСКОМ, а не германо-скандинавском происхождении... (Предки по отцовской линии финно-угры в базе 25). Рано ли поздно, но об этом скажут ЧУДСКИЕ ТАЙНЫ Карелов, Вепсов, Ижорцев, Ливов...

*

Учёные мира выдвинули много гипотез относительно слова «РУСЬ», а удовлетворительного ответа – нет. Может потому, что в стороне остались мансийский и хантыйский языки? Их в качестве ключа для разгадки никто и не рассматривал. И это естественно: никто из размышлявших на эту тему не знал этих языков, на которых говорит несколько тысяч человек. Да и психологически, мол, не может быть, чтоб истоки великих РОССОВ были в малочисленном племени... Лишь наиболее проницательные учёные, вроде Л.Н. Гумилёва или М.В. Фёдоровой, доктора наук, профессора из Белгородского педагогического института осмеливаются делать необычные выводы, парадоксальные, но это лишь на первый взгляд...

Из книги М.В.Федоровой «Славяне, мордва и анты» (Доктор филологических наук, профессор, Белгород).

Мы предлагаем определенную научную гипотезу. Она может служить основой для историко-лингвистической дискуссии, которая будет полезна в плане более глубокого изучения истории народов Восточной Европы и их языковых отношений в I тысячелетии н.э. Принятие этой гипотезы позволяет вернуть двум небольшим народам нашей страны (ханты и манси) большую и богатую событиями историю.

Анты – единственный из этнонимов, позволяющий этимологизацию топонимических фактов Восточной Европы на почве обско-угорских языков. Если ко времени появления письменности у славян югра, включавшая в себя, кроме других племен, хантов и манси, уже обитала в районе Урала и смежных областей, то обско-угорские языковые следы в центре и на юго-западе Восточной Европы могут относиться только к более раннему времени, чем X в.н.э.

Если после 630 г. «имя антов полностью и навсегда исчезает со страниц истории», то именно в период между VII и X вв. совершилось постепенное перемещение предков обских угров от Приднепровья к Приуралью.

В процессе передвижения на восток бианты имели локализации разной длительности на промежуточных территориях. Об этом свидетельствует и некоторый антропонимический материал.

Рассмотренные нами данные позволяют уточнить значения слова *ант*, *анты*.

1. Анты – союз разных по языку и этнической принадлежности племен, существовавший в Европе до начала VII в.

2. Анты – ведущий в этом союзе народ, включавший в себя главным образом хантов, этнонимом которых частично обусловлено появление слова *анты*,

3. Анты – другие племена, родственные хантам и объединявшиеся с ними близостью языка; из известных нам коллективов – манси. Из общего антского союза манси совместно с хантами выделяются нами с помощью термина *бианты*.

4. Анты – другие племена, не связанные с предками обских угров языковым родством. Из них выделяются кавказские анты, о чем свидетельствует кабардинский фольклор и отчасти языковой материал.

Таковы четыре значения слова *ант* и предлагаемые нами разграничения этих значений.

Склавины/славяне в течение длительного времени соприкасались и взаимодействовали с антами (видимо, и с другими народами, входившими в антский союз), но отождествлять славян и антов лингвистических и исторических оснований нет.

Многое лежит на поверхности «ОЛЭГыт» – «ОЛЕГ» – «ЖИВУЩИЙ», «ХУЛЭГ» – «СЛЫШАЩИЙ»... С этих магических изречений начинается посещение не только святилища, но и любого бора-леса (БОР). Если про «ВЕЩЕГО ОЛЕГА», или «Псковитянки ОЛЬГИ» есть немало сведений в русских летописях, то про РЮРИКА мало что известно.

Но эти знания можно почерпнуть в «Священных сказаниях» не только манси и ханты, но и вепсов, коми, карелов, да и у русских язычников-староверов. Истинное содержание этих магических слов хранили, как зеницу ока, как священные амулеты, как сабли предков, помнящие кровь и победы...

И я, живший по закону «Открытой-закрытости», долго молчал про «ВЕЩИЕ ЗНАНИЯ ПРЕДКОВ», до поры – до времени наступления эры ТОРУМ-ЙИС Россия, Русь, Урус, Орос... Какие только гипотезы не выдвигают ученые и патриоты о происхождении этого волшебного слова! Западники возводят энергию этого слова к германоязычной Скандинавии, славянофилы – пытаются всеми фибрами души уцепиться за давно угасшую славянскую магию. Магия же магична магией реальности. Реальность же давно космично-планетарна. Планета давно живет не по законам рода, а по законам глобализма. Эти законы ужасны, но от них никуда не уйти, как от космических законов, по которым живут лишь МНС... Лишь в языках Малочисленных Народов Севера сохранились стародавние звуки праязыка единого когда-то пранарода животворной планеты Земля. *«Земля» носит имя «МА» не только на манси, саами, финском, но и на египетском и шумерском. В мифах индейцев Америки утверждается, что «предки их пришли с земли по имени «МУВ». «МУВ» – означает землю на современном хантыйском языке.*

Все это указывает, что много тысячелетий назад был единый пранарод с единым человеческим языком. Да помогут малые языки, сохранившие смысловые корни, проверить известные гипотезы и открыть «открытую закрытость», хотя бы слова «РУСЬ».

*

Задачи проекта:

- передать записанный в латинской транскрипции древний мансийский текст кириллицей;
- осуществить на основе подстрочника поэтический перевод текстов с мансийского языка на русский язык.

Результат проекта – подготовка рукописи к изданию 2 тома «Собрания вогульской народной поэзии». При осуществлении задуманного трехязычного издания (на мансийском, венгерском и русском языках) мансийского фольклора должен родиться как единое целое памятник духовной культуры народа, включающий в себя «устное священносказание» манси, его мифы, героические гимны, и вообще все сохраненное в записях многообразия вогульской дописьменной поэзии. Реализация данного проекта может стать не только ощутимым вкладом в дело сохранения и развития национального языка, фольклора и культуры малочисленных народов севера Сибири, но и явится важной вехой в деле сохранения мирового культурного наследия в интересах всего человечества.

Анализируя мысли, интуитивные озарения, мы можем понять, почему происходили те или иные события, можем спрогнозировать, что произойдет с нами, с миром, с планетой Земля. И это не мистика, а великий дар Человека.

Н.Н. СКАТОВ
Член корреспондент РАН,
директор ИРЛИ
(Пушкинский дом)

ПРИШЛО ВРЕМЯ

Сейчас время собирать камни. Но сделать это нелегко – слишком долго их разбрасывали. Впрочем, венгр Антал Регули уже в середине позапрошлого века записывал фольклорные произведения народа манси, дело его продолжил Бернат Мункачи. Результаты опубликованы – латинская транскрипция и перевод на венгерский язык. Сейчас издание является раритетным. Разумеется, вышло оно за рубежом. Равно как и труд венгерского фольклориста Кальмана Белы, сделавшего к этим фольклорным текстам комментарии на немецком языке. Или издание на английском языке, подготовленное Михаем Хоппалом (ныне директор Института этнографии Венгерской академии наук).

Итак, на венгерском, немецком, английском...

Давно вызрел срок опубликовать замечательные дошедшие до нас мансийские гимны, былины, заклинания и другие тексты, используя принятый у нас, основанный на кириллице и прошедший все испытания младописьменный мансийский алфавит, – рядом напечатать русский подстрочник, а параллельно ему – литературный, поэтический русский перевод. Пусть фольклор древнего народа манси будет достоянием многонациональной российской культуры, скрепленной опытом русского переводческого искусства слова!

Именно этот благородный замысел решил осуществить Юван Шесталов вместе с группой переводчиков, собрав авторитетных мансийских, венгерских и русских филологов. И вот выходит первый выпуск их коллективного труда. В будущем издание составит четыре тома.

Приятно отметить участие переводчиков из Санкт-Петербурга. Культурная школа северной столицы вновь подтверждает свою историческую роль. Замысел издания, насколько я догадываюсь, родился именно здесь...

Надо всемерно приветствовать подобный труд. Недаром ведь именно сейчас Пушкинский дом издает многотомный свод русского фольклора. То же, но в особой форме, пора сделать и народу манси. Это не оглядка в прошлое. Такое издание – попытка заново, во всей полноте выявить начало всех начал – духовную почву и опору в будущем русского и других, солидарных с ним народов России.

GERMAN ИОНИН

поэт, профессор РГПУ им. Герцена,
доктор педагогических наук, академик Петровской академии,
зав. кафедрой литературы и методики ее преподавания
Института Народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена

СОБРАНИЕ ВОГУЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Значение этого уникального Труда огромно. Принципиально важно и то, что во главе редколлегии по изданию задуманных шести томов стоит национальный поэт – основоположник мансийской литературы Ю.Н. Шесталов.

Ведь речь идет не только о переводе на русский язык фольклорных записей, которые полтора века тому назад были сделаны венграми Анталом Регули и Бернатом Мункачи, и не только о научном комментировании мансийского текста (опыт подобного комментирования уже есть на немецком и английском языках). Мы говорим, в сущности, о замысле сотворения единой системы вогульского фольклора – системы, чем-то напоминающей сложение канонического текста Библии. Должен родиться как единое целое памятник духовной культуры народа, включающий в себя и «устное священнописание» манси, и мифы, и героические сказания, и вообще все сохраненное и в записях многообразии вогульской дописьменной поэзии.

Мы сказали – «сотворение системы». Именно сотворение, потому что, опять-таки, речь идет не просто о научной классификации материала. Шеститомное издание выявит и выстроит «книгу книг», одухотворенное правдой мировоззрения древнего (может быть, древнейшего!), проверенного тысячелетиями и до сих пор опережающего современность – думаю, спасительного и для нас. Создать такое единство призван подлинно народный поэт. Ему по плечу подвиг Элиаса Лёнрота и Андрея Пумпура: как известно, первый из отдельных рун сложил «Калевалу», а второй по фольклорным мотивам создал собственную поэму «Лачплесис», которая и поныне живет как латышский народный эпос. Мы помним, что Фридрих Крейцвальд собрал и обработал эстонскую «библию» «Калевипоэг», а великий Генри Лонгфелло на той же народной основе сотворил свою собственную «Песнь о Гайавате».

Юван Шесталов решил в числе шести книг издать один том, куда войдет впервые сложенный им из отдельных сказаний и поэтически воссозданный и как грандиозное сюжетное целое «Восхождение МИР-СУСНЭ-ХУМА». В таком качестве мансийская «книга книг» еще поразит нас изначальной «причастностью тайнам», потрясающей философской глубиной и художественной мощью. Кровная близость к культуре шаманизма, филологическое чутье и такт, наконец, известный всему миру поэтический дар Шесталова – залог успеха.

МИР-СУСНЭ-ХУМ – мировой смотритель, культурный герой, поборник справедливости, наставник и учитель народа. В мансийской мифологии седьмой (младший сын бога Торума и Калтац-Най, посланный на Землю, как спаситель).

СВЕТЛАНА ДИНИСЛАМОВА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры мансийской филологии ЮГУ

О богатстве и своеобразии мансийского фольклора доктор филологических наук, автор многих монографий по языку и культуре родного народа Е.И. Ромбандеева пишет: «Манси обладают богатейшим устным народным творчеством. <...> Каждый жанр устного народного творчества имеет свой художественный стиль изложения и исполняется при определенных, ограниченных условиях, продиктованных обычаями народа, его жизненной потребностью».¹ Е.И. Ромбандеева с гордостью говорит о том, что «мудрые манси в надежде развить свой разум, свою мудрость в лесах дремучей тайги, в высотах необъятных гор, один на один в борьбе с суровой природой сумели создать свой мир поэзии».²

Интересно высказывание финского ученого А. Каннисто о драматическом искусстве народа манси: «Вероятно, нет ни одного племени, которое не чувствовало бы потребности облачить свои мысли и чувства в одежды поэзии. Драматический вид поэзии – всегда редкое явление у природных народов, даже живущих в сравнительно благоприятных внешних условиях. Поэтому кажется весьма неожиданным, когда находишь исконную развитую драму у такого народа, как вогулы, которые, будучи забыты остальным миром, ведут однообразную охотничью жизнь на отдаленной территории Сибири».³ Ученый пытается найти ответ на вопрос: «Откуда к вогулам и остякам пришел первый импульс драматического искусства? Откуда эта мысль – изобразить ощутимо для глаза и уха кусочек жизни, прожитой с древности, – будь то действительность или только фантазия поэта?».⁴

Подчеркивает значимость мансийского фольклора и И.И. Авдеев – фольклорист, собиратель и исследователь песен народа манси. В своих исследованиях И.И. Авдеев делает вывод, что фольклор манси «представляет не начальную стадию творчества, а итог чрезвычайно сложного развития. При этом древние фольклорные мотивы не отделяются от поздних механически, как ядро ореха от скорлупы. Наоборот, соединение их настолько сложно, что освобождение первоначального смысла фольклорных произведений от всего привнесенного в позднейшее время, вскрытие их корней представляет подчас большие трудности».⁵ И.И. Авдеев справедливо подмечает, что вся история народного творчества коренится в истории производственных отношений людей, в реальном процессе жизни.

А.Н. Баландину, известному ученому-языковеду, автору кандидатской диссертации «Язык мансийской сказки» (1939) принадлежат слова: «По разнообразию и высоте художественной значимости их поэтического творчества маньси могут быть выдвинуты на одно из первых мест среди финно-угорских народностей».⁶ Ученый говорит о том, что особенно хорошо сохранился фольклор у северных манси, кото-

¹ Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура». – Сургут, 1993. – С. 24.

² Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура». – Сургут, 1993. – С. 24.

³ Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. – Томск, 1999. – С. 3.

⁴ Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. – Томск, 1999. – С. 3.

⁵ Авдеев И.И. Песни народа манси. – Омск, 1936. – С. 19.

⁶ Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. – Ленинград, 1939. – С.9.

- 0137177 -

Государственная
библиотека
Югры

17
КО

рые в силу сложившихся исторических условий, подверглись более слабому влиянию со стороны своих соседей и в гораздо меньшей степени ассимилировались с ними. Действительно, у северных манси в наши дни еще можно найти носителей устно-поэтического народного слова, представляющего исключительный интерес как для исследователей-фольклористов, так и для языковедов. А.Н. Баландин считает, что поэтическое творчество манси «цветистым языком» резко выделяется своей спецификой: «...эпитеты в лирике манси способствуют более точному обозначению, создают яркие зрительные образы, они выражают отношение к окружающему миру, способствуют раскрытию национального характера народа. <...> Материал для сравнения в песнях берется всегда из окружающей природы».⁷ И действительно, природа является для таежных жителей первоосновой жизни не только материальной, но и духовной. Поэтический мир людей былых веков – это мир гармонии, это одухотворенная связь с тайгой, рекой, озером, лугом. Отметим, что древние родовые корни преемственно наделили талантами и современных писателей – Ю. Шесталова и А. Тарханова, в их творчестве также прослеживается языческое проникновение в жизнь и стихию природы. А в свое время мифы, легенды, сказки, песни, загадки создавались наиболее талантливыми людьми, владевшими искусством слова. Возраст фольклора исчисляется десятками тысяч лет. С течением времени тексты произведений изменялись, дополнялись и дошли до нас в той форме, в которой они сегодня и представляют научную ценность. Как отмечает Т.В. Волдина, сегодня трудно переоценить роль фольклора в реконструкции протокультуры и праязыкового состояния в разработке проблем семантики и прагматики, теории литературного языка.

Т.А. Молданова в статье «К проблеме сохранения фольклора обско-угорских народов» говорит о том, что аутентичный фольклор способен существовать в своей естественной среде, в котором в полной мере представлены все три функции: магическая, коммуникативная, эстетическая. «Именно в этой среде символы, придающие смысл жизни, живы. <...> В символах воплощены сущностные для этноса идеи, нормы, идеалы, представления и т.д. <...> Если духовным ценностям наносится удар, то люди теряют смысл жизни, их социальная организация распадается, а сами они морально разлагаются [Юнг К.Г., 1991. С. 84-85]».⁸ Т.А. Молданова справедливо считает, что этот процесс идет сейчас и в обско-угорской среде, и чтобы его остановить – позитивным является реставрация некоторых обрядовых праздников, которые в полной мере воспроизводят все символы культуры и естественную форму передачи фольклорных традиций. И хотя речь в данном случае идет о медвежьих игрищах, следует отметить, что представленные в нашей книге фольклорные тексты, как аутентичный фольклор – есть эталон традиционного поэтического мастерства, раскрывающий историю духовной культуры народа, многих и многих ее предшествующих поколений.

В целом же труд Б. Мункачи – это бесценный клад мансийского поэтического творчества. Необходимо помнить, что для своего времени исследователь, как и его предшественники и современники, во благо науки и культуры целого этноса совершили настоящий подвиг.

⁷ Там же. – С. 24.

⁸ Молданова Т.А. К проблеме сохранения фольклора обско-угорских народов // Материалы третьих Югорских чтений. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001. – С. 52.

ЛЫСКОВА Н.А.

доктор филологических наук,
профессор кафедры мансийской филологии ЮГУ

БЛАГОРОДНАЯ МИССИЯ

«Собрание вогульской народной поэзии»... Бернат Мункачи... Понятия, известные ученому миру Европы, станут ли такими же известными на исторической родине?

Или же уникальное творение МАНСИЙСКОГО ДУХА так и останется в единичных экземплярах венгерского издания девятнадцатого века? Давно пора бы мудрые строки таежного откровения издать не только на кириллице, но и перевести на русский язык!

Бернат Мункачи... В конце восьмидесятых годов XIX века на Обский Север выехал венгерский ученый Бернат Мункачи. Венгерская академия наук командировала его к народу манси для проверки и расшифровки текстов, записанных в свое время А. Регули.

Мункачи пробыл среди манси всего около года (1888–1889 гг.). За этот непродолжительный срок он объехал всю мансийскую территорию, проверил и расшифровал тексты Регули, кроме того, записал большое количество новых текстов, относящихся к разнообразным видам устного творчества мансийского народа. Поездка Мункачи к манси оказалась исключительно плодотворной, а результаты его работы явились крупным вкладом в финно-угорское языкознание. В течение 1892–1896 гг. Мункачи опубликовал четыре тома мансийской народной поэзии с приложением лингвистических и этнографических комментариев и написал грамматические очерки по 6 мансийским диалектам (северному, среднелозьвинскому, нижнелозьвинскому, пелымскому, кондинскому и тавдинскому). Фольклорный памятник выдающемуся лингвисту Б. Мункачи должен создавать достойный его величия человек. Иван Николаевич Шесталов – феномен мансийской культуры – является таковым!

Жизненный и творческий путь Шесталова можно представить в становлении и в развитии как четыре взаимообусловленных и логически выстроенных этапа. Каждый этап творчества по-своему уникален, так как всякий раз мы видим неповторимого творца: поэт-студент, прозаик-зрелый муж, философ планетарного сознания и, наконец, издатель «Собрания мансийской (вогульской) поэзии».

Необыкновенно ярко и стремительно происходило формирование молодого поэта Ювана Шесталова. Зарождавшимся стихам было тесно в кипучем сердце студента-герценовца. Они выплескивались в вузовской учебной аудитории.

Хореический стих сопровождался возгласом шаманской природы и выразительным взмахом то левой, то правой руки в ритм льющейся мансийской речи. Характерное па мансийского танца сливалось с декламацией песни восторга.

Молодость скоротечна, ее сменяет зрелость.

В зрелые годы Иван Николаевич создает прозу. Его герои познают и покоряют природу, ошибаются и находят верное решение, влюбляются и передают свой опыт сыновьям и внукам. Названия его произведений поэтичны: «Языческая поэма», «Синий ветер каслания», «Тайна Сорни-най». Такие названия способствуют тому, чтобы открыть книгу, прочитать, удивиться и восхититься мудрости мансийского бытия. В 90-е годы XX в. Иван Николаевич услышал зов родных богов и духов. Он обращается к философии космического сознания. В эти годы устанавливаются контакты с учеными, исследующими древние цивилизации. Все люди планеты Земля становятся для Ювана Шесталова – меншами (нем. Mensch «человек»). Сам Иван Николаевич чувствует себя посредником Земного и Небесного. Он стремится понять душу мансийского народа, несет ответственность за духовную культуру родного народа. Все больше и больше Иван Николаевич осознает, что фольклор следует использовать как средство познания истории и культуры народа. Фольклор – это подлинная энциклопедия поэтических знаний народа, дающая полное представление об идейно-эстетических богатствах его творчества, Юван Шесталов принимает важное решение – увековечить устное народное творчество манси, издать на исторической родине «Собрание вогульской поэзии» Берната Мункачи.

И.Н. Шесталов, которому уже за семьдесят, взвалил на себя обязанности координатора рабочей творческой группы и ответственного редактора всех томов мансийской поэзии, собранных в свое время знаменитыми венграми. Благородная миссия Ивана Николаевича Шесталова должна состояться. Ювана Шесталова в его новом амплуа следует поддержать на всех уровнях. «Собрание вогульской поэзии» Б. Мункачи – нужный и своевременный труд. Он востребован не только на исторической родине манси, но и в России в целом, а также за рубежом. Мировая культура пополнится еще одним уникальным источником поэзии, мудрости севера.

СЕМЕНОВ А.Н.

доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой журналистики и литературы ЮГУ

ПЕРЕВОД – ПРОЦЕСС ГУМАНИТАРНЫЙ, А НЕ ТЕХНИЧЕСКИЙ

Переводчики – почтовые лошади просвещения.

Александр Пушкин

Не слово нужно переводить, а силу и дух.

Джон Драйден

У человека, читающего переводную книгу, всегда, отдает ли он себе в этом отчет или нет, возникает какое-то представление о переводчике, а иногда, при особой удаче, если работа очень уж хороша, даже какой-то его образ. «Переводчик, – писал по поводу одной из таких редких удач Гоголь, – теряет собственную личность, но Жуковский показал ее больше всех наших поэтов... Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность – это загадка, но она так и видится всем...»*

Личность переводчика непременно сказывается в его работе, и, чем светлее мотивы, по которым он берется за труд, чем они чище и бескорыстнее, чем больше у него любви к выбранному произведению и желания зажечь ею своих соотечественников, чем шире кругозор переводчика, чем тоньше его вкус и острее чувство времени, чем выше, следовательно, нравственная ответственность, которую он берет на себя своим выбором, тем большую цену в глазах читателей приобретает его владение родным языком, его профессиональное мастерство, тем больше в них высокого духа искусства.

С другой стороны, от потребности в осмысленном труде и материальном вознаграждении за него не свободен никто, и ничего зазорного в честно заработанных деньгах нет. Труд настоящего (тонкого!), переводчика должен быть оплачен по достоинству. Но когда этими двумя стимулами все дело исчерпывается, когда – это тоже очень существенно – переводчик смотрит на свое занятие как на нечто вынужденное и временное, «служилое», тогда – беда. Особенно сегодня, когда его специальность – детективы, или мелодраматическая, в ярко-красочных обложках, но все равно – серость, или даже вожделенные компьютерные самоучители, то от такой переводческой деятельности веет не духом искусства, не свежим ветром ума, добра, свободы, культуры, а застоявшимся воздухом камеры-одиночки.

Предлагаемое издание переводов уникального собрания фольклора манси не подпадает под сказанное выше ни по содержанию, ни по характеру, ни по духу сделанной работы.

Это утверждение принципиально важно, и первую очередь, потому, что обычно эгоистическая и ремесленная сторона в работе переводчика не заявляет о себе так ясно и откровенно. Если у нее нечиста совесть (а такое в переводческой деятельно-

* Гоголь Н.В. Полн собр. соч. - М., Изд - во АН СССР, т. X. С. 377.

сти, к сожалению, встречается довольно часто), она прячется за такие высокие слова, как «искусство», «творчество», «миссия», «сближение народов», но часто переводчик вообще не задумывается о роли этого стимула в своей деятельности, искренне считая ее несуетным служением музам. Пребывать в этой убежденности переводчику тем легче, чем почтеннее подлинник, чем дальше он от простой развлекательности, которая в детективе, к примеру, очень уж неприкрыта. А мы имеем дело с очень почтенным подлинником, почтеннее которого и придумать уже нельзя.

Весьма своеобразен в связи с переводом вопрос о качестве. Если вообще не касаться переводов неумелых, невразумительных, продукции с браком в самой фактуре, поделок, одним словом. Таких поделок и в нашем случае развелось великое множество, когда каждый знающий язык манси или ханты мнит себя уже переводчиком. Но нас сейчас занимает другой вопрос: почему одни технически полноценные переводы становятся литературным событием, волнуют умы современников и читаются потомками, даже успев несколько устареть стилистически, а другие, вполне корректные, никого особенно не трогают и живут очень недолго?

С ходу на этот вопрос, естественно, хочется ответить, что все зависит от подлинника, от его значительности, глубины, поэтических достоинств и так далее. С первого взгляда такой ответ кажется исчерпывающим. Но только с первого взгляда. Какими общественными событиями были в XIX веке русские переводы «Илиады» Гнедича и «Одиссеи» Жуковского! А впоследствии ту же «Илиаду» еще раз перевел Минский, а «Одиссею» Вересаев, но публику появление этих работ оставило довольно спокойной. Переводы Гнедича и Жуковского пользуются до сих пор, пожалуй, большей известностью, чем оба последующих. И дело тут, по-видимому, не только в том, что Жуковский и Гнедич – более сильные мастера, чем Вересаев и Минский. В пастернаковском переводе «Фауста», например, гораздо больше поэтической мощи, чем в тяжеловесном, сухом и уже довольно-таки архаичном переводе Холодковского, но в данном случае более ранний перевод не только не убит более поздним, но и по сей день цитируется гораздо охотнее и чаще.

Теперь, казалось бы, должен последовать вывод, что успех и живучесть перевода автоматически обеспечиваются его первооткрывательской ролью, тем, что он впервые представил людям своего языка прекрасное произведение иноязычной литературы. Но такой вывод тоже, оказывается, опрометчив. Первых русских переводов из Шекспира и Диккенса, например, сейчас никто почти и не помнит. Получается, что для того, чтобы в области перевода случилось событие и чтобы оно к тому же нескоро потускнело и не стало достоянием только литературоведов и библиографов, всех перечисленных условий еще недостаточно.

Принадлежность перевода к большому миру культуры или к маленькому миру потребительства определяется, по-видимому, общим для всякого искусства законом. Искусства, оторванного от своего времени, в природе не существует. И перевод, игнорирующий духовные потребности своей эпохи, не чувствующий ее насущных нужд, далекий от ее тревог, оказывается, как бы ни был он безупречен технически, вне сферы искусства.

В дневниках Льва Толстого есть одно глубочайшее замечание, которое, если вдуматься, имеет прямое отношение к запутанному вопросу о художественной ценности перевода, к парадоксу успеха и долговечности переводов, далеких от совершенства, и читательского равнодушия к иным образцам переводческой виртуозности. «Что я думал об искусстве, – записал Толстой 27 февраля 1896 года, – это то, что ни в чем так не вредит консерватизм, как в искусстве. Искусство есть одно из проявлений духовной жизни человека, и потому, как, если животное живо, оно дышит, выделяет продукт дыхания, так, если человечество живо, оно проявляет деятельность искусства. И потому в каждый данный момент оно должно быть – современное – искусство нашего времени... Но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство – классическое – и бранящие современное, этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству».

Связь переводчика со своим временем не надо толковать грубо и упрощенно, она не достигается тем, что переводчик обращается только к произведениям, появившимся в подлиннике на его веку или немного раньше. Да и вообще слово «достигается» тут неуместно, всякая преднамеренность, нарочитость такой связи совершенно чужда. Связь эта органична, она срабатывает сама собой, человек либо наделен острым чувством своей эпохи, либо нет. И если переводчик им наделен, то оно и определит его выбор подлинника. Возьмем те же гомеровские поэмы, впервые переведенные на русский язык чуть ли не через три тысячи лет после их рождения. Слава их переводчиков, чей труд вызвал у их современника Пушкина такие слова, как «подвиг» (об «Илиаде» Гнедича) и «гений перевода» (о Жуковском), не увяла и по сей день. Перевод гомеровских поэм отвечал духовным запросам России первой половины XIX века. Дело было не просто в том, что Гнедич и Жуковский открывали русской читающей публике знакомый ей дотоле лишь понаслышке древнегреческий эпос как таковой, а прежде всего, думается, в том, что они выполняли просветительскую миссию в момент, когда просвещение четко осознало себя антагонистом деспотизма и самовластья, и еще – и это тоже очень существенно – в том, что полные стихотворные переводы «Илиады» и «Одиссеи», переводы, при больших художественных достоинствах, эквилинарные, были частью той великой работы, львиную долю которой выполнил Пушкин, – создания живого и гибкого русского литературного языка. Гнедич и особенно Жуковский показали на деле, какие огромные репродуктивные возможности таятся и в лексике, и в синтаксисе, и в мелодике языка, еще не так давно задышавшегося при переводе поэзии под тяжестью славянизмов и в путях силлабического стихосложения.

Той конкретно-исторической ситуации, на которую так чутко отозвались первые русские переводчики Гомера, никогда больше не будет, и уже по одной этой причине любой новый перевод его поэм на русский язык не может оказаться таким знаменательным событием в нашей словесности, каким были те переводы, ставшие выдающимися литературными памятниками своего времени, потому что были родными, желанными и любимыми детьми своего времени.

Предлагаемое собрание переводов именно сегодня необходимо на русском языке на родине уникального фольклора манси. Открытия делаются только тогда (и этот закон распространяется не только на переводческую деятельность), когда назревает общественная нужда в них, когда предчувствие их растворено в воздухе. Так было с великими географическими открытиями. Так делались и делаются большие и малые открытия в точных науках и технике. Так рождаются и настоящие произведения искусства, те, которые вызывают у публики искренний интерес и горячие споры: при всей своей непредсказуемой новизне они содержат что-то такое, чего мы сейчас как раз и ждали, какой-то отклик на наши сегодняшние запросы. Произведения переводческого искусства не составляют исключения из этого правила. Элемент открытия, обаяние впервые сказанного, но давно просившегося на язык слова присутствуют в работе переводчика не только тогда, когда он представляет соотечественникам современного иноязычного автора. А тем более, когда автором является целый народ – необычайно талантливый, своеобразный.

Предлагаемые переводы приобретают особую ценность в наше время «разгула» компьютерных переводов. Никто, конечно, не сомневается в том, что деятельность и продукцию работающего по методу компьютерных программистов переводчика детективов надо отнести к «малому миру» перевода, миру, тяготеющему больше к «сфере услуг», чем к сфере эстетики. Никто не станет приписывать художественную ценность и переводам, преследующим учебно-популяризаторские цели, даже если они так забавны и остроумны, как появившиеся недавно переводы на латинский английский комиксов, где Микки Маус превращается в Михаэля Мускулюса, Дональд Дак в Дональдуса Анаса, зубная щетка в «пеникулюс дентариус», а купальный костюм «бикини» в «вестикула бикиниана». Слишком очевидно утилитарно-практическое назначение этой и подобной продукции, слишком прозрачны мотивы, заставляющие переводчиков браться за такую работу, – скоротать томительно тянущееся время, заработать деньги, помочь преподавателям мертвого языка. Это явно что-то промежуточное между так называемым «техническим переводом» и переводом художественным.

Мы же имеем дело с переводами эстетическими, сделанными с чуткостью к окружающей обстановке, с учетом места и времени, с социального и национальным тактом.

Во времена, когда переводческое дело в нашем отечестве только начиналось, в центре внимания заинтересованных лиц стояли проблемы технологические, то, что сегодня часто называют «ноу-хау». Переводческим мастерством надо было овладеть, как всякими другими знаниями и ремеслами. Очень характерно, что великого поборника всякого технического прогресса Петра Первого занимал и вопрос, как лучше переводить иноязычные книги. «...И не надлежит речь от речи хранить в переводе, – писал он в 1709 году Никите Зотову, – но точно сенс вразумев, на своем языке уже так писать, как внятнее не может быть»³².

Сформулированное Петром правило в общем совершенно справедливо и по сей день и в сжатом виде выражает конечную мудрость многих трудов по теории

перевода – старых, новых и будущих. (Цит. по: Соболев Л.Н. О переводе образа образом. – В кн.: Вопросы художественного перевода. М., Сов. писатель, 1955. С. 308.)

Оговорку «в общем» надо сделать потому, что в тексте художественном важным слагаемым «сенса» является стиль, для передачи которого порой приходится и в какой-то мере именно «хранить речь от речи». Но в этой петровской чисто технологической рекомендации не упущено из виду, а, наоборот, выставлено вперед то, что, к сожалению, часто обходят вниманием, заботясь прежде всего о формально-технической стороне дела, о способах воспроизведения просторечия, свободного стиха, ругательств, слэнга и т. п., участники нынешних дискуссий о переводе и авторы соответствующих рубрик газет и журналов. На переднем плане у Петра «сенса» – смысл. Это тем более значительно, если речь идет о фольклоре, публикация переводов которого может стать заметным фактом духовной биографии соотечественников, скажет им что-то новое и существенное, сделает их умственнее и душевно богаче. Это стремление в публикуемом результате деятельности переводчиков собрания фольклора манси мы уловили.

ОРЛОВ В.
доктор педагогических наук,
профессор Югорского государственного университета,
член Союза российских писателей.

СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мои первые опыты перевода вогульских героических сказок, представленные в данном издании, не позволяют осуществить обстоятельный и глубокий анализ переводческой деятельности. Однако приобретенный опыт дает основание поделиться с читателями своими приемами работы.

Прежде чем заняться переводом, пришлось перечитать не один десяток сказок народов ханты и манси. Чтение дало возможность почувствовать неповторимый колорит бытия малочисленных народов Севера, проживающих в редконаселенных, труднодоступных территориях в условиях сурового климата. Чтение статей таких современных авторов, как В.В. Блажес и Е.И. Ромбандеева, позволило познакомиться с типическими особенностями повествования мансийских сказителей позапрошлого века.

Наряду с этим пришлось перечитать труды отечественных литературоведов Б.В. Томашевского и В.Я. Проппа, которые в первой половине прошлого века осуществили анализ волшебных сказок. Методология, предложенная названными учеными, позволила дифференцировать сказки на авторские и народные, а народные – на былинные и волшебные. Если былинные основываются на каких-то реальных исторических событиях, то волшебные, казалось бы, не имеют из-за присутствия волшебства никакого отношения к реальной действительности, однако это совсем не так.

Многовековая загадка человеческого мышления – волшебные народные сказки – не только и не столько учебник добра, сколько мир ужасов, кровавых преступлений, мошенничества и обмана, кровосмешения, братоубийства, предательства, алчности и корысти. При этом герой волшебных народных сказок, как правило, побеждает не только с помощью своей силы и ума, но и с помощью некоего волшебного средства. Подтвержу эти теоретические выкладки отечественных структуралистов примерами из переводимых мной сказок. Так, в «Сказе о Князе-богатыре Лиственничного рода» главный герой, превратившись в искорку, выбрался из горящего дома, обернувшись белкой и спрятавшись в расщелину в дереве, ушел от вражеской погони. В «Сказании об Аяс-Торуме» юный богатырь попросил у отца небесного Сорни Кворыса добротное оружие, с помощью которого и победил своих кровожадных братьев.

Структурализм классика гуманитарной науки XX века В.Я. Проппа, проанализировавшего практически все известные волшебные народные сказки, дал мне, как начинающему переводчику, методологическую основу, опираясь на которую я

экстраполировал предложенную В.Я. Проппом схему на переводимые мною сказки. Выявлена следующая группировка персонажей и тактика их действий: «отправитель» (неверная жена; стремление к свободе; старшие братья) посылает «героя» (именитого богатыря; племянника человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов; младшего брата) на поиск какой-то выгоды (новых территорий в низовьях Оби; свободы; невесты). Далее герой сталкивается с невзгодами, унижениями, испытаниями и даже гибелью (в поэме «Именитый богатырь» в неравной схватке погибает богатырь, а все последующие злоключения выпадают на долю его сына; в «Сказании об Аяс-Торуме» главного героя морят голодом, пытаются заманить на охоту и там убить; в «Сказе о князе – богатыре Лиственничного города» князя-богатыря пытаются сжечь, застрелить). В процессе своих поисков и злоключений герой обращается к «дарителю» или «дарителям» (дяде; небесному отцу Сорни Кворысу; дядям, что в каменном городе-крепости в устье реки Сосьвы жили-правили) и получает от него или от них «волшебное средство» (богатырские доспехи, оленей, лыжи и т.п.). Обладая «волшебным средством», «герой» вступает в борьбу с «вредителем» (русским богатырем; четырьмя кровожадными братьями; вероломным и хитрым князем-богатырем с обликом железной гагары, а то и со всеми обитателями города-крепости) и с помощью силы богатырской побеждает его, обретает вечную славу и уважение.

Все волшебные сказки имеют эту схему независимо от страны, национальности. Эти сказки сочинены народным мышлением и, поскольку схема повторяется у всех народов, то за этой схемой должна стоять какая-то модель, которую сказка выражает иносказательным языком. Сам Пропп, убедившись в полном единообразии строения волшебных сказок, выдвинул предположение: не значит ли это, что все они происходят из одного источника? [4, с.116]. Этот источник он усматривал в психике, религии, верованиях, хозяйственном быте.

Свою схему В.Я. Пропп выявил на основе анализа поступков (функций) основных сказочных персонажей, при этом способ осуществления функций может меняться: он представляет собой величину переменную... Но функция, как таковая, есть величина постоянная. Оказалось, что во всех волшебных сказках функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много. Этим объясняется поразительное многообразие, пестрота и красочность волшебных сказок и в то же время их не менее поразительное сюжетное единообразие.

Знание общих закономерностей развития сюжета волшебных сказок помогло в прояснении фабулы переводимых произведений.

Незаменимую помощь в осмыслении культуры мансийского народа оказал мне основоположник мансийской художественной литературы Ю.Н. Шесталов. Его консультации пролили свет на особенности жизни и быта коренных жителей ХМАО – Югры. Например, я попросил Ювана Николаевича охарактеризовать сказочного персонажа, человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, на что профессор Ю. Шесталов ответил: «Это был очень богатый, очень

уважаемый человек, о чем говорит его очень дорогая одежда». Такая детализация важна для переводчика, не знающего мансийские обычаи. То, что без пояснений понятно и рассказчику-манси, и слушателям-манси, совершенно неочевидно русскому человеку, а, значит, русский читатель может не понять значимости персонажа, а раз это так, то в тексте сказки следует все непонятное разъяснить, причем при минимуме отступления от подстрочного перевода. Таким образом, характеристика, данная Ю.Н. Шесталовым, помогла выстроить систему реальных взаимоотношений между сказочными персонажами.

Чтобы ощутить атмосферу, в которой живут сказочные персонажи, я неоднократно и с большим интересом посещал прекрасный Музей природы и человека, расположенный в Ханты-Мансийске. В залах, посвященных югорскому средневековью, экспонируются одежда, вооружение воинов того времени. Археологические находки, предметы быта, собранные в музее, дают пищу воображению, чувствам и уму (делают восприятие подстрочников ярким, целостным, эмоционально богатым).

Не меньшее влияние на меня оказали и картины Владимира Игошева, собранные и бережно хранимые в его Доме-музее. Особенно такие картины как «Оленевод Яков Рочев» (1989 г.), «Бригадир оленеводов Е.В. Хозяинов» (1979 г.) и конечно же «Портрет В.И. Номина» (1973 г.). Последняя из перечисленных картин как никакая другая проливает свет на лучшие черты северного человека: нестигаемую волю, душевное равновесие, спокойствие и уверенность, большую ответственность за судьбы своего народа. Именно эта работа В. Игошева служила основанием для «выстраивания» характеров богатырей из переводимых мною сказок.

Главную проблему перевода я усматриваю в том, что я условно называю «восстановлением (и даже усилением) экспрессии в месте завязки сюжета». Я глубоко убежден, что без вычленения и демонстрации читателю изначального противоречия, заложенного в фабуле сказки, дальнейшее развитие сюжетной линии может показаться читателю алогичным, надуманным, а то и попросту неинтересным. И наоборот, заострение внимания читателя (слушателя) на мотивации главного героя делает повествование логичным, оправданным, а поведение главного героя – единственно правильным. Приведем пример из «Сказания об Аяс-Торуме»: «...в доме знатного вогула проживал его юный племянник. Пуще собственного ока берег его дядюшка. Опекал да ограждал. Никуда из дому не выпускал, а на ночь в подол своей одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, спать укладывал. Так они и жили.

Пришло такое время, ...и затосковал юноша: ...песня его – в доме томится, сказка его – в доме пропадает. Дядюшкина опека – неволе сродни. Вот и задумал юноша из домашнего плена выбраться да округу посмотреть. Размечтался: «Может и моя песнь вдаль полетит, может и мой сказ вдаль помчится!». И решил он из дому выбраться, как только дядюшка уснет».

Анализируя эту часть текста, замечу, что ключевыми словами здесь, на мой взгляд, являются слова, свидетельствующие о тяге юноши к свободе, самореализации, самоутверждению: «Может и моя песнь вдаль полетит, может и мой сказ вдаль

помчится!». А раз это так, то надо добиться такого звучания этих ключевых слов, чтобы у читателя не оставалось и тени сомнения по поводу логики поступков сказочного богатыря. Для того, чтобы показать читателю, насколько важны для юноши его собственная песня, его собственная сказка, я использую прием повтора этих ключевых слов. Причем повторы, как заметит читатель, встречаются в литературно обработанной сказке большее количество раз, чем это есть в подстрочном переводе. Эта некоторая «вольность», на мой взгляд, оправдана, ибо повтор ключевых слов время от времени напоминает читателю о главной коллизии героя сказочного повествования. Как лектору с тридцатипятилетним стажем, как члену Союза российских писателей, постоянно работающему со своими и чужими текстами, мне такая «вольность» видится допустимой и оправданной. И мне почему-то кажется, что, живи я в те времена и общайся я со сказителями того времени, я бы смог их убедить в необходимости повтора ключевой фразы большее количество раз, что сделало бы повествование еще более поэтичным и логичным (по крайней мере, современный писатель и сказитель мансийского народа Ю.Н. Шесталов со мной согласился). Более того, наиболее талантливые сказители, видимо, так и делали. А может быть и так, что венгерскому ученому Б. Мункачи просто не выпал случай записать иную интерпретацию этой сказки в исполнении другого рассказчика.

Конечно, любая работа, а тем более литературный перевод, требует читательской апробации. Я читал свои переводы студентам, преподавателям, друзьям, родственникам, гостям, попутчикам и др. И всегда обнаруживал (сначала с удивлением, а затем уже как нечто само собой разумеющееся), что я не устаю читать эти тексты людям, а люди с интересом (уж точно не из приличия и не для того чтобы не обидеть друга, преподавателя, хозяина, попутчика и пр.) слушают эти переводы. Более того, несколько молодых родителей даже просили отдать им текст перевода, чтобы почитать дома своим детям. Не мне судить о качестве переводов (здесь я делаю лишь первые шаги), но ясно одно, что, если в основе перевода лежит настоящее глубинное народное творчество, то оно «обрекает» на успех любой перевод. Это народное творчество – как дорогой изумруд, который не утрачивает восхитительного великолепия, даже будучи вставленным в кольцо, сделанное не самым лучшим мастером.

Использованная литература:

1. Блажес В.В. Сказки волшебные // Югория: Энциклопедия ХМАО. – Т. 3. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 111.
2. Блажес В.В. Сказки мифологические и героические// Югория: Энциклопедия ХМАО. – Т. 3. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 111.
3. Материалы VI Югорских чтений «Героический эпос обских угров: наследие и современность» // Сборник научных статей / Под ред. К.В. Афанасьевой, Т.В. Волдиной. – М.: Издательство «ИКАР», 2005. – 148 с.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки.– Л.: АCADEMIA, 1928. – 152 с.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – 6-е изд. – М.-Л.: Гослитиздат, 1931. – 244 с.

Часть 1

(Героические песни)

Богатыря Ас-котиль ойки,

Аяс-Торума

героическая песня

(Тәрниң әргыт)
(Аяс-Төрүм).
Ас-котиль ойка,
Аяс-Төрүм тәрниң әрге.

Az Obvidék istenei
Az Obközép öregének,
Ajász-istennek hősi éneke

Герико-сакральный гимн АС-ТОРА
(ГРОМОВЕРЖЦА), БАТЫРА,
АССА СВЕТЛОВОДЬЯ (АС-РЕКИ)*

(Перевод Ювана Шесталова)

Az Obvidék istenei
1. Az Obközép öregének,

Ajász-istennek hősi éneke

1	Каким именем именитого батыра богатырское имя мое названо!
Какой славой славного батыра имя мое славное прославлено!
С одной стороны: воды простор просторной АС-реки, –
Нуми-Сорни отцом сюда спущен я,
Я-АС-ТОР.	1	Minő neves fejedelemnek nevezik az én nevem!
Minő neves fejedelemnek híresztelik az én hírem!
Egy felül való vizem: a vize tágas, tágas Ob; –
Numi-Szornyí (Felső aranyos Ég) fölséges atyám
5	Другая сторона моих вод: священное сияние священных озёр; –
Озареньем Высшим Высшего Отца
В сияние этих вод священо посвящён Я, Я – АС-ТОР.
Восседающие семь углов земли,	5	Ajász-isten öreget, ide rendelt engem.
Más felől való vizem: szent víz folyta szent tó;
Numi-Sorní fölséges atyám
Ajäs-isten öreget ide igézett engem.
Ez az elterülő (ülő), mindenfelé levő hét vidék.
10	Процветающие семь урочищ
Мощью моей процветают.
В одежде горемычной множество горемык
Мощью моей могуче восседают.	10	Ez az elterülő, mindenfelé lévő hét földrész:
Mind az én hatalmammal áll fönn;
Nyomorúságos subájú sok szegényem (t.i. híveim)
Mind az én hatalmammal áll fönn.
*		*	
	Именитого батыра имя мое возносят!		Minő neves fejedelemkép terjesztik (vitetik) az én nevem!
15	Славного батыра славную славу славят!
На одну сторону вод моих кину взор:
В сиянии шести ханов утинокрылых сияю,
Среди семи ханов гусинокрылых восседаю.	15	Minő híres fejedelemkép terjesztik az én hírem!
Egy felől való vizem [ha] nézem:
Szent víz folyta szent tavat nézek,
Vadrécze bukdácsoló hat folyócskát lakom (ülőк),
Vadlúd bukdácsoló hét folyócskát lakom.

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Смысловой перевод

(Тэрниң эргыт).
I. (Аяс-Торум).

(Героические песни)
1. (Аяс-Торум).

Ас-котиль ойка,
Аяс-Торум тэрниң эрге.

Богатыря Ас-котиль ойка,
Аяс-Торума героическая песня
(Перевод С.С. Динисламовой,
консультант Юдит Дмитриева)

1 Мана намың отыр намум намаяве!
Мана суиң отыр суюм суийяве!
Акв пал витум: витэ хара, хара Ас –
Нуми-Сорни ань ащумна

1 Вот какой я знаменитый богатырь,
моё имя произносят!
Вот какой я прославляемый богатырь,
молва обо мне разносится!
С одной стороны мои воды:
просторные воды, бескрайняя Обь: –
Нуми-Сорни моим отцом

5 Аяс-Торум ойка тыг ёлтвёсум.
Акв пал витум: ялпың вит овмың
ялпың тўр; –
Нуми-Сорни ань ащумна
Аяс-Торум ойка тыг сатвёсум.
Ты ўнлына хоталь блнэ сат сām,

5 Я, Аяс-Торум богатырь сюда спущен.
С другой стороны мои воды: святыми
водами наполненное святое озеро: –
Нуми-Сорни моим отцом
Я, Аяс-Торум богатырь сюда заговорен.
В этих местах имеющиеся все семь
уголков края,

10 Ты ўнлына хоталь блнэ сат мā ломт,
Пуссын ам ёрумтыл ўнлэгыт;
Савың сахип сав кўнярум,
Пуссын ам ёрумтыл ўнлэгыт.

10 В этих местах находящиеся все семь
кусочков земли,
Всё это благодаря моему могуществу
держится;
В убогих одеяниях многочисленные
мои бедняжки,
Все они благодаря моей силе существу-
ют.

*

Мана намың отыр намум тотаве!

*

Вот какой я известный богатырь, моё
имя распространяют!

15 Мана суиң отыр суюм тотаве!
Акв пал витум сунсылум:
Ялпың вит овмың ялпың тўр
сунсэгум,
Вас нопмаң хот хāңхылт ўнлэгум,
Лунт нопмаң сат хāңхылт ўнлэгум.

15 Вот какой я прославляемый богатырь,
молву обо мне вдаль несут!
Если одну сторону моих вод окидываю
взором:
Святыми водами наполненное святое
озеро вижу,
Утками изобилующими, над шестью
речными порогами восседаю,
Гусьями изобилующими, над семью
речными порогами восседаю.

- 20 На другую сторону вод моих кину взор:
Озарением Оби-кормилицы озаряюсь,
В рыбном царстве властвую.
На земле моего царствования
Горемычные мужички в одежде горе-
мычной,
- 20 Másfelől való vizem [ha] nézem:
A tápláló Ob tágas vizét lakom,
A halas Ob tágas vizét lakom.
Ezen lakó helyemen
Nyomorúságos subájú sok férfiam,
- 25 Горемычные женщины в одежде горе-
мычной,
Если будут поражены горьким недугом,
Недругом-заразой если будут заражены:
С молитвами придут ко мне, как другу-
спасителю.
На спасительном берегу спасительницы
Ас-реки,
- 25 Nyomorúságos subájú sok nőm
Kóros hús kórja ha érinti,
Beteg csont betegsége ha érinti,
Én hozzám imádkozni jönnek.
Ezen vize tágas, tágas Obom partján
- 30 Семь углов земли, верующих в богинь,
Обращают взоры в мою сторону;
Семь углов земли, верующих в богов,
Взором, жаждущим веру, ищут спасе-
ния во мне.
Нить силы моей, вызываемой снизу,
- 30 Istennőcskét [uraló] hét vidék,
Mind engemet tisztel (néz);
Istenkét uraló hét vidék,
mind engemet tisztel.
Este követelt áldozatomat
- 35 Утром невозможно поднять вверх,
Сверху призываемую нить моей мощи
Невозможно уронить вечером.
Семь жертв, связанные одной веревкой,
На жертвоприношение приводят люди.
- 35 Reggelre nem halasztják (juttatják);
Reggel követelt áldozatomat
Estére nem halasztják.
Egy kötéltre kötött hét áldozatot
Hoznak ők,
- 40 Шестью жертвами, связанные одной
нитью,
Торжественно жертвуют мои люди.
Они молятся краешку меха мехом укра-
шенного платья,
Они ублажают молитвой рукава моего
платья.
Если Тэрн-колдун колдовство свое
выявит,
- 40 Egy kötéltre kötött hat áldozatot
Hoznak ők.
Szárnyas subám szárnyát [fogva]
könyörögnek
Ujjas subám ujját [fogva] könyörögnek.
Ha ragadós kór támadott:
- 45 Если Куль черной смертью смертельно
заугрожает, –
Куля возьму, придавлю краешком меха.
Ногу мужа, подкошенного болезнью,
- 45 A ragadós kór ruhaszárnyától fölemelem
(fölveszem) őket;
Ha emésztő betegség támadott:
Az emésztő betegség ruhaszárnyától

- 20 Акв п̄ал витум сунсылум:
Тэпың Ас хара вит унлэгум,
Хұлың Ас хара вит унлэгум.
Ты унлынэ мамт
Савың сахип с̄ав хумим,
- 20 Если другую сторону моих вод обозреваю взглядом:
Питательной Оби на обширных водах восседаю,
Рыбной Оби на бескрайних водах восседаю.
Над этими землями покровительствуя,
В убогих одеяниях многочисленных моих мужчин,
- 25 Савың сахип с̄ав н̄ам
Толың н̄евыль толын ке х̄явет,
Мосың лув мосын ке х̄явет:
Ам п̄алтум поикшуңкве ёхтэг̄ыт.
Ты витэ хара, хара Ас в̄атамт,
- 25 В убогих одеяниях многочисленных моих женщин,
Немощью тела тяжёлая хворь если их сразит,
Недугом костей тяжёлая болезнь если их достигнет:
Все ко мне молиться придут.
Среди обширных вод, на этом моём берегу бескрайней Оби,
- 30 Н̄айиң ке с̄ат с̄ам –
Пуссын а̄нум сунсы̄яныл.
Отырың-ке с̄ат с̄ам
Пуссын а̄нум сунсы̄яныл.
Эти в̄овнэ йирум о̄был
- 30 С семи уголков земли, оберегаемых женскими духами,
Все люди меня почитают,
С семи краёв земли, охраняемых мужскими духами,
Все люди меня чтят.
На ночь назначенное для меня жертвоприношение
- 35 Х̄олытн ат ёхты̄яныл,
Алпыл в̄овнэ йирум-о̄был
Этиин ат ёхты̄яныл.
Акв кв̄алгэн н̄эгим с̄ат йирыл
Т̄ан тотыгл̄эгыт,
- 35 На утро не откладывают,
На утро назначенное для меня жертвоприношение
До ночи не оставляют.
Одной верёвкой связанные семь жертвенных животных
Они приводят,
- 40 Акв кв̄алгэн н̄эгим х̄от йирыл
Т̄ан тотыгл̄эгыт.
К̄емплың сахи к̄емплым п̄ойкегыт,
Т̄айтың сахи т̄айтум п̄ойкегыт.
К̄ерын ке х̄улиглас:
- 40 Одной верёвкой связанные шесть жертвенных животных
Они приводят.
Моего одеяния с подолом подолу они поклоняются,
Моего одеяния с рукавами рукаву они молятся.
Мор если им угрожает:
- 45 К̄ерын-к̄емплыныл н̄оңх-в̄ыганум,
Хуль ке х̄улиглыс:
Хуль к̄емплыныл н̄оңх-в̄ыганум.
Хотты м̄ат л̄агыл мосын ке х̄ойнэхум,
- 45 Словно из под подола одеяния, от мора я их подниму;
Эпидемия если им угрожает:
Словно из под подола одеяния, от эпи-

- руку мужа, задетого заразой,
От заразы избавлю, если придете с
мольбой;
С ногой без заразы, с рукой здоровой
здоровым
- 50 В здоровый мир подниму;
Жесткие боги восседают и в других
углах Земли;
Жестокие боги властвуют в других
краях Земли.
Мужем мужественным мужественно
владеющий
- 50 Ha én hozzám könyörögni jön:
fölemelem;
Lábkór nélkül, kézkór nélkül,
egészségesen bocsátom el. –
Más-más vidékeket [is] erős istenek
laknak:
[De] én, hét nyilas fegyvert viselő férfiú,
- 55 Шестью стрелами крылатыми, семью
стрелами крылатыми,
Крылатого Бога над собой не знаю,
Земного Духа достойного рядом нет.
Два глаза моих - спелые смородины -
смотрят,
Просматривая семь озер,
- 55 Hat nyilas fegyvert viselő férfiú,
Magam fölött semmi szárnyas istent nem
ismerek,
Magam fölött semmi lábas istenként
(bálványt) nem ismerek.
Érett ribiszke két szemem ha nézdegél:
Hét tavon által néz,
- 60 Семь плесов обозревая;
В обозреваемом мной краю
Любой случай, творение любое обре-
тает прозренье.
Зреньем своим однажды вижу:
С другого берега, с берега восточного
Точно идет-плывет лодка.
- 60 Hét Obkanyarulaton által néz;
A mely irány felé [szemeimet] oda
vetem,
Bármily dolog, bármily vétség, minden
látszik.
Egyszer csak a mint nézdegélek, ím
hogyan nézem: –
Az Ob bal feléről, kelet felől
- 65 В лодке, полной народом, вижу,
Вижу глазами смородины спелой
Смелую Нярс-най со смелой дружи-
ной.
Дружно выходят сыновья Нярс-най
На берег просторной Ас-реки.
- 65 Néppel telidesteli hajó, annak jövetele
látszik.
A mint közelre jő,
Érett ribiszke két szemű ím hogyan
nézem: –
Nyárész fejedelmi asszony hadi hajója
érkezett meg.
Ezen tágas vizű tágas Obpartra
- 70 Нярс-най за ними на берег шествует.
Торжественный ум мой хлебосольный
О хлебе-соли разумно думает:
- 70 Az ő alattvaló (birtokolta) sok fegyveres
szolgái
Íme fölkapaszkodtak, íme följöttek;
S aztán íme Nyárész fejedelmi asszony
szintén fölfelé lépdel.

Хотты м̄ат к̄ат мосын ке х̄ойнэхум

демии я их подниму.
С любых земель занедуживший хворью ног мужчины,
С любых земель занемогший хворью рук мужчины

50 Ам п̄алтум п̄ойкщун̄кве ёхты ке,
н̄о̄нх-в̄ыг̄лум,
Лагыл мост̄ал, к̄ат мост̄ал, пуссын
т̄аратылум. –
М̄отмат с̄амыт няңра т̄орумна
ўнлавет,
М̄отмат с̄амыт в̄агың т̄орумна
ўнлавет:
С̄ат нялпа к̄ерын о̄щнэ хум,

50 Ко мне молиться если придёт, вверх его возьму,
От болезней ног, от болезней рук его исцелю. –
На разных других уголках земли все-
сильные боги восседают,
На разных других краях земли всемо-
гутные боги восседают:
Но я – семь железных стрел имеющий
мужчина,

55 Х̄от нялпа к̄ерын о̄щнэ хум,
Ам нум-п̄алумт н̄эмат товлың т̄орум ат
в̄агум,
Ам нум-п̄алумт н̄эмат л̄аглың пупыг
ат в̄агум,
Понсум сосыг китыг сам сунсынт̄алэг
ке:
С̄ат т̄ур ұлтта сунс̄эг,

55 Шесть железных стрел имеющий
мужчина,
Выше себя никакого крылатого бога не
знаю,
Выше себя никакого ногостого духа не
ведаю.
Подобно спелой смородине два моих
глаза если присмотрятся:
Через семь озёр даль видят,

60 С̄ат Āс м̄эсыг ұлтта сунс̄эг;
Хотты ёр нупыл тув ке паттыягум:
Маныр в̄армалы, маныр нак акв м̄ус
н̄аңки.
Аквмат̄эрт тох сунс̄эм халт хумле
сунсылум:
Āс алумп̄алныл, холып̄алныл

60 Через семь излучин Оби даль видят;
В какую сторону я не бросил бы
взгляд:
Любые дела, любые происшествия
мне заметны.
Однажды так всматриваясь, что же
вижу:
Вдоль противоположного берега Оби,
с восточной стороны

65 Мир т̄аглуп т̄аглың х̄ап та йин̄этэ
н̄аңки.
Ляпан ёхтыме к̄эмт
Понсум сосыг китыг сам хумле сун-
сылум:
Н̄ярс-н̄ай эква х̄онт х̄апе ты
ёхтыг̄лалум.
Ты хара витуп хара Āс в̄атан

65 Людми наполненной полной лодки
приближение виднеется.
Поближе когда она стала
Подобно спелой смородине двумя
моими глазами, что же вижу:
Нярс-най эквы-героини лодка с воина-
ми прибыла.
На эти просторные воды обширной
Оби

70 Тав о̄щнэ аяң хум с̄ав п̄ыге
П̄аг ты п̄ухтысыт, п̄аг ты кв̄алсыт;
Та юи-п̄алт Н̄ярс-н̄ай эква о̄с п̄аг ты
ёми.

70 Её помощники-воины – многочисленные
сыновья-юноши
К берегу причалили, на берег ступили;
После этого Нярс-най эква-героиня тоже

Ajász-istenöreg, táplálékevő táplálékos
elmém
ím hogyan elmélkedik: –

75 «Стоит ли за луки браться,
Стоит ли за стрелы браться,
Если их сила так ничтожно мала?!
Выйду за двери дома с дверьми,
Выйду на улицу, кулаками побью».
И вышел я из двери дома с дверьми,

75 «Ilyen sokaságú nép számára
Minő ijjat kell elővenni,
Minő nyilat kell elővenni?!
Kímegek s ököllel verem őket.»
Ajtos házam ajtajának külfelére

80 На улицу вышел, кулаками их бью.
Ударю одного: падает сюда,
Ударю другого: падает туда,
Собираю урожай созревших ягод»
Ягоду сборную когда я собрал,

80 Kimentem, ököllel verem őket.
Az egyiket csapom: erre rogy le,
A másikat csapom: arra rogy le,
Szedni való bogyóképpen mindnyájukat
fölszedem.
Miután szedni való bogyóképpen őket
fölszedtem,

85 Шагнула в мою сторону сама Нярс-
най.
И Нярс-най говорит такие слова:
«Ас-торум, дорогой, помиримся с то-
бой!
Войной злой не уничтожить зла.
Умоляю рукава твоих одеяний,

85 Íme Nyárész fejedelmi asszony lép elő.
Nyárész fejedelmi asszony ím hogyan
szól:
«Ajász-isten öreg, béküljünk ki!
Többé haddá föl nem kerekedem (t. i. én
és népem) ;
Ujjas subád ujjához könyörgöm,

90 Бахрому одеяний твоих молитвой
молю:
Отпусти меня с живой душой!
Мой сытый княжеский разум
Разумно упитанный сытной едой разу-
мно скажет:
«Я тебя подружкой дружественной на
реку,

90 Szárnyas subád szárnyához könyörgöm:
Bocsáss el engem elevenen!»
Ajász-isten öreg, táplálékevő táplálékos
elmémnek
Ím hogyan tetszik, hogyan szólok:

95 Я тебя соседкой дружелюбной любов-
но назову;
Тебя Нярс-най с почётом увезут в своё
городище
Со стен, которых соскальзывают
Белки когтистые,
Белки головастые соскальзывают.

95 «Én tégedet szolgáló leánnyal szerellek
föl,
Én téged szolgálégnnyel szerellek föl;
Magad lakta, karmos evetnek meg nem
mászható váradba,
Magad lakta, fogas evetnek meg nem
mászható váradba,
Nyárész fejedelmi asszony eképpen
visznek el!»

*

*

Most egy éjt s napot nálam töltött (hált),

Аяс-Торум ойка, тэп тэнэ тэпың
номтум
Хумле номсы:

75 «Тыкем эрт мэхум магыс
Мана ёвт виңкве эри,
Мана нял виңкве эри?!
Кон-квалэгум, щажныл ратыяnum».
Авиң кол авим коны-пэлэн

80 Кон-квалсум, щажныл ратыяnum.
Мотан юныгтэгум: тыгле рагаты,
Мотан юныгтэгум: тувле рагаты,
Ватым пил холът пуссын ватсанум.
Ватым пил холът ватмум юи-пэлт

85 Ань Нярс-най эква тыг ты ёми.
Нярс-най эква хумле лави:
«Аяс-Торум ойка, ёмасмахтыгмен!
Вассыг хонтыг ат лапегум;
Тайтың сахин тайтын пойкегум,

90 Кемплың сахин кемплын пойкегум:
Анум лылың тагыл таратэлн!»
Аяс-Торум ойка тэп тэнэ тэпың
номтум
Хумле паты, хумле лавегум:
«Ам наын эңкаил щопитылум,

95 Ам наын хуцил щопитылум;
Наң унлынэ консың лэңын хантэл
усын,
Наң унлынэ пуңкың лэңын хантэл
усын
Нярс-най эква, аквтох тотавен».

на берег всходит.
Аяс-Торума ойки-богатыря едой поддер-
живаемый мой разум,
Как же он мыслит:

75 «Для такого большого количества
людей
Какой же мне лук нужно взять,
Какие же мне стрелы нужно взять?!
На улицу выйду, кулаками всех по-
бью». –
За двери моего дома с дверями

80 Я выхожу, кулаками всех их бью.
Одного ударяю: сюда он падает,
Другого ударяю: туда он падает,
Подобно собиранию ягод всех я их со-
брал,
Подобно собиранию ягод сбора, после
этого

85 Сама Нярс-най эква-героиня сюда
идёт.
Нярс-най эква-героиня как она говорит:
«Аяс-торум ойка-богатырь, давай по-
миримся!
Больше с войной к тебе не приду.
Рукав твоего одеяния с рукавами умо-
ляю,

90 Подол твоего одеяния с подолом умо-
ляю:
Меня живой отпусти!»
Аяс-Торум ойки-богатыря едой под-
держиваемый мой разум,
Как же он падёт, что же он скажет:
«Я тебя служанками обеспечу,

95 Я тебя слугами обеспечу;
В твой город, в который не проберётся
когтистая белка,
В твою крепость, в которую не про-
никнет зубастая белка
Нярс-най эква-героиня, они тебя туда
отвезут».

*

Ань этэ-хоталэ ам палтум хулыс,

*

И вот день-ночь она у меня проживала,

- 100 День погуляв, ночь погостив,
Гостеприимство княжеское по княже-
ски испытав,
В ладью княжны княжну усаживают.
Долго ли, коротко ли плывёт ладья,
Подплывает ладья к городищу Нярс-
най,
- 105 К высокому городищу со стеной
высокой,
С которой соскальзывают белки ког-
тистые.
Радостные ноги, радостные руки в
руки взяв,
Радостно вздыхает княжна Нярс-най:
«Слава богу – живой вернулась!»
- 110 Подошедшие сыновья, улыбаясь,
молвят:
«В городище высокое с высокой стеной,
Когтистые белки соскальзывают;
Как же ты, милая, вверх поднимаешь-
ся?»
- 115 Нярс-най княжна отвечает так:
«На неприступной стене стоит кресло
железное,
Железной верёвкой с двух сторон связав,
Опустите вниз то железное кресло;
И вверх поднимите, когда сяду на
железное кресло...
- 120 И ноги мои радостные, и руки мои
радостные,
Возрадуются радостной высоте.
А потом с высоты высоко скажу:
«Возвращайтесь домой в гармонии с
Торумом!»
«Как прибудете к князю Астор –
- 100 Egy éjt s napot vendégeskedett,
mulatott.
Vendégsége, mulatsága elteltével
Ugyancsak minapi jött hajójára
szállították. –
Sokáig vitték, rövid ideig vitték, egyszer
csak
Karmos evetnek meg nem mászható
várához,
- 105 Fogas evetnek meg nem mászható
várához
Érkezett im Nyárész fejedelmi asszony.
Örvendő lábát, örvendő kezét im emeli
(vette):
«Csakhogy valamikép életben
megérkeztem!»
Réves városa revéhez miután kikötött
(fogózott),
- 110 otthonn maradt sok apród legénye
A folyó felé ereszkedik, im miképpen
szól:
«Karmos evetnek meg nem mászható
váradba,
Fogas evetnek meg nem mászható
váradba
Hogyan jutsz föl Nyárész fejedelmi
asszony?»
- 115 Nyárész fejedelmi asszony im miképpen
szól:
«Mögös házam mögött áll egy vasszék,
Kössétek meg két végét két vaslánczczal;
Azután eresszétek le, én oda fölülök
S ti engem húzzatok föl!»
- 120 Erre fölhúzták. Midőn fölérkezett,
Örvendő lábbal, örvendő kézzel
örvendezett.
Kik őt elhozták, szolgáló leányai és
legényei felé
Im miképpen kiált alá:
«Gyermekek, Istennel menjetek,
kedveseim!

- 100 Өтэ-хоталэ тонтлыс, мүйлыс.
Тонтлыме, мүйлыме юи-пэлт
Аквата мөл йим хәпен, тув-тәлтувес.
Хоса тотвес, вәти тотвес, аквматэрт
Консың Ләңын хантәл үсын,
- 100 День-ночь почивала, гостила.
После того, как погуляла, погостила
На ту же лодку, на которой тогда при-
плыла, её усадили. –
Долго её везли, коротко везли, и вот од-
нажды
в город, в который когтистая белка не
проберётся,
- 105 Пуңкың Ләңын хантәл үсын
Нярс-най эква та нәглыс.
Щагтум ләглә, щагтум кәтэ ты вистэ:
«Хоткәпыл лылыңтәгыл ты ёхты-
сум!» –
Талтың үс талтын пүхтыма юи-пэлт
- 105 в крепость, в которую зубастая белка
не проникнет
Нярс-най эква-героиня прибыла.
Радостны её ноги, радостны её руки от
удачи:
«Наконец-то живой добралась!». –
На пристань города с пристанью при-
стали, после этого
- 110 Юн хұльтсам аяң хум сәв пйге
Нәлув-вагләгыт, хумле ләвегыт:
«Консың Ләңын хантәл үсынна,
Пуңкың Ләңын хантәл үсынна
Нярс-най эква мана урыл нөңх-
ёхтәгын?»
- 110 Дома остававшиеся помощники-
воины, многочисленные сыновья-
юноши
Вниз к реке спускаются, как они гово-
рят:
«В город, в который когтистая белка не
проберётся,
В крепость, в которую зубастая белка
не проникнет
Нярс-най эква-героиня, каким образом
ты вверх поднимешься?»
- 115 Нярс-най эква хумле ләви:
«Сысың кол сысумт кәр улас үнлы,
Кит өвлаге кит кәр квәлгыл нәгелын;
Тувл ёла-тәратәлын, ам тув тәлэгум,
Анум нөңх-хартәлын!»
- 115 Нярс-най эква-героиня как она им от-
вечает:
«На задворках дома с задворками же-
лезный стул стоит,
За два конца двумя железными цепями
его привяжите,
Потом вниз опускайте, я туда взберусь,
Меня вверх тяните!»
- 120 Нөңх та хартаве, нөңх патме кәмт
Щагтым ләгыл, щагтым кәт эла ты
щәгтыс.
Таве тотум әңқаянә, хұщанә нумпыл
Ёлалы хумле рөңхи:
«Няврамыт, Төрүм ёт минәкен!»
- 120 Наверх её тянут, после того как под-
нялась
Радостные её ноги, радостные её руки
далее возрадовались.
Её доставившим служанкам и слугам
сверху
Вниз как она кричит:
«Дети, с Торумом езжайте обратно!»

125 «Ещё хорошего сна!» – пожелайте,
Слова благодарности передайте».
И вот служанки-слуги поворачивают
ладьи
В великокняжескую сторону;

*

130 По течению плывут к просторам
величавой Ас-реки
К величавой крепости владычества
Астора,
К пристани города с величавой при-
станью пристают.
И я хан-ась, отец князей на берег ше-
ствую,

135 И отеческим словом по-отечески
спрашиваю:
«Дети мои, воины как вы ходили-
шествовали по земле, по водам?
Здоровыми ли вернулись?»
«В здравии ходили! Слово благодар-
ности Нярс-най принесли!»
«Дети мои-воины! Ладьи свои слав-
ные

140 На берег затащите, в дома свои героя-
ми войдите!»
Посреди семи миров вселенной,
Посреди шести миров жизненного
мира
На священной земле просторов Ас-
реки,
Завещанная высоким разумом Выше-
го Отца

145 Восседаю, властвую я Ас-тор.
Я, Астор вещатель песенных творений,
Я, батыр-вещатель сказочной мудрости
Семь ли ночей, семь ли дней
За семь озёр кидаю взор,

150 Семь плёсов прозревая,
Спелой смородины два моих глаза
Однажды видят: с северной стороны
Ладья полная людьми
Плывёт-движется в сторону нашу.

125 Ha Ajász-isten bácsitokhoz
megérkeztek,
Üdvözetem szavát vigyék!»
Most a szolgáló leányok és legények
Orros hajójuk orrát visszafelé fordították
A vízfolyás irányában, im úgy jönnek.

*

130 Miután hosszú ideig jöttek,
Miután rövid ideig jöttek, egyszer csak
Ajász-isten öreg bácsijuk lakta
Vize tágas Ob partja tűnt íme elő.
Réves városuk révébe a midőn
fölkapaszkodtak,

135 Ajász-isten öreg bácsijuk a folyó felé
lépdelek.
Ajász-isten öreg bácsijuk im miképpen
szólok:
«Gyermekek, egészséggel jártak?»
«Igenis, úgy jártunk, Nyárész fejedelmi
asszony üdvözetet küldött.»
«Gyermekek, vonjátok a partra
hajótokat, evezőtöket,

140 Azután jöjjetek be a házba!»
Hét ég közében,
Hat ég közében
Numi-Szornyí atyám rendelte
Vize tágas Obom partján

145 Szent földdarabomat most továbbra
ülöm.
Eképpen való ültömben
Ének hírszeltelte mondahős
Ajász-isten öreg a mint ugyancsak úgy
[mint előbb]

150 Hét éjjelen át, hét nappalon át,
Hét tavon keresztül nézek,
Hét Obkanyarulton keresztül nézek,
Egyszer csak érett ribiszke két szemű
Im hogyan nézem: [az Ob] alvidéke felől

125 Аяс-Торум ойка акин палт ёхтэгын
пыл,
Ёмас ұлум латың тотән!»
Ань әңкаит, хұщит
Нёлың хәп нёланл ювле ёхтысәныл,
Ов сысыг тохатәпыл ювыт.

*

130 Хоса йиманл юи-пәлт,
Вәти йиманл юи-пәлт аквматәрт
Аяс-Торум ойка акиянл ұнлынә
Витә хара, хара Ас вәта та нәглыс.
Тәлтың ұс тәлтанылна пәг-пұхты-
мәнл кәмт

135 Аяс-Торум ойка акиянл нәлув
ёмыгләгум.
Аяс-Торум ойка акиянл хумле
ләвыгләгум:
«Няврамйт! Пустәгыл ялысна?»
«Ялсұв. Нярс-най әква ёмас ұлум
ләтың кәтыс».
«Няврамйт! Хәпан, тупан пәг-хартән,

140 Тувл ұлты юв шалтән!»
Сәт торум халыт
Хот торум халыт
Нуми-Сорни ацум ләвсум
Витә хара, хара Ас пәхумт

145 Ялпың мә лөмтум әлалә та ұнлылум.
Тох ұнлынә халумт
Әрыг тотнә әрыг отыр,
Мойт тотнә мойт отыр
Аяс-Торум ойка тохатәпыл

150 Этә сәт, хөталә сәт
Сәт түр ұлтта вос сунсәгум,
Сәт Ас мёсыг ұлтта вос сунсәгум,
Аквматәрт понсум сосыг китыг сам
Хумле сунсылум: лүйи овылныл

125 К Аяс-Торум ойке-богатырю – дя-
дюшке своему как придете
Мои добрые пожелания передайте!»
И вот служанки, слуги
Носовую часть своей лодки с носовой
частью в обратный путь повернули,
Против течения так и едут.

*

130 Долго ехали, после этого
Коротко ехали, после этого, однажды
Аяс-Торум ойкой-богатырем – их
дядюшкой восседаемые,
Просторных вод широкой Оби берега
показались.
На пристань города с пристанью когда
они пристали

135 Аяс-Торум ойка-богатырь – я к бере-
гу иду.
Аяс-Торум ойка-богатырь – я им гово-
рю:
«Дети! Все целыми-невредимыми
ездили?»
«Ездили! Нярс-най эква-героиня тебе
добрые пожелания передала».
«Дети! Лодки, вёсла на берег выта-
скивайте

140 Потом в дом входите!»
Среди семи слоёв жизненного про-
странства,
Среди шести слоёв жизненного про-
странства
Нуми-Сорни мой отец завещал мне
Воды просторные обширной Оби,

145 На этом святом кусочке земли и даль-
ше я буду восседать.
Вот так восседая, в эти времена
Песню несущий песенный богатырь,
Сказку несущий сказочный богатырь
Аяс-Торум богатырь, как и всегда

150 Семь ночей, семь дней
Через семь озёр вдаль пусть гляжу,
Через семь Обских излучин вдаль
пусть всматриваюсь,
Однажды, подобно спелой смородине
два моих глаза
Что же видят: с северной стороны

- 155 В середине ладьи, полной воинами
людьми,
С расстояния узнавания глаза узнают
воинов
Тэк-ойку – голосистого мужа-лису,
С лисичьим голосом красного зверя,
- 155 néppel telidesteli hajó jön.
Közelébb, fölismerhető távolba alig jó,
Nézem: közepes hajó közepén
Teek-hős ő ül ottan, [úgy] látható;
Vörös rókaprémes [sapkájú] férfiú,
- 160 Злобным голосом чёрного зверя.
Со свистом и криком пристав на при-
стань
Воители сходят на берег с воем.
Воя, крича, идут на площадь.
Площадь рёвом ревет, стонет в сабель-
ном звоне.
- 160 Fekete rókaprémes [sapkájú] férfiú,
Az ő jövelele látható.
Réves városom révére a mint
megérkeztek,
Éles hangú hangos kiáltást kiáltottak
mindnyájan.
A partra fölkapaszzkodtak, a mint
följöttek,
- 165 Звонкую саблю приподнимаю,
Шагаю на площадь, где стоймя стоит
Площадная брань и злоба злая.
Злое зло и меня возбуждает,
Возбуждёнными глазами вижу Тэк-
ойку
- 165 Íme ismét éles hangú hangos kiáltást
kiáltottak.
Azután téres falum terén,
Téres városom terén,
Mintha valamit csinálnának, olyan zaj
hallik.
Kardlapos jeles kézzel
- 170 Ещё стойко стоящему на пристани
города.
Гордо иду я к своей пристани,
Без зова приставшему – гнев мой свя-
той
К святой защите свято зовёт,
- 170 Kimentem most;
Érett ribiszke kétszemű
Ím hogyan nézem:
Hát Teek-öreg a hajóréven áll.
Amint úgy áll, haragos férfinak megjött a
haragom,
- 175 В гнев защитном сила растёт.
Сильной саблей поведу сюда:
Валится валом луговая трава,
Травой лесной валяются воители
От мощной руки князя-спасителя.
- 175 Dühös férfinak megjött a dühöm.
Kardomat erre viszem:
Mint hegyi fű, mint erdei fű hull a nép;
Kardomat arra viszem:
Mint hegyi fű, mint erdei fű hull a nép.
- 180 Кося мелкотравье, мелкозлобье князей
На берег спускаюсь не лисой, а героем.
Герой – не злодей...Каясь в злодействе,
Тэк-ойка так молвит:
- 180 Most, a nép elpusztulása után
Íme Teek-öreghez megyek le a partra,
Úgy gondolván: ezen kardomat
Ezen Teek-öregen apróra fogom törni.
Midőn leértem, Teek-öreg így szól:

- 155 Мир тәглуп тәглың хәп ты юв.
Ватиннүв, хащнә пасна ала ёхты,
Сунсылум: котлиң хәп котлет,
Тәк-отыр, тав үнлынәт нәңки:
Кәлп охсар турпа хум,
- 155 Людьями наполненная полная лодка
плывёт.
Когда стала ближе, что можно уже
узнавать,
Смотрю: на середине лодки со среди-
ной,
Тәк-отыр – богатырь, он сидящий вид-
неется:
С голосом красной лисицы мужчина,
- 160 Сәмыл охсар турпа хум,
Тав йинәт нәңки.
Талтың үс тәлтумна ёхтымәныл
кәмт,
Нёлыт турпа турың рәңх пуссын
рәңхмыт.
Пәг ты пүхтысыт, пәг квәлманл кәмт
- 160 С голосом чёрной лисицы мужчина,
Его приближение виднеется.
На мою пристань города с пристанью
только они подъехали,
Резкими голосами громким криком все
они закричали.
На берег пристали, после того, как
ступили на берег,
- 165 Нёлыт турпа турың рәңх бәс ты
рәңхмыт.
Тувл улты каның пәвыл канумт,
Каның үс канумт,
Матыр вәрнә сүй ты сүйты.
Сырай сысың ёмас кәтыл
- 165 Резкими голосами звучным криком
ещё раз прокричали.
Потом на моей площади посёлка с пло-
щадью
На моей площади города с площадью
Как будто что-то делается, звук доно-
сится.
С саблей в хороших руках
- 170 Кон ты квәлсум,
Понсум сосыг китыг сам
Хумле сунсәгум:
Ань Тәк-ойка хәп тәлтыт ләоли.
Тох ләольнәтәт кантың хум кантум
ты ёхтум,
- 170 На улицу выхожу,
Подобно спелой смородине двумя
своими глазами
Что же вижу:
Это Тәк-ойка – богатырь на лодочном
причале стоит.
От этого вида ко мне, гневному муж-
чине, гнев мой пришёл,
- 175 Ләвың хум ләвум ты ёхтум.
Сыраюм тәгле тотыгпәлум:
Ур пум, вөр пум хольт мир рәгпи,
Сыраюм тәгле тотыгпәлум:
Ур пум, вөр пум хольт мир рәгпи.
- 175 Ко мне, свирепому мужчине, нена-
висть пришла.
Саблей своей сюда поведу:
Словно горная трава, словно лесная
трава, так люди подкашиваются,
Саблей своей туда поведу:
Словно горная трава, словно лесная
трава, так люди падают.
- 180 Ань мир хәлыме юи-пәлт
Тәк-ойка пәлт нәлув ты ёмегум
Номсыкәмт: ты сыраюм
Ты Тәк-ойка тармыл пулиг ты
сәгрилум.
- 180 И когда все люди погибли
К Тәк-ойке-богатырю на берегу иду
При этом думаю: этой саблей своей
Тәк-ойку-богатыря на кусочки пору-
блю.

- Ас-тор наш могучий, Свей думу про-
щенья.
- 185 В прощеньи нуждаются кости немощные:
С мощью твоей мудрости разве их
сравнишь!
Мощью великодушья великодушно от-
пусти.
Отпусти живым, голову склоняю.
- 185 «Ajász-isten öreg nekem számodra
vagdalni való
Micsoda húsom van,
Micsoda csontom van?!
Vajha még egyszer elevenen
Te emem elbocsátánál!
- 190 Умоляю, молю соболиной молитвой,
Звериной молитвой молю: отпусти!
И мой ум сытый пищей сытной
В сытной думе благородно думает:
- 190 Nyusztbőr-írádsággal imádlak,
Rénbőr-írádsággal imádlak,
Óh, bocsáss engem szabadon (tkp. által)!»
Ajász-isten öreg
Táplálékem táplálékos elmém im hogyan
elmélikedik:
- 195 «Убив его, разве ум мой чище станет?
Восстанет пусть в нём божий Дух!»
Слух Природы пусть в нём оживёт!»
Оживив свою душу великой жалостью
Жалостливую молитву Тэк-ойка молвит:
Астор великодушный! Домой увези
меня,
- 195 «Ha őt most megölöm, ugyan mennyire
fog lelkem csillapodni?
Hadd tartsa őt meg Tārēm (az isten)
továbbra is elevenen!»
Azután Teek-öregget rendkívül
megsajnáltam.
Teek-öreg most im hogyan könyörög ismét:
«Ajász-isten öreg! én egymagamban (tkp.
magam nagyságával)
- 200 Огня и силы во мне больше нету!
«Свету в твоём духе мало стало!
И нету у меня времени возить тебя до-
мой!
Хитро-мудрый лис домой ты сам при-
дешь»
Отвечаю я, отец князей Астор.
- 200 Hogyan (hová) jutok haza?»
Ajász-isten öreg im hogyan szólok:
«Teek-öreg! nekem, hogy téged haza
vigyen,
Semminemű apródlegényem nincsen;
Te változzál el róka alakjára,
- 205 С восторгом положив свою саблю
Ославленный хитрый лис лисою улизнул
В сторону своего края.
Краешком глаза вижу:
В завьюженной сабле кровь моих
воинов славных.
- 205 Haza úgy mendégélj! »
Most Teek-öreg kardját nekem
ajándékozta,
Maga pedig róka alakjában ezzel elment.
Most a mint a kard felé nézek:
Fegyveres szolgálím vére oda tapadt (ott áll).
- 210 Славным сыновьям-воинам моё слово
славное:
«Славную эту саблю, остроконечный
меч мой
На озеро отнесите, кровь святую
смыв водой святой,
святой молвой навечно окропите»
- 210 Fegyveres szolgálímnak im hogyan
szólok:
«Ezen hegyes kardot, híres szablyát
Szent víz folyta tóhoz vigyétek,
Mossátok le ott vérét!»
Most a hegyes kardot, híres szablyát

- Налув ёхтымумт Тэк-ойка лавиглы: До берега дошел, Тэк-ойка-богатырь ко мне обращается:
- 185 Аяс-Торум ойка! Ам наңын сәгруңкве 185 «Аяс-Торум ойка! У меня, чтобы с тобой сразиться
Мана нёвыль оныцегум,
Мана лув оныцегум?!
Наң ос а́нум лылыңтағыл
Вос таратаслын мунт!
Разве какое-то мясо имеется,
Разве какие-то кости имеются?!
Ты тоже меня живым-невредимым
Отпустил бы сейчас!
- 190 Нёхыс пойкил пойкилум,
Уй пойкил пойкилум,
А́нум ұлтта вос таратаслын мунт!»
Аяс-Торум ойка
Тэп тэнэ тэпың номтум хумле номсы: 190 Соболиными молитвами тебя умоляю,
Звериными молитвами тебя умоляю,
Меня отпустил бы сейчас на волю!»
Аяс-Торум ойки-богатыря
Едой поддерживаемый мой разум как же размышляет:
- 195 «Тав тыл алкёмт мана номтум сох-
тымлы?!
Ты тара Торумн лылыңтағыл вос
оныцаве!»
Тувл Тэк-ойка саль яныг салиг та вис-
лум.
Тэк-ойка ань ос хумле пойкци:
«Аяс-Торум ойка! Ам амким янытыл 195 «Если его убью, разве от этого мой разум успокоится?!
Поэтому пусть и дальше Торум живым его хранит!»
Затем к Тэк-ойке-богатырю жалостливой большой жалостью проникся.
И вот Тэк-ойка-богатырь снова просит:
«Аяс-Торум ойка-богатырь! Я совсем один
- 200 Хумус юв-ёхтэгум?»
Аяс-Торум ойка хумле лавегум:
«Тэк-ойка! Наңын юв-тотуңкве
Нэмат аяң хум ат оныцегум;
Наң охсар хурил ёңхегын, 200 Как же домой доберусь?»
Аяс-Торум ойка-богатырь, так я ему молвлю:
«Тэк-ойка-богатырь! Тебя домой доставить
Никаких помощников-воинов мужчин у меня нет;
Ты в образ лисицы превратись,
- 205 Юв тох ты ми́нлән!»
Ань Тэк-ойка сырае а́нум ты
муйлыстэ,
Тав тай охсар хурил та минас.
Ань сырай нумпыл кос сунсэгум:
Аяңхум пыганумн псханыл тот
люлегыт. 205 Домой так и добирайся!»
И Тэк-ойка-богатырь свою саблю мне подарил,
Сам же в образе лисицы ушёл.
На саблю я только глянул:
Моих помощников-воинов мужчин-сыновей кровь на ней находится.
- 210 Аяңхум пыганумн хумле лавегум?
«Ты тальхың сырай суиң на́ри
Ялпың вит овмың тұрна тоталын,
Посэ хот-ловталын!»
Ань тальхың сырай суиң на́ри 210 Моим помощникам-воинам мужчинам-сыновьям что же я говорю:
«Эту остроконечную саблю, священную саблю
На святыми водами омываемое святое озеро отнесите,
Кровь эту там смойте!»
И вот остроконечную саблю, священную саблю

- 215 Разглядывающая остриё вымытой этой сабли,
Я впадаю на мгновение мгновенного озарения:
«Какой же звонкой было моё время княжеское!»
Княжеское Слово, Слово князя князей,
Слово Ас-Тора будет таково:
- 215 Ím elvitték, hogy megmossák.
Miután megmosták, én hozzám hozták.
Ím nézdegélem: olyan jeles
Hegyes kard, híres szablya volt!
Ajász-isten öreg most ím hogyan szólok:
- 220 «Когда наступит эпоха вечной человечности,
Когда наступит эра человечности Человека,
Сабля звонкая пусть станет Духом жертвенным;
На жертвоприношениях жизни
Пусть будет жертвой лишь Высокий Дух!»
- 220 «Az ember korabeli világ beálltával (tkp. ülepedése után),
Az ember idejebeli világ beálltával
Ez a hegyes kard, híres szablya
Véráldozatot fogadó véráldozatos istenkévé változzék,
Ételáldozatot fogadó ételáldozatos istenkévé változzék!»
- 225 «А настанет тяжкое время,
Время раздора, кровавых угроз
И грозовой заразы военной грозы:
Духом помощи пусть согреются руки,
А ноги нальются мощью мощной!»
- 225 Miután így elbűvöltem,
Ha inséges világ áll be (születik),
Ha afféle nyomorúságos világ áll be,
Hogy valamely vidék felől had érkezik:
Kéz-segítséget, láb-segítséget hadd nyújtson (csináljon)!
- 230 На семь ли ночей я впал в глубокий сон,
Семь ли дней проспал,
Проснулся:
Чую разумом, чующим разумное питание,
- 230 Most hét éjjelre lefeküdtem,
Hét nappalra lefeküdtem;
Egyszer csak fölbredtem.
Táplálékévő táplálékos elmém
Egyre nem csillapodik;
- 235 Питие понимающим умом понимаю,
Что-то стряслось пока был я в сонном сне:
Неужели покой жилья нарушен,
Неужели на половину крепость разрушена?
- 235 Vízivó vizes elmém
Egyre nem csillapodik.
Gondolom, én oly hosszú ideig feküdtem,
Lehet, hogy falum azalatt faludarabokká rombolták,
Lehet, hogy városom, városdarabokká rombolták.
- 240 Разбуженными глазами цвета чёрной смородины
Через семь озёр наострив взор,
На просторах семи плёсов вижу:
Семь лодок плывут-летят в нашу сторону,
В шести ладьях рогатые олени стоят,
- 240 Érett ribiszke két szemű
Hét tón által ím hogyan nézdegélek,
Hét Obkanyarulaton által ím hogyan nézdegélek:
Íme egyszer csak hét teli hajó jövelele látható;
Hat hajómban csupa szarvas állatok állanak,

- 215 Ловтуңкве та тотвес.
Ловтыме юи-палт ам палтум ты тотвес.
Ты сунсыглылум: тамле ёмас
Тальхың сырай суиң нәри ылыглылум!
Аяс-Торум ойка ань хумле лавегум:
- 215 Вымыть унесли.
После того как помыли, снова ко мне принесли.
Разглядываю: такой хорошей
Остроконечной саблей, священной саблей она оказалась!
Аяс-Торум ойка-богатырь как же я молвлю:
- 220 «Элумхōлас йисың торум ынтытэ юи-палт,
Элумхōлас нотың торум ынтытэ юи-палт
Ты тальхың сырай суиң нәри
Йир винэ йирың пупыг эл вос ынты,
Пури винэ пуриң пупгыг эл вос ынты!»
- 220 «Человеческая вечная эпоха наступит, после этого
Человеческая непреходящая эра установится, после этого
Эта остроконечная сабля, священная сабля
При кровавом жертвоприношении жертвенным духом пусть станет,
При подношении жертвенной пищи жертвенным духом пусть станет»
- 225 Тох сатмум юи-палт
Та мортис ярум торум ке тэлы,
Та мортис моңсум торум ке тэлы:
Хотты маныл хонт ке ёхты,
Кат онтас, лагыл онтас вос вәри!
- 225 После этого моего заклинания
Если с нуждою эпоха наступит,
Если с бедою эра наступит:
С каких бы земель враг не пришёл,
Рукам подмогу, ногам подмогу сабля пусть окажет!
- *
- 230 Ань этэ сат ёл-хуясум,
Хоталэ сат ёл-хуясум:
Аквматэрт нōңх-сайкаласум.
Тэп тәнэ тэпың номтум
Акваг ат сохтамлы;
- 230 И вот ночей семь я проспал,
И вот дней семь я проспал;
Однажды проснулся.
Едой подпитываемый сытый мой разум
Всё ещё не может успокоиться;
- *
- 235 Вит айнэ витың номтум
Акваг ат сохтамлы.
Номсэгум: ам ты палыт хуясум,
Павлум эрың павыл супыг вәрвес,
Усум эрың ус супыг вәрвес.
- 235 Питьём подпитываемый сытый мой разум
Всё ещё не может успокоиться.
Думаю: я такое долгое время спал,
Посёлок мой, может, наполовину посёлка уже разрушили,
Город мой, может, наполовину города уже разрушили.
- 240 Понсум сосыг китыг сам
Сат түр ұлта хумле сунсыглылэгүм,
Сат Ас-мёсыг ұлта хумле сунсыглылэгүм:
Аквматэрт сат хәп тагыл та йинәт нәңки;
Хот хәпумта аквмус аньтың ұйит лөлегыт,
- 240 Подобно спелой смородине, двумя моими глазами
Через семь озёр вдаль я всматриваюсь,
Через семь Обских излучин вдаль я вглядываюсь:
Вот однажды семь полных лодок едут, виднеются;
На шести моих лодках только с рогами звери стоят,

245 В седьмой ладье красуется конь-
красавец.
Долго ли плыли,
Коротко ли плыли,
Пристали они к пристани города с при-
станью,
Рогатых животных выводят на берег,

250 На берег скачет и конь-красавец.
Красавца-коня ставят к одной стороне
двери,
К другой стороне двери оленей рогатых
Привязывают верёвкой крепко-
крепчайшей,
Крепчайших самцов усмиряющим тын-
зном

255 Связывают рогатых оленей.
Пеньем-камланьем обладающий шаман
Усаживается и начинает камланье.
Камланью мага я жар дарю,
И говорю я, Астор, такие слова:

260 «Славные мои в одежке горемыч-
ной,
Горемычные мои руки ваши немощные
Мощью пусть нальются!
Напьются пусть духи кровью
Трёхсот кровавых жертв рогатых.

265 И жертвенной красой пёстро го коня
Пожертвуйте! Над пламенем огня
Семь котлов повесьте! Священнодей-
ствуйте!
Священнодействуя и я испытаю вкус
Вкуснейший из семи чаш священных.

270 И священные шкуры трёхсот оленей
На растущие ветви растущих растений
Развесьте на радость Нуми-Сорни,
Нуми-Сорни – золотой божественный
глаз
Глазом жизни озарит ваш дом.

245 Hetedik hajómban tarka ló áll.
Miután hosszú ideig jöttek,
Ezen réves városom révéhez
kapaszkodtak,
Ama szarvas állatokat íme fölhozták a
partra,

250 Ama tarka lovat szintén fölhozták a patra.
Az én ajtós házamnak ajtaja két feléhez
Rénbikát kötni való erős kötéllel

255 Íme ide kötötték.
Most velük levő varázsló emberüket
Íme varázsolni ültették.
Ajász-isten öreg lelki réülést bocsátottam
(tettem) reá
Ezzel eljöttem [hozzá], s ím miképpen
szólok:

260 «Nyomorúságos subájú sok szegénykém,
Kezetekben tökéletesen egészségesek
legyetek,
Lábatokban tökéletesen egészségesek
legyetek!
Ezután egybekötött
Háromszáz szarvas állatokat öljetek le;

265 Majd azután egy akasztóíves hét üstöt
akasszatok [tűz fölé]!»
Gőzölgő (gőzös) edény gőzét veszem,
Füstölgő (füstös) edény füstjét veszem.
Azután e háromszáz szarvas állatom bőreit

270 Ujonnán nőtt (fiatal) kis fa ágára
akasszátok föl,
Ezen tarka ló bőrét szintén oda akasszátok
föl!
Numi-Szornyai atyátok jó szemmel fogja
nézni,
Numi-Szornyai apátok kegyes szemmel
fogja nézni.
Ezután a magatok lakó, istennővel levő
házatok szögletébe,

- 245 Сатыт хāпумта хансаң лӯв лӯли.
Хоса йиманл юи-пāлт,
Вати йиманл юи-пāлт,
Ты тāлтың үс тāлтумна ты пӯхтýсыт,
Ань аньтың үйит пāг ты тотвесит;
- 245 На седьмой моей лодке пёстрая лошадь
стоит.
Долго ехали, после этого,
Коротко ехали, после этого,
На эту мою пристань города с приста-
нью они пристали,
И вот рогатых животных на берег вы-
вели;
- 250 Ань хāнсаң лӯв ос пāг ты тотвес.
Ам āвиң кол āвим кит пāлна
Хār нāгнэ тāk квāлгыл
Тыг ты нāгвест,
Үй нāгнэ тāk квāлгыл
- 250 И пёструю лошадь тоже на берег вы-
вели.
У дверей моего дома с дверями, с двух
сторон
Быков связывающей крепкой верёвкой
Сюда их всех привязали,
Зверей связывающей прочной верёвкой
- 255 Тыг ты нāгвест.
Ань тāн оцнэ няйт хумиянл
Пенгуңкве ты үнттувес.
Аяс-Торум ойка рēгыл ты пинислум,
Тыг йисум, хумле ты лāвегум:
- 255 Сюда их всех привязали.
И вот с ними прибывшего няйт-мужчину
Камлать посадили.
Я, Аяс-Торум богатырь, на него мысль
положил,
Через него, что же я говорю:
- 260 «Савың сахип сāv кӯнярāкенум,
Кātанын тортāl пуcтāгыл олән,
Лāгланын тортāl пуcтāгыл олән!
Ты юи-пāлт акван нāгим
Хӯрум сāt аньтың үйин алыглән,
- 260 «В бедных одеяниях многочисленные
мои бедняжки,
Ваши руки пусть всегда будут здоровы,
Ваши ноги пусть всегда будут здоровы!
После этого вместе связанных
Триста рогатых зверей-олений убейте!
- 265 Та юи-пāлт ты хансаң лувын
алыглән!
Тувл ултта акв нурпа сāt пӯт тāгатән!
Сәңквың āны сәңкве вīгум,
Посымың āны посыме вīгум.
Тувл ты хӯрум сāt аньтың үйит
сōваныл
- 265 После этого пёструю лошадь принеси-
те в жертву!
Потом над костром по одной ручке
имеющей семь котлов подвесьте!
Парящейся чаши я пар возьму,
Дымящейся чаши я дым возьму.
Затем этих трёхсот рогатых зверей-
олений, их шкуры
- 270 Йильпыл яныгмам мāнь ййв тōвын
нōңх-тāгатән,
Ты хансаң лув сове ос тув нōңх-
тагātэлбйн!
Нуми-Сорни āцин портың сам сунсы.
Нуми-Сорни ягын памың сам сунсы.
Ты юи-пāлт нāн үнлынэ нāйиң кол
сāманнэ,
- 270 На вновь выросшие маленькие ветви
деревьев вверх повешайте,
И эту пёструю шкуру лошади тоже туда
вверх повешайте!
Нуми-Сорни ваш отец добрыми глазами
смотрит,
Нуми-Сорни ваш батюшка благосклон-
ными глазами смотрит.
После этого, оберегаемого женскими
духами, углы вашего дома

275 И с дома озарённого божеством,
И с божественного угла освященного
Свыше,
Скажите дважды «ТОРУМ ЁТ!»,
Трижды «в гармонии живите!»

*

Принеся в жертву триста рогатых,
Пожертвовав лошадыю пёстрой,

275 A magatok lakó, istenkével levő házatok
szögletébe
Menjetek Tārèmmal istennel, két
üdvözletem [adom]
Menjetek Tārèmmal, három üdvözletem
[adom].

*

A háromszáz szarvas állatot erre leölték,
Azután ama tarka lovat is leölték;

280 Семь жертвенных котлов вешают;
Дымок жертвенного мяса вбираю,
Запахом жертвенной чаши наслаж-
даюсь.
И жертвенные шкуры жертвенных
рогатых
На молодые ветви молодых деревьев

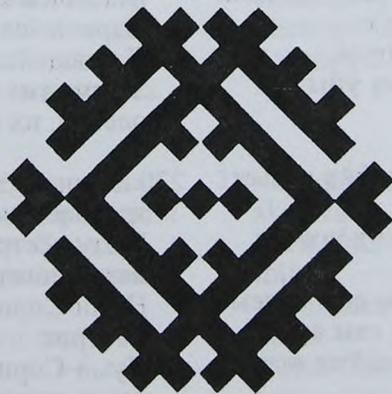
280 Azután egy akasztóíves hét üstöst
akasztottak [a tűzre]
Gőzölgő edény gőzét vettem,
Füstölgő edény füstjét vettem.
Azután e háromszáz szarvas állat bőreit
Ujjonnan nőtt kis fa ágára aggatták föl

285 Развешивают, одаря Торум доро-
гим даром.
Дар людской окропляют водой
И семикратным криком на середине
озера.
Озорной крик наш, семикратный
крик наш
Наш высокий Бог пусть высоко
услышит.

285 S e tarka ló bőrét is oda akasztották.
Azután leeredtek a partra.
A szent vízzel folyó szent tó,
Közepes tó közepére a mint eljutottak,
Í me éles hangú hangos kiáltást kiáltottak:

290 «Наш золотой Отец, высокий
Нуми-Торум
Наш крик и плач земной слышишь ли?
Услышь!»

290 Numi-Tārèм atyánk kiáltásunk hangját
hadd hallja
Numi-Szornyi apánk kiáltásunk szavát
hadd hallja meg.

275 Нән үнлыңә өтрың кол сәманнә
Торум ёт кит паца минән,
Торум ёт хұрум паца минән!»

*

Хұрум сәт аңьтың үй ты алвес,
Та юи-пәлт аңь хансаң лүв ты алвес,

280 Тұвылұлт акв нурпа сәт пұт
тәгатәвес;
Сәңвың аны сәңкве вислум,
Посымың аны посыме вислум.
Тувл тыг хұрум сәт аңьтың үй сованә
Йильпыл яныгмам мәнй ййв товын
нөңх-тәгатәвест,

285 Ты хансаң лүв сове өс тув нөңх-
тәгатәвес.
Тувл нәлув ты тәлсыт.
Ялпың вит овнә Ялпың Тұр,
Котылиң тұр котылен ёхтманыл кёмт
Нёлыт турпа турың рөңх ты рөңхсыт:

290 «Нуми-Торум ащувна рөңх сүйөв нөх
вос хулаве,
Нуми-Сөрни ягувна рөңх сүйөв нөх вос
хулаве!»

275 Оберегаемого мужскими духами, углы
вашего дома,
С Торумом с двумя приветствиями два-
жды обойдите,
С Торумом с тремя приветствиями три-
жды обойдите!»

*

Триста рогатых зверя-оленья они при-
несли в жертву,
После этого пёструю лошадь убили,

280 Затем над костром по одной ручке
имеющей, семь котлов подвесили!
Парящей чаши пар я принял,
Дымящей чаши дым я взял
Потом трёхсот рогатых зверей-оленьей,
их шкуры
На вновь выросшие маленькие ветви
деревьев вверх подвесили,

285 Эту пёстрой лошади шкуру тоже туда
вверх подвесили!
Потом в лодки сели.
На святом озере, наполненном святыми
водами,
На средину озера со срединою когда
они приплыли
Громкими голосами звучными криками
они призывали:

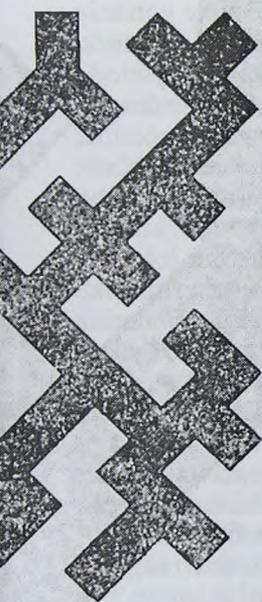
290 «Нуми-Торум, наш отец, крик пусть
слышит,
Нуми-Торум, наш батюшка, крик пусть
слышит!»

Часть 2

Богатыря в одеяниях из семи шкур
оленя-самца, о его племяннике,
об Аяс-Торуме в форме сказки
сказываемая героическая песня

С̄ат-х̄ар-с̄ов
щ̄ариң-т̄агыл-ōйка апге,
Āяс-Т̄орум м̄ойтыг л̄авум
т̄эрниң э̄рге.

A hét jávorbika bőre irhájából készült
ruhát viselő öreg öcsikéjének
Ajász-istennek regeképpen elmondott
hőséneke

Сказание об Аяс-Торуме
(Перевод Вадима Орлова)A hét jávorbika bőre irhájából
készült ruhát viselő öreg öcsikéjének
Ajász-istennek regeképpen elmondott
hőséneke

1. В годы далекие, седой стариной покрытые, жил да был вогул знатный, носивший одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов. Одежда была насколько богатая, настолько и просторная – такая, что в подоле ее мог легко разместиться еще один человек. Так оно и было: в доме знатного вогула проживал его юный племянник. Пуще собственного ока берег его дядюшка. Опекал да ограждал. Никуда из дому не выпускал, а на ночь в подол своей одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, спать укладывал. Так они и жили.

Пришло такое время, настало такое время, и затосковал юноша. Да и как тут не загрустить: песня его – в доме томится, сказка его – в доме пропадает. Дядюшкина опека – неволе сродни. Вот и задумал юноша из домашнего плена выбраться да округу посмотреть. Размечтался: «Может и моя песнь вдаль полетит, может и мой сказ вдаль помчится!». И решил он из дому выбраться, как только дядюшка уснет.

Ночь настала. Спать легли. Как только дядюшка заснул крепко, юноша выбрался из подола дядюшкиной одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, и ступил за порог. Оказавшись на улице, стал осматриваться да приглядываться. Подивился: просторный поселок предстал его взору. А вокруг поселка – лес лиственный, красоты невиданной. Встал юноша, как зачарованный, смотрит, и налюбоваться не может. Не заметил, как светать стало.

На рассвете прилетели тетерева и на ветви лиственниц сели. Сели и сидят, так и манят юношу взять лук в руки да стрелу пустить. Так оно и вышло. Выстрелить-то по тетеревам он выстрелил, а вот попасть-то не попал: видно, сноровки не хватило. Пролетела стрела мимо и на крышу маленького домика упала. Что делать? Побежал юноша к домику. Только снял стрелу с крыши, как из дому молодая женщина выбежала, вцепилась в паренька и давай его силком в дом втаскивать. Тот сопротивляется. А женщина тем временем его уже в дом к себе втащила. Что

1. Él egy hét jávorbika bőrének irhájából készült ruhát viselő öreg. Van egy öcsikéje. Ha nappal van: a szabadra ki nem ereszti; ha lefekszik: hét jávorbika bőrének irhájából készült, ruhája szárnyába, a keble fölé fekteti, úgy neveli. A mint úgy neveli egyszer csak az öcsike gondolja: «ha az én énekem tovább folytatódna (menne), ha az én regém tovább folytatódna: bár elaludnék az én bácsim, az öreg!» Most bácsija az öreg álomba merült. Epillanatban az öcsike a hét jávorbika bőrének irhájából készült ruha szárnyából a lábnyílás irányában lefelé huzakodott, kiment a házból, nézi: egy tágas falu van [előtte]. A mint távolra néz: vörös fenyők állanak. Ím állot, állott, [egyszer csak] hajnalodni kezdett. Hajnalodása idején a fenyőágakra faldok szállottak. Ő kis ijjacskájával rálőtt ama faldokra; de nem találta (ölte meg) őket. A merre nyila ment, egy kis házacska áll; ama kis házacska tetejére, éppen oda esett. A mint ő odafut, ama kis házacska belsőjéből egy leány jött ki s a fiúcskát nyilastul együtt megfogta. Ő kifelé rángatja [a nyilat a leány kezéből; de] a leány őt a házba húzza. Erre viaskodni kezdenek, a gyermek azt gondolja: hadd ijesztem meg (ijesztővel teszem) őt az éles vaskéssel. A mint meg akarja ijeszteni: melle közepén szíve irányában döfte meg [a leányt]. A leány összerogyott. Ő nyilat elragadta, visszafutott, bement a házba. Öreg bácsija azalatt még nem ébredt (riadt) föl. Ő a hét jávorbika bőrének irhájából készült ruhája szárnyába lassacskán bebújt s a hol az ímént feküdt, ugyanoda feküdt [ismét].

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Смысловой перевод

С̄ат-х̄ар-с̄ов-щ̄ариҥ-т̄агыл-б̄йка апге,
А̄яс-Т̄орум м̄ойтыг л̄авум т̄эрниҥ
э̄рге

Богатыря в одеяниях из семи шкур
оленя-самца, о его племяннике,
об Аяс-Торуме в форме сказки
сказываемая героическая песня
(перевод С.С. Динисламовой,
консультант Юдит Дмитриева)

1. С̄ат-х̄ар-с̄ов-щ̄ариҥ-т̄агыл-б̄йка
б̄лы, апыгрищ̄ б̄ныщи. Х̄отал б̄лы: к̄он
ат т̄аратытэ; ёл хуи: с̄ат-х̄ар-с̄ов-щ̄ариҥ-
т̄аглэ к̄емплытэ-кивырна, п̄үтитэ тарм
хуопт̄ытэ, тох ты янмалт̄ытэ. Тох
янмалт̄ымат халт, аквматэрт апыгрищ̄
номсы: «Ам э̄ргум ке э̄ла минн̄үв, ам
м̄ойтум ке э̄ла минн̄үв: аким б̄йка ёл
вос ойнуве монт!» Ань акит б̄йка үлмыл
оилм̄атвес. Ты кумт ань апыгрищ̄ с̄ат-
х̄ар-с̄ов-щ̄ариҥ-т̄агыл к̄емплын̄эл л̄агыл
тит нупыл ёлал л̄эват̄ахтас, кон-
кв̄алыс, с̄үнсытэ: хара п̄авыл олнэтэ,
хара үс олнэтэ. Э̄лал кос сунсы:
н̄аҥкыт л̄юлегыт. Ты л̄юлис, ты л̄юлис,
постыглаҥке патыс. Постыгланэ порат
н̄аҥк товытна ятрит йссыт. Тав м̄ань
ёвтсов к̄атэтыл ань ятрит та лысанэ: ат
алыс̄анэ. Нялэ миным мус м̄ань кол-
кве үнлы; ань м̄ань колкве ал̄ан нялэ
тув иҥ патс. Тав тув х̄айтум э̄румт ань
м̄ань кол к̄ивырныл а̄ги кон-кв̄алыс;
апыгрищ̄ нялыҥт̄агыл а̄гин п̄үввес. Тав
кональ харты, а̄гин кол к̄ивырн харта-
ве. Ты н̄ёлыхт̄ахтэҥ, н̄яврам номылма-
ты: ам таве щар лылыҥ к̄ёр-щохрил нас
пилтапыл в̄арилум. Тав э̄рттам пилта-
пыл в̄аритэ: магыл-ятэт сьме торыҥ
щохрил пувтмыстэ. А̄ги рагатас. Тав
нялэ нирумтас, юв х̄айтыс, юв щалтыс,
акит б̄йка ань малиҥ н̄оҥх иҥыт рохты.
Тав с̄ат-х̄ар-с̄овт-щ̄ариҥ-т̄агыл к̄емплын
лащлакв щалтыс: аньмунт х̄от хуяс, акв
тув хуяс.

1. Сат-хар-сов щариҥ-тагыл-ойка
живет, племянничек у него есть. День про-
живают: но на улицу его не выпускает;
спать ложится: в полы своей одежды, из-
готовленной из шкур семи оленей-самцов,
поближе к себе укладывает, так его и рас-
тит. Так его растил, однажды племянничек
думает: «Моя песня вдаль пошла бы, моя
сказка вдаль пошла бы: пусть только мой
дядя (прим. по отцовской линии, старший
брат отца) поскорей уснёт!» и вот его дядя
крепким сном заснул. В этот момент пле-
мянничек из полы его одежды, изготов-
ленной из шкур семи оленей-самцов вдоль
ног выбрался, на улицу вышел, осматри-
вается: просторный посёлок оказывается,
просторный город оказывается. Вдаль гля-
нул: лиственницы стоят. Постоял так, по-
стоял, светать стало. На рассвете на ветви
лиственниц тетерева сели. Он маленьким
луком выстрелил в тетеревов, не убил.
В стороне полёта стрелы маленький до-
мик стоит; и вот на крышу маленького
домика его стрела туда и упала. Он туда
побежал, но в этот момент из маленького
дома девушка вышла, племянничка вме-
сте со стрелой девушка поймала.

Он из дома наружу вырывается, де-
вушка его в дом втаскивает. Вот они так
тянут друг друга, ребёнок подумал: я её
сейчас живцом острием стального узко-
го ножичка просто испугаю. Он вроде бы
просто хотел её напугать: в середину её
груди напротив сердца ножичком кольнул
её. Девушка упала. Он стрелу свою выдер-
нул, домой к себе побежал, в дом вошёл,
его дядюшка до сих пор ещё не проснулся.
Он в полы одежды, изготовленной из шкур
семи оленей-самцов тихонечко забрался:
где раньше спал, там и лёг спать.

делать? Как поступить, чтобы отстала та от него? И решил паренек напугать ее железным наконечником стрелы своей. Приставил он стрелу к груди женщины, думал просто пугнуть, чтоб отстала. Но то ли не рассчитал, то ли женщина неловко повернулась, но пронзила стрела грудь захватчицы. Обмякла та, да и упала замертво. А паренек тем временем выдернул стрелу из груди женщины, выскочил из дому и убежал в дядин дом. Вбежал в дом, посмотрел: дядюшка его, как спал, так и спит крепким сном. Пробрался он на прежнее место – в подол дядиной одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, и заснул.

2. Настал день. Пробудились дядюшка и племянник его. Не успели встать, как в дом ворвался молодой воин и закричал взволнованно, обращаясь к воуглу знатному, носившему одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов: «Твой племянничек сегодня свою тетю убил!». Не поверил вогул вести этой, да и как было поверить, если парнишка всегда подле него был, на улицу не выходил. В ярость впал знатный человек, носивший одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов. Выхватил он из ножен саблю свою и бросился на молодого воина, принесшего такую весть. Да только выскочил из дому воин и убежал. Тем и спасся. А вогул кричит ему вслед: «Нечего на моего племянника напраслину возводить. Он из дому-то никогда не выходил, а ночью всегда в подоле моей одежды, пошитой из шкур семи оленей-самцов, спит. Еще раз услышу наговор на племянника моего, не сносить тебе головы!».

3. Много ли воды утекло с той поры, мало ли воды утекло с той поры, да только пришли к пареньку его братья старшие и стали звать на охоту весеннюю: мол, нарты с упряжкой оленей-самцов у дома ожидают. Понял дядя, что неспроста братья приехали, видно и вправду вина лежит на племяннике его, а значит, придется пареньку ответ держать. И ничего уж тут не поделаешь. Только и сказал: «Что я могу предпринять, если он зло такое сотворил?». Понял и племянник, к чему дело клонится. Ничего не сказал. Молча взял он свои лук и стрелы и последовал за братьями. Сели они все вместе в нарты, самцами запряженные, зверьями запряженные, и вдаль погнались.

Долго ли, коротко ли ехали братья на

2. Hosszú ideig feküdt, vagy rövid ideig feküdt, kivilágosodott. A bácsis az öcsike fölkeltek. Egy apród kívülről belépett, szól az öreghez: «Hét-jávorbika-bőrének-irhájából-készült-ruhát-viselő-öreg! A te öcsikéd megölte nagynénjét.» Az öreg kardot rántott, a kívülről jövő apródot szét akarja vágni. A mint kardját fölemeli, az apród kimentekült. Midőn kijutott az ajtón, szól az öreg: «most ezt az öcsikémet rágalmaztatok, utóvégre engem fogtok rágalmazni; ezt az én öcsikémet hét jávorbika bőrének irhájából készült ruhám szárnyába fektetem, hogyan járálhat ő ki, az én kebelemről hova megy ki ő?»

3. Miután soká éltek, miután rövid ideig éltek, ama fiúcska bátyjai mondják: «hadd készüljön el az öcs, tavaszi jávorbikavadászatra (hótalppal való úzésre) megyünk, befogtunk a rénbikás szánba, a marhás szánba.» Bácsija az öreg mondja: «Én hogyan tegyek, az ő dolga!» Öcsikéje fogja ijját, nyilát s azzal kiment. Bátyjai előre hajtották a rénbikás szánt, a marhás szánt s együtt mentek. Hosszú ideig mentek, vagy rövid ideig mentek, egy városba jöttek. Két leány kijött, az öcsikét bevitték, a város ajtajának külfelét lelakatolták, az ablak külfelét lelakatolták. Bátyjai tanítása szerint ama fiúcskának sem ételt nem adnak enni, sem italt nem adnak inni. –

2. Хоса хуяс, ман вāти хуяс, хōталас. Акииг-апгыг нōнх-квāлсыг. Аяң хум-п̄ыг коныл юв щалтыс; ойка нуыл лāви: «Сāt-хār-сōв-щāриң-тāгыл-ойка! Апыгр̄ищин̄ ӯпе алыстә.» Ойка сырай нирумтас, коныл щалтум аяң хум-п̄ыг сāгруңкве таңхи. Сырае кос āлмаитә āяң хум-п̄ыг кон ояс. Ави коньпālн патме порат ойка лāви: «Ань ам ты апгум ты польщ вāрегын, нāң юи-о̀вылт āнумн польщ вāрегын; ам ты апгум сāt-хār-сōв-щāриң-тāгыл кēmплы-киврумта хуюп-тылум, кональ хумус яланты, ты ам ты путимныл хоталь тав кон-квāлылāлы?!»

2. Долго спал, или коротко спал, день настал. Дядюшка-племянничек встали. Воин мужчина-юноша с улицы в дом вошёл; к мужчине он обращается: «Сат-хар-сов-щариң-тагыл-ойка! Твой племянничек свою тётю убил». Мужчина саблю выхватил, с улицы вошедшего воина мужчину-юношу зарубить хочет. Как только саблю схватил, воин мужчина-юноша на улицу убежал. После того, как он за дверью оказался, мужчина говорит: «На моего племянника зачем наговариваешь, под конец и на меня наговоришь; я этого племянника под полы своей одежды, изготовленной из шкур семи оленей-самцов спать укладываю, как он сможет выйти, куда он с моей пазухи может выйти?!»

3. Хоса олманл юи-пāлт, вāти олманл юи-пāлт ань п̄ыгрищāкве ягп̄ыганә лāвегыт: «Апщи вос асты, т̄уя-хār тоясна минэгув, хāриң сунә, ӯиң сунә кēрыслув.» Акиит ойка лāви: «Ам хумле вāрилум, тав вāрум о̀влә.» Апге ёвтә, н̄ялә вис, кон та квāлыс. Каңканә хāриң сун, ӯиң сун элалә н̄евумтāсаныл, акв̄ёт та минасыт. Хоса, ман вāти минасыт ӯсын ёхтысыт. Кит āги кона квāлсыг, āпщияныл юв т̄улыпāвес, ӯс ави коньпālә лап-тумантāвес, йснас коньпālә лап-тумантāвес. Каңканә ханищтыма мус ань п̄ыгрищ тēпыл ат тыттаве, витыл ат айтаве. – «Нән тынэг, āнум матыр тēпыл тыттәлын!» – «Мён наңын ман ягин сым н̄евлил тыттыла-

3. После того как долго жили, после того как коротко жили, у мальчика братья говорят: «Младший брат пусть собирается, на охоту на весенних оленей-самцов пойдём, его нарты, самцами запряженные, зверьями запряженные уже подготовлены.» Его дядя говорит: «Что я предприму, раз он такое зло сотворил». Племянник свой лук, свои стрелы взял, на улицу вышел. Его братья нарты, запряженные самцами, нарты, запряженные зверьями вдаль погнали, вместе все поехали. Долго или коротко ехали, в город-крепость приехали. Две девушки на улицу вышли, их младшего брата в дом быстро ввели, городские-крепостные ворота на замок закрыли, окно снаружи на замок закрыли. Как бра-

нартах, самцами запряженными, зверями запряженными, но приехали, наконец, в город-крепость. Вышли им навстречу две женщины. Взяли они под руки брата младшего, в дом ввели, да там одного и оставили, закрыв снаружи двери на замок. Еще пуше дядиной опеки неволя эта оказалась: не вырвется отсюда песня его, не вырвется отсюда сказка его.

Сидит юноша в заточении. Как старшие братья наказали, так женщины и поступают: едой паренька не кормят, водой не поят.

Есть захотел юноша, пить захотел юноша. Начал он просить: «Эй, женщины! Накормите меня, напоите меня». А ему в ответ: «Мы тебя мясом сердца отца твоего накормим, мы тебя кровью отца твоего напоим!». День так проходит, ночь так проходит. Сидит юноша один - одинешенек, без еды, без воды, даже спать не на чем. Взмолился он: «Женщины! Накормите меня, напоите меня!», а они опять в ответ ему: «Мы тебя мясом сердца отца твоего накормим, мы тебя кровью отца твоего напоим!». Так он и томился, так он и страдал.

Сколько времени прошло - неведомо. Племянник человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, счет дням потерял, счет ночам потерял, обессилел совсем, но духом не пал. Вот однажды к нему с улицы два ребенка пришли и говорят: «Дядюшка, наша мать - твоя сестра, тебя позвала. Пойдем с нами». Выслушал их племянник человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, и отвечает: «Убирайтесь отсюда да поскорее. Если бы у меня была здесь сестра, разве бы не пришла она ко мне сама, разве допустила бы она, чтобы я какую неделю здесь голодом сидел?». Потоптались, потоптались дети да ни с чем и ушли.

Опять потянулись дни голодные и ночи бессонные. Одни длиннее других. Еще больше обессилел племянник человека, носившего одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, но духом не сломился. Наконец, однажды, пришел к нему в темницу мужчина и сказал: «Ну, все! Выходи на улицу. Там твои братья собираются идти на охоту за семью оленями-самцами, и тебя с собой позвали. Вышел юноша на улицу и видит, братья его лыжи надевают. Говорят ему: «Братишечка, вот тебе лыжи, вот тебе лук. Пошли на охоту вместе с нами». Смекнул племянник человека, носившего одежду, пошитую

«Hé, ti nők, adjatok nekem valami ételt!» «Micsoda apád-kínját (tkp. apád szívének a húsát) adjunk neked?» Álomtalanul ül éjjel, álomtalanul ül nappal. Ismét mondja: «Halljátok, ti nők, ti nem szoktatok ételt enni? Adjatok nekem valamit enni!» Azok megint csak azt a feleletet mondják: «mi micsoda apád-kínját adjunk neked?» A mint ott ül, egyszer csak kívülről két gyermek lépett be: «nagybácsi!» - mondják - «édesanyánk hív téged.» A hét-jávorbika-bőrének-irhájából-készült-ruhát-viselő-öregnek öcsikéje felel: «félretakarodjatok ti innen! Ha énnekem testvérem volna: egy nevezetes hete lesz, egy híres hete lesz, mióta itt étlenül ülök - [azóta] testvérem csak megtalált volna!» A testvére két gyermeke elment, a fiúcska pedig ama házban tovább ül. A mint úgy ül, kívülről valami férfi lépett be s szól: «Nosza, eredj ki, bátyjaid, a hét férfi egy hét jávorbikából álló falkát mennek üzni, hívnak téged.» Ő kiment, hát bátyjai fölcsatolták már hótalpaikat. Öccsükhöz szólnak: «öcsike, ezek a te hótalpaid, ez a te ijjad!» Öccsük felel: «ti csak menjetek, én majd aztán jövök [utánatok]». Bátyjai ezzel elmentek. Miután ők elmentek, a két hótalpát darabokra törte, ijját darabokra törte, kardját darabokra törte. Fölfelé kiáltott Arany-Kworesz atyjához: «Arany-Kworesz atyám, Arany-Kworesz apám, jávortehén lábszár-bőrével fedett hótalpakat bocsáss nekem alá, sűrű szemű szemes pánczéluhát bocsáss nekem alá, ezüst bojtú bojtos kardot bocsáss alá, vasbordájú bordás vállíjjat bocsáss alá, hét nyillal fölszerelt karikás tegzet bocsáss alá!» Arany-Kworesz atyja jávortehén lábszár-bőrével fedett hótalpat bocsátott neki alá, vasbordájú bordás vállíjjat bocsátott alá, hét nyillal fölszerelt karikás tegzet bocsátott alá, sűrű szemű szemes pánczéluhát bocsátott alá, ezüst bojtú bojtos kardot bocsátott alá. Hótalpát fölcsatolta, pánczéluháját fölöltötte, tegzét fölfüggesztette [vállára], ijját, kardját kézbe vette s azon út hosszában, melyen bátyjai mentek, ment ő is [utánuk].

мен?!» Этэ ўнлы ўлумтāl, хōталэ ўнлы ўлумтāl. Ос ты лāви: «Нэн тынэг, нэн тэп ат тэцинтālэрын? Нэн āнум матырыл тыттэлын!» Тэн аквты лāтың лāвег: «Мен нағын ман ягин сым нёвлил тыттыламен?» Тох ўнлымātэ аквматэрт коныл кит нйврамыг щалтсыг. «Сасыкве!» – лāвег – «Аңквемёна вōввесын.» Сат-хār-сов-щāриң-тагыл-ойка апыгрищ лāви: «Нэн тыгыл акв пāлын паратāхтэн! Ам ягāги ке оцсум: намың сāтыг ёмтыс, суиң сāтыг ёмтыс тэтал ўнлынём, ягāгимнэ хōнтнвум монт.» Ань ягāгитэ нйврамыг та миначыг, ань пйгрищ та колэт элалы ты ўнлы. Тох ўнлэнэт халт коныл аквмат хум щалтыс. Лāви: «Я-та! Квāлэн кон, каңкан сāt хум сāt хāруп хāрың вāнт нйвлуңкве минэгыт, вōввесын.» Тав кон квāлыс, аньмалың каңканэ ёсал вотынтāхтамыт. Апщиянл нупыл лāвегыт: «Апщикве! Ёсагыт тыты, ёвтын ты.» Апщиянл лāви: «Нан ёмантэн, ам таях ёхтэгум.» Каңканэ та миначыт. Тан миначыныл юи-пāлт ёсаге рāвыг рāтсаге, ёвтэ рāвыг рāтыстэ, сырае рāвыг рāтыстэ. Сōрни-Кворыс яген нōнхаль рōнхыс: «Сōрни-Кворыс ягум, Сōрни-Кворыс āцум! Анумн яңк кōт ёса тāратэн, āнумн лакв сампа самың лахыр тāратэн, āнумн олн лўспа лўсың сырай тāратэн, кёр хōснап хōснаң вāгың ёвт тāратэн, сāt нйл пиным самың тавыт тāратэн!» Сōрни-Кворыс яген яңкв кōт кит ёсал тāратāвес, кёр хōснап хōсның вāгың ёвтыл тāратāвес, сāt нйл пиным самың тавытыл тāратāвес, лакв сампа самың лахарл тāратāвес, олн лўспа лўсың сыраил тāратāвес. Ёсаге вōтынтысаге, лахыре нōнх-масыстэ, тавытэ нōнх-тагатастэ, ёвтэ, сырае кātэн пувсаге, каңканэ минум лёнх хосыт та мйнач.

тья старшие научили, так мальчишку и едой не кормят, и водой не поят. – «Эй, вы, женщины, меня какой-нибудь едой накормите!» – «Мы тебя разве что твоего отца сердцем-мясом накормим!?» Ночь сидит он без сна, день сидит он без сна. И снова говорит: «Вы, женщины, вы разве еду никакую не употребляете? Вы меня чем-либо накормите». Они снова то же самое отвечают: «Мы тебя разве что твоего отца сердцем-мясом накормим?» Пока так сидит, и вот однажды с улицы два ребёнка вошли: «Дядюшка (прим. младший брат по матери), – говорят, – наша мама тебя позвала». Племянник Сат-хар-сов-щариң тагыл-ойки говорит: «Вы отсюда поскорей убирайтесь! У меня сестра если была бы, то я здесь вот уже известную неделю, вот уже знаменитую неделю не сидел бы, сестра меня давно уже нашла бы». И у сестры дети ушли, а мальчик в том доме дальше сидит. Так сидит и однажды с улицы в дом вошёл мужчина. Говорит: «Ну всё! Выходи на улицу, твои братья – семеро мужчин из семи оленей-самцов стадо гнать пойдут, тебя позвали». Он из дома вышел, его братья уже свои лыжи одели. Своему братишке говорят: «Братик! Вот твои лыжи, вот твой лук». Их братишка отвечает: «Вы отправляйтесь, я попозже прибуду». Его братья ушли. После того как они ушли, он свои лыжи вдребезги измельчил, свой лук вдребезги искромсал, свою саблю вдребезги разбил. Сорни-Кворысу отцу вверх стал кричать: «Сорни-Кворыс батюшка, Сорни-Кворыс отец! Для меня спусти лыжи, покрытые камусом оленя-самки, для меня кольчужное одеяние с мелкими ячейками спусти, для меня серебряную саблю с серебряной рукоятью спусти, с железным ободом ободочный заплечный лук спусти, с семью стрелами снабженный ячеистый колчан спусти!» Сорни Кворыс его отец две лыжи, покрытые камусом оленя-самки для него спустил, с железным ободом ободочный заплечный лук для него спустил, с семью стрелами снабженный ячеистый колчан для него спустил, кольчужное одеяние с мелкими ячейками для него спустил, серебряную саблю с серебряной рукоятью для него спустил. Лыжи он пристегнул,

из шкур семи оленей-самцов, что на верную погибель зовут его братья, но виду не подал, а только промолвил: «Вы отправляйтесь, а я вас догоню вскоре». Подумали-подумали братья и согласились: «Куда он от нас денется, ослабленный да обессиленный?». На том и порешили. С тем братья и ушли.

Как только братья скрылись из виду, взял он лыжи, что братья ему дали, разбил их и измельчил в труху, взял он лук, что братья ему подсунули, и искромсал в щепу, взял он саблю, что братья ему приготовили, и разбил вдребезги. А затем обратил взор свой к небу и взмолился: «Сорни Кворыс, отец мой небесный! Сорни Кворыс, батюшка мой! Хотят меня люди подлые извести, песни меня лишить, сказки меня лишить! Не оставь меня в беде, помоги мне одолеть врагов моих жестокосердных! Спусти для меня лыжи быстроходные, камусом оленя-самки покрытые. Спусти для меня одеяние кольчужное с ячейками частыми и прочными. Спусти для меня саблю вострую с бахромой серебристою. Спусти для меня лук заплечный с ободом железным. Спусти для меня колчан ячеистый с семью стрелами быстрыми.

Видел сверху Сорни Кворыс беды да несчастья сына своего. Внял Сорни Кворыс мольбам сына своего, и к ногам его опустил две лыжи быстроходные, камусом оленя-самки покрытые. Опустил одеяние кольчужное с ячейками частыми и прочными. Опустил саблю вострую, с бахромой серебристою. Опустил лук заплечный с ободом железным. Опустил колчан ячеистый с семью стрелами быстрыми.

Поблагодарил отца своего Сорни Кворыса юноша, да недолго думая надел лыжи, облачился в кольчугу прочную, забросил за плечи колчан со стрелами, взял в руки лук, саблю и поспешил в погоню за братьями коварными.

4. Долго ли бежал юноша на лыжах быстроходных, коротко ли бежал, да, в конце концов, настиг он братьев, задумавших извести его, песни лишить, сказку отнять. Завидев их, стал сбоку обходить. Обогнал братьев и вышел навстречу, преградив им путь. Увидели его братья, остановились, оробели, смотрят на юношу, а он их и спрашивает: «Где же, братья мои, обещанное стадо семи оленей самцов, за которым вы якобы на охоту меня позвали?».

4. Hosszú ideig ment, vagy rövid ideig ment, bátyjait utólérte. Midőn utólérte bátyjait, oldalt előre hatolt. Midőn azok elé került, ő velük szemben visszafelé fordult, megállott s szól: «Nos bátyáim, hol van az a hét jávorbikából álló falkátok, melyet üldöztök? Nosza bátyjaim, ha tovább kell vinnünk az éneket, hát vigyük tovább az éneket!» A tegez nyílásából előhúzott egy rossz nyilat s midőn a vasbor-

кольчугу на себя по верх надел, колчан на себя повесил, лук, саблю в руки взял, по той дороге, по которой прошли его братья, пошел.

4. Хоса мīнас, ман вāти мīнас, каңканэ юил ёхтысанэ. Каңканэ юил-ёхтыме порат пōхетыл эла-ёммытас. Тāн элы-пāланл паттум эрумт тāн ляльтанл ляльт ёңхыгпас, люльмытас, лāви: «Я, каңканум! Ань нявлынэ сāt хāрп хāрың вāнтын хōт олы? Ята, каңканум, эрыг ке тотуңкве эри: эрыг тотэгүв!» Тāв сунтныл люль нял лэвамāтыс, кёр хаснап хасның вāгын ёвт хассумтанэ порат номылматы: «Эргум ке эла мины, нила

4. Долго шёл, может коротко шёл, своих братьев настиг. Братьев как настиг, сбоку их стал обходить. Впереди их оказавшись, навстречу к ним повернул, остановился и молвит: «Ну-ка, братья мои! Где стадо, которое вы преследуете, состоящее из семи оленей-самцов? Ну-ка, братья, если нужно дальше песню нести, то дальше ее понесём!» Из отверстия колчана плохую стрелу вытащил, и как натянул свой железный лук, подумал: «Песне

Молча застыли братья, потупив взоры свои. «Если песню свою дальше нести нужно, то дальше и понесем! Если сказку свою дальше нести нужно, то дальше и понесем!», – промолвил юноша, и со словами этими вытянул он из колчана стрелу смертоносную, вложил ее в лук с железным ободом, натянул тетиву и подумал: «Если песне моей суждено петься, если сказке моей суждено сказываться, то пусть четырех братьев моих острые стрелы моей сразит, пусть стрела пронзит сердце-вину груди трех богатырей и пробьет грудь четвертого!». Так и вышло: четырех богатырей сразил стрелой смертоносной богатырь юный, четырех братьев убил богатырь юный, после чего поспешил в обратную дорогу.

Достигнув города-крепости, в котором без пищи и воды держали его в заточении братья, недавно им побежденные, начал он штурмовать стены крепости. Гнев праведный и ярость великая переполняли сердце богатыря и сотрясали все вокруг. В порыве отместки силой груди своей, силой спины своей разнес он частокол, ограждавший крепость. Ворвавшись в город, начал богатырь все крушить на пути своем. И не было преграды ему, и не было силы, которая устояла бы перед могучей силой возмездия праведного.

Долго бушевал богатырь, долго месть праведная вела его, но наконец, на ноге тяжесть ощутил, на руке тяжесть почувствовал. Глянул на ногу, видит, на ноге его мужчина висит, глянул на руку, видит, на руке его женщина висит. Взмолились они: «Довольно, довольно! Хватит! Полно! Прекращай бушевать! Прекращай! Так ты и нас ненароком покалечишь. Возмездие состоялось!». Пригляделся он к мужчине и женщине, благим матом вопящим: «Дядя, это ты?». Тот отвечает: «Да, мой племянник, это я». Спрашивает богатырь у женщины: «Сестра, это ты?». Та отвечает: «Да, брат мой, это я». Огляделся богатырь, мало-помалу успокаиваться начал, бушевать прекратил.

С той поры не воюет он. Под Березово, недалеко от Аяс-павыла лиственничный лес есть, мужчине нельзя там бывать, женщине нельзя там бывать – такое святое место племянник человека, носивший одежду, пошитую из шкур семи оленей-самцов, там основал. С той поры далекой, седой стариной покрытой, Аяс-Торумом все называют его, и днями вечными в лесу священном восседает он.

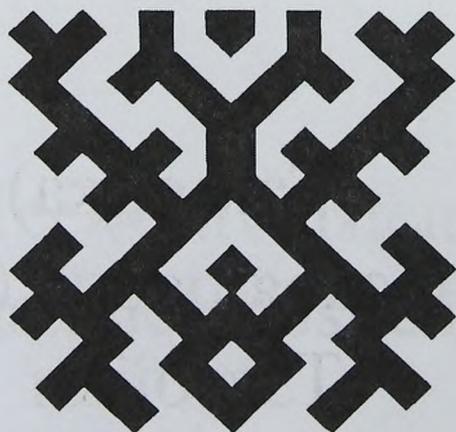
dájú bordás ijját megrántja, gondolja: «ha énekiem folytatódik, hadd roncsojjon össze a nyíl nyele négy hőst, három hősnek pedig csecses melle közepén menjen keresztül [a nyíl]!» Négy hőst a nyíl nyele roncsojt össze, három hőst csecses mellük közepén járt át [a nyíl]. Ím megölte bátyáit, azután visszafordult. Hazaérkezett; azt a várat, melyben bátyjai laktak, háztúzással zúzta széjjel, mellzúzással zúzta széjjel, [míg végre] vérdühbe esett (keveredett). A mint így hadakozik, egyszer csak lába terhesnek érzik (hallik), keze terhesnek érzik. A mint lábára pillant: hát bácsija, az öreg, ő férközött a lábához; a mint kezére pillant: hát testvére fogózkodott kezébe. «Ugyan csillapodjál, csillapodjál!» – mondják – «íme összeroncsojsz bennünket, valamennyire megbosszultad magadat, ugyan csillapodjál!» Ő kérdezi ezeket: «Bácsim, te vagy?» – Bácsija, az öreg, felel: «Én.» – «Testvérem, te vagy?» – «Én.» Evvel megszűnt hadakozni. Berjozov városa fölött, Ajászfalva közelében egy vörösfenyő-liget van; ottan szerzett férfinak érinthetetlen, nőnek érinthetetlen szent helyet [magának]. Ajász-isten néven íme mind e mai napig ott uralkodik [ül].

отыр н̄ял налнэ вос сакват̄авет, х̄урум
отыр щаквың ма̄гыл котильныл вос ми-
наве!». Нила отыр н̄ял налнэ сакват̄авест,
х̄урум отыр щаквың ма̄гыл котлен̄ылныл
минвесыт. Каңканэ ты алысанэ, тувл юв
та ёңхыс. Юв ёхтыс, ань каңканэ олум
ӯс сыс нораныл норыстэ, ма̄гыл нора-
ныл норыстэ, келп сәңхвнэ тэлыглас.
Ань тох хонтлын̄этэ халт, аквмат̄эрт
ла̄глэ т̄арвитың с̄уйты, к̄атэ т̄арвитың
с̄уйты. Ла̄глэн кос аңкваты: ань малиң
акит ойка тав ла̄глэн лаквум, к̄атэн
кос аңкваты: ань малиң яг̄агитэ к̄атэн
п̄ухтум. «Пойтэкен, пойтэкен!» – л̄авеиг
– «Менам̄ен ты сакват̄эгын; маткем нур
киссын, пойтэкен!» Китыгп̄итэ: «Аким
ойка, наң?» – Аkit ойка л̄ави: «Ам.»
– «Яг̄аги, наң?» – «Ам.» Хонтлахтын
мат̄эныл ты пойтыс. Хальӯс тармыл,
Аяс п̄авыл ляпат на̄ңк щахыл ол̄ы; хум
р̄овтал, нэ р̄овтал ялпың ма̄ тот та в̄арыс.
Аяс-Торум намыл аниңын х̄оталыңын
тот та ӯнлы.

моей если суждено продолжиться, четве-
рых братьев острие стрелы пусть разо-
бьёт, а у трёх богатырей пусть пронзит
грудь до самой середины!» Четверых бо-
гатырей стрелой пронзил, трёх богатырей
до середины груди пронзил. Так братьев
убил, потом повернул в обратную дорогу.
Домой прибыл; и тот город-крепость, где
жили его братья, с силой спины разбил,
силой груди разгромил, пришёл в ярость.
И вот так сражаясь, однажды на ноге тя-
жесть почувствовал, на руке тяжесть по-
чувствовал. На ногу свою взглянул, там
его дядя ногу удерживает; «Прекращай,
прекращай!», – говорят, – «Нас вдруг по-
калечишь; до такой степени ты возмездия
искал, теперь прекращай!» Он спросил:
«Дядя, это ты?» Дядя говорит: «Я» –
«Сестра, это ты?» – «Я». С этой поры он
воевать прекратил. В самом Березово (бе-
резовом городе), недалеко от Аяс-павыла
лиственничный лес есть: мужчине не до-
зволено там бывать, женщине не дозволе-
но там бывать – такую вот святую землю
он там создал. Аяс-Торумом нареченный
вечными днями там он и восседает.

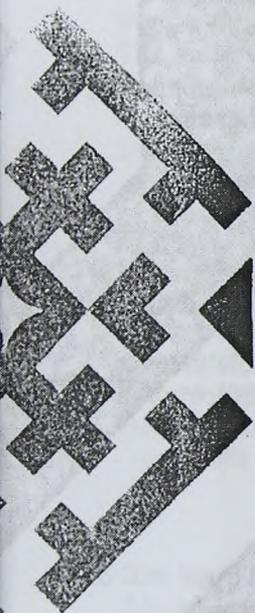
Часть 3

(Тэк-ойка)

Героическая песня богатыря
Тэк-ойки

(Тэк-ойка)
Тэк-ойка тэрниң эрге

A Teek-falvi isten
Teek öregnek hõsi éneke

(Тэк-ойка)

Песнь богатыря и героя.
(Перевод Германа Ионина)

A Teek-falvi isten

Teek öregnek hősi éneke.

- 1 У меня, святого богатыря, много слуг,
У меня, святого богатыря, много лю-
дей, велик мой народ.
Воин, мужчина
С голосом хвостатой лисицы –
Так меня называют;
- 5 С бахромистым концом косы, окружен-
ный слугами богатырь,
С вьющимся концом косы, богатырь,
окруженный народом, –
Так именуют меня.
На Оби, кормилице нашей, на моей
рыбной Оби, на милом моём берегу,
На берегу высотой до облаков, когда
они над городом милым плывут,
- 10 Во всех семи женских священных краях
Боятся меня,
Во всех семи мужских богатырских
краях
Меня опасаются.
Я могучий и величавый, и я это знаю.
Причин для мести, завещанной мне отцом,
Нет у меня,
- 15 Причин для мести, которую мне мать
завещала,
Нет у меня;
А уж если придет бесчисленный враг,
Многолюдный, как шерсть овцы или
как лошадиная шерсть,
- 20 Если враг подступит к пристани моего
милого города,
Разрублю на части врага,
И каждая часть будет величиной с пес-
чинку или пылинку.
*
- Долго ли, коротко жил я,
Много ли мало я прожил,
Женщина, мать моя, говорит:
«В этом городе нашем, высоком, как
лиственница с прочной корой,
- 1 Sokszolgájú-férfiúcska, szentséges-hős,
Soknépű-férfiúcska, szentséges-hős,
Nagyfarkú-róka-prémjével-karimázott-
süvegű-férfi –
Így neveznek engem;
- 5 Bojtos-végű-soknépű-hajfűrt,
Bojtos-végű-sokszolgájú-hajfűrt –
Így neveznek engem.
E táplálékos Obom, halas Obom partján,
E futó felhő, menő felhő magasságú
váracskámban
- 10 Istenasszonyt uraló hét [vidék] területnyire
(nagysággal)
E nevemmel (így) vagyok félelmetes,
Istenkét uraló hét [vidék] területnyire
E nevemmel vagyok rettenetes.
A magam férfiúi méltósága szerint
- 15 Atyától eredt atyai bosszúokom
Nincsen [mely harcra indítson],
Anyától eredt anyai bosszúokat
Nem találok [hogyan induljak];
Ha mint juh gypja, ló szőre [oly számmal]
jön felém valamely jóra való ellenségecske:
- 20 Réves váracskám réve alatt
Mint fővenyszem, mint homokszem, oly
apróra vagdalom szét (teszem) őket.
*
- A mint sokáig [így] éldegélek,
A mint rövid ideig [így] éldegélek,
[Egyszer csak] im miképpen szól
nagyasszony anyácskám:

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Смысловой перевод

(Тэк-ойка).
Тэк-ойка тэрниң әрге.

Тэк-ойки – богатыря
героическая песня
(Перевод С. Динисламовой,
консультант Юдит Дмитриева)

<p>1 Хоши-хумле-нарың օтыр,
Лыхи-хумле-нарың օтыр,
Ләгың-охсар-турпа-хум –
Тох та намаявем;</p> <p>5 Русың օвлуп лыхи саг,
Русың օвлуп хошың саг –
Тох та намаявем.
Ты тәпың Ас, хўлың Ас ватакемт
Ты хайтнә тул, миннә тул лўлит
ўскемт,</p> <p>10 Нәиң сәт янытәквел
Тох та пилыгләвем,
Отрың сәт янытәквел
Тох та хурахләвем.
Амкем хум янытәкемтыл</p> <p>15 Яге минум ягиң нуркве
Ам ат օньцигләгум,
Аңкве минум аңквың нуркве
Ам ат хонтыгләгум;
Ос пун, лўв пун ёмас лялькве
ёхты пыл,</p> <p>20 Тәлтың ўс тәлткем ёлы-пәлт
Хис нәмпыр, сәй нәмпыр
вәрикәнум.</p> | <p>1 Много слуг имеющий священный бо-
гатырь,
Много народа имеющий священный
богатырь,
С голосом хвостатой лисицы мужчина –
Так меня называют;</p> <p>5 С бахромистым концом косы, много
слуг имеющий богатырь,
С вьющимся концом косы, много на-
рода имеющий богатырь –
Так меня именуют.
На этой питающей Оби, рыбной Оби,
моём милом берегу
Высотой как бегущие облака, как
идущие облака в родном городке,</p> <p>10 Во всех семи женских божественных
краях
Так меня побаиваются,
Во всех семи мужских богатырских
краях
Так меня опасаются.
Я мужчина величественный,</p> <p>15 Причин для мести, идущей от отца,
У меня не бывает,
Причин для мести, идущей от матери
Я не нахожу;
Если враг придёт в таком количестве,
как шерсть овцы, как шерсть лошади,</p> <p>20 Под мою пристань города с приста-
нью,
Разрублю его на мелкие части, вели-
чиной с песчинку, величиной с пы-
линку.</p> |
|--|---|

*

Хоса օлмум халыквет,
Вәти օлмум халыквет
Яныг нә цәнъкем хумле
ләвыглы:

*

В течение долгого ли времени моей
жизни,
В течение короткого ли времени моей
жизни
В возрасте женщина – моя матушка
как она молвит:

- 25 В этом городе, высоком, как лиственница, у которой кора шелушится, Мы живем, и у нас нет причин для отцом завещанной мести,
- 25 «Ezen kérges fenyő magasságú váracsánkban, Ezen pikkelyes fenyő magasságú váracsánkban Atyától eredt atyai bosszúokunk Nincsen [mely harcra indítson], Anyától eredt anyai bosszúokunk
- 30 У нас нет причин для мести, завещанной матерью; Найти бы нам женский край, Где живут одни только женщины. И еще бы найти край, Где одни мужчины живут».
- 30 Nincs [mely harcra indítson]; Nő járó nős vidéket Keressünk tehát föl, Férfi járó férfias vidéket Keressünk tehát föl!»
- 35 И я, богатырь, говорю моим воинам, всем многочисленным моим сыновьям, Говорю: «Столкните в реку две лодочки, Украшенные узорами из крылатых птиц; Спустите на воду нашей реки две лодочки
- 35 Szolgaférfi sok fiacskámhoz most Ím miképpen szólok: «A szárnyas állat ékítményű két hajócskát Toljátok le a vízre; A lábas állat ékítményű két hajócskát
- 40 С узорами – изображением ногастого зверя! Несите побольше халатов из лучшего тонкого сукна Кладите на середину В первую лодку; А потом кладите в другую лодку побольше свертков самого тонкого шелка
- 40 Emeljétek le a vízre; Közepes hajó közepére Vékony posztó sok göngyölegjét Nagy számban hordjátok, Vékony selyem sok tekercsét
- 45 Много, много несите, кладите их в эту вторую лодку!» И вот помощники-воины, многочисленные мои сыновья, Две лодочки отталкивают от берега, С узорами крылатой птицы две мои лодочки, С узорами ногастого зверя две мои лодочки – Обе отталкивают от берега.
- 45 Nagy számban vigyétek!» Szolgaférfi sok fiacskám most Szárnyas állat ékítményű két hajócskám, Lábas állat ékítményű két hajócskám Letolja a vízre.
- 50 И вот я, воитель, имеющий множество слуг, И вот я, богатырь, окруженный народом, Семь кос у меня. На одежду мою, на ее соболиные плечи, Слуги и дети мои надевают мою бое-
- 50 Sokszolgás-tájékú-férfi, sokszolgás-hajfűrt Soknépes-tájékú-férfi, soknépes-hajfűrt [nevet viselő] Hét hajfűrtű hajfűrtös fejedelemnek Lazacz pikkelyek módjára ékített

- 25 «Ты кѣрың нѣңк лѣлит ѱскевт,
Ты сѣмың нѣңк лѣлит ѱскевт,
Яге минум ягиң нур
Мѣн ат ѳньщикѣв,
Аңкве минум аңквың нур
- 25 «В этом нашем городе высотой с ли-
ственницу с прочной корой,
В этом нашем городе высотой с ли-
ственницу с шелушащейся корой
Отцом данной отцовской мести,
У нас не имеется,
Матерью данной материнской мести,
- 30 Мѣн ат ѳньщикѣв,
Нѣ миннѣ нѣгиң сѣм
Май вос киснувѣв монт,
Хум миннѣ хумың сѣм
Май вос киснувѣв монт!»
- 30 У нас не имеется;
Женский край, в котором женщины
ходят,
Нам бы поискать теперь,
Мужской край, в котором мужчины
ходят,
Нам бы разыскать теперь!»
- 35 Ань аяңхум сѣв пѣгкем нупыл
Хумле лѣвыглѣгум;
«Товлың ѱй хансап кит хѣпквег
Налув вос нѣрыгтѣнувег,
Лѣглың ѱй хансап кит хѣпквег
- 35 И вот моим воинам-мужчинам, много-
численным сыновьям,
Вот как говорю:
«С узорами крылатой птицы две ло-
дочки
К реке пусть сталкивают,
С узорами ногастого зверя две лодочки
- 40 Нѣлув вос хѣлигтѣнувег!
Котьлиң хѣп котилюмн
Бѳвта нѣй сѣв сахит
Сѣвыл вос ѣлумтаве.
Бѳвта ѣрмак сѣв куняс
- 40 На воду пусть спускают!
На средину лодки со срединою
Из тонкого сукна множество халатов
Помногу пусть несут.
Тонкого шѣлка множество свѣртков
- 45 Сѣвыл вос тотынтаве!»
Ань аяңхум сѣв пѣганумн:
Товлың ѱй хансап кит хѣпкегум,
Лѣглың ѱй хансап кит хѣпкегум
Нѣлув ты нѣрыгтѣвег.
- 45 Помногу пусть несут!»
И вот помощники-воины, мои много-
численные сыновья,
С узорами крылатой птицы две мои
лодочки,
С узорами ногастого зверя две мои
лодочки
От берега отталкивают.
- 50 Хоци-ѳвлуп-хум – хоци-сев,
Лыхи-ѳвлуп-хум – лыхи-сев,
Сѣт сагуп сагың ѳтыр
Сорхың сѣм хансаң таглакем,
Хѣлың сѣм хансаң таглакем
- 50 Много слуг имеющий мужчина, мои
слуги,
Много народа имеющий мужчина, мой
народ;
На меня, семь кос имеющего богатыря
с косами,

- вую одежду
С узорами сырковой чешуи одеяние,
С узорами рыбной чешуи дорогую
кольчугу,
- 55 Меня облачили в нее.
И вот я, великий муж,
Богатырь, к которому прикоснуться
можно
Только на расстоянии вытянутой руки;
Лишь воины-богатыри, мои сыновья,
ко мне прикасаются.
Они сопровождают меня на берег реки
до пристани города с пристанью,
- 60 До самого берега.
Они усаживают меня в соболиное гнез-
дышко,
В медвежье гнёздышко усаживают меня.
И вот я всем воинам храбрым, всем
моим многочисленным сыновьям,
- 65 Говорю такие слова:
«На эти две мои лодочки с узорами
птицы крылатой,
На эти две лодки мои с изображениями
ногастого зверя
Садитесь следом за мной!
Высокими голосами, голосистым криком
- 70 Вы прокричите!
Басистыми голосами, голосистым кри-
ком
Вы прогремите!
Если отлогий крутой берег нам по пути
попадётся,
Сделаем его песчаным и низким;
- 75 Если низкий песчаный берег встретит-
ся нам по пути,
В отлогий и крутой, в высокий берег
мы его превратим.
*
- И вот уже две ладные лодочки с изо-
бражением птицы крылатой,
Ладные лодочки две с изображением
ногастого зверя
Готовы к отплытию.
- 80 Высокими голосами голосистый крик
Мы далеко издаём,
Басистыми низкими голосами
- ruhácskám,
Hal pikkelyek módjára ékített ruhácskám
- 55 Nyusztbőrrel fedett vállam fölé
Föladják.
Magamat férfiu méltóságom szerint
Kezes hősnek fél kezecskéjénél fogva
Meggfognak im apródlégényeim,
- 60 Réves váram révecskéjéhez
Ím lefelé vezetnek;
Nyusztprémes fészekbe ültetnek,
Medveprémes fészekbe ültetnek.
Szolgaférfi sok fieskámhoz most
- 65 Ím miképpen szólok:
«Ezen szárnyas állat ékítményű két
hajócskámra,
Ezen lábas állat ékítményű két
hajócskámra
Szálljatok föl kedveseim!
Vékony hangú hangos kiáltást
- 70 Kiáltatok;
Vastag hangú hangos kiáltást
Dörögjetek!
Ha meredek partú vidéket találunk,
Azt alacsony fövenyparttá verjük le
[evezőnk csapásaival];
- 75 Ha alacsony fövenypartú vidéket találunk,
Azt meredek parttá verjük föl.»
*
- Most a szárnyas állat ékítményű két
hajócskát,
A lábas állat ékítményű két hajócskát
A vízre helyezték.
- 80 Vékony hangú hangos kiáltásunkat
Elkiáltottuk,
Erős hangú hangos kiáltásunkat

С узорами сырковой чешуи моё одеяние,
С узорами рыбной чешуи мою кольчугу, —

55 Нёхсаң вāңын нум-пāлын
Нōңх-мастылāве.
Амкем хум яныгтāкве
Кāt палың oтыр кāt палакēмнэл
Аяңхум п̄ыганумн ты п̄увинтāвем,

55 На одежду с соболиными плечами
Они поверх надевают.
Я мужчина величественный,
Богатырь, к которому лишь вытянутой
рукой можно прикоснуться; с такого
расстояния
воины-мужчины, мои сыновья, ко мне
прикасаются,

60 Тāлтың ūс тāлткем
Нāлув ты вāнттавем
Нёхс питиквен ūнттавем,
Ūй питиквен ūнттавем,
Ань аяңхум сāv п̄ыгум нумпыл

60 На пристань города с пристанью,
В соболиное гнёздышко меня усаживают,
В звериное гнёздышко меня усаживают.
И воинам-мужчинам, моим многочис-
ленным сыновьям

65 Хумле лāвилēгум:
«Ты товлың ūй хансаң кит хāпкегум,
Ты лāглың ūй хансаң кит хāпкегум
Нāлув ты тāлэкēн!
Нёлых турпа турың рōңхкве

65 Так молвлю:
«На эти, с узорами крылатой птицы, две
мои лодочки,
На эти, с узорами ногастого зверя, две
мои лодочки
В них садитесь!
Высокими голосами голосистым криком

70 Нāн рōңхувлāлэн;
Рāгиң турпа турың рōңхкве
Нāн хагиāлэн!
Аврах пāl ке хōнтыкев:
Рōциг рāтылылūв;

70 Вы прокричите!
Басистыми голосами голосистым криком
Вы прогремите!
Если высокий крутой берег нам по пути
попадётся,
Низким песчаным его сделаем;

75 Рōщ пāl ке хōнтыкев:
Аврахыг рāтылылūв.»

75 Если низкий песчаный берег нам по
пути встретится,
В высокий крутой его превратим.

*

Ань товлың ūй хансаң кит хāпыгквег,
Лāглың ūй хансаң кит хāпыгквег
Нāлваль ūнттувесыг.

*

И вот с узорами крылатой птицы две
ладные лодочки,
С узорами ногастого зверя две ладные
лодочки
К отплытию поставлены.

80 Нёлых турпа турың рōңхкве
Эла рōңхувлāлылūв,
Вāгың турпа турың рōңхкве

80 Высокими голосами голосистый крик
Мы далеко издаём,
Басистыми голосами голосистый крик

- Оглушаем землю, и крик летит далеко.
На горестной земле, в семи её слоях,
- 85 Земли содроганьем внизу отдается наш крик.
В шести слоях на горестной грязной земле трепетом отражается он.
Помощники-воины, мои многочисленные сыновья,
Пенной дороженькой, той, которую в речной воде лодка пробила,
- 90 Идут на веслах,
Держат за кедровые рукояти, окунают в воду крепкие весла,
Гребут.
Кормилицей нашей Обью вниз мы плывем по течению.
Рыбной Обью вниз по течению движемся мы.
- 95 Плывем и прямо смотрим перед собой и вглядываемся в даль.
Как называется эта святая излучина Оби? –
Вот она впереди показалась;
По одной стороне ее воды
Словно через пасть живого червя, живого змея текут,
По другой стороне ее воды словно через пасть Куля текут.
- 100 Там стоит город высокий,
Он поднялся до облаков.
Город высокий, – до живых облаков,
Бегущих по небу.
Мы причаливаем к пристани этого города.
- 105 Вот мы рассматриваем все вокруг, вот мы знакомимся:
Лонгх-авит-нёл большой город, да, это он.
С семи уголков земли семь гостей уже приезжали,
Но никакого именитого богатыря, известного богатыря вверх не пустили.
Если на нартах приехал мужчина,
- Eldörögtük.
A réteges föld hét közepébe
- 85 Hallatszik ím alá zaja.
Szolgaférfi sok ficskám
Hajóverte habos úton
- 90 Evezget,
Czédrusfenyőből való evezőcskét
Mártogatnak ők [a vízbe].
Táplálékos Obon ím lefelé mendegélünk,
Halas Obon ím lefelé mendegélünk.
- 95 Amint így mendegélünk, előre nézünk:
Vajjon micsoda nevű szent Obfokhoz
Érkezünk most; – egyik fele kedves vízének
Eleven jur-féreg, eleven sossal-féreg száján keresztül folyik,
Másik fele kedves vízének manó száján keresztül folyik.
- 100 Futó felhőt szelő vár
Áll íme ottan,
Menő felhő magasságú vár
Áll íme ottan.
Réves vár révecskéjéhez mostan fölkapaszkodtunk;
- 105 Amint nézdegélem, amint tekintgetem:
Long-awit-nol (Bálványfok) nagy vára, ím az volt.
Hét földtájékról hét kedves vendég érkezett,
Semminő neves hőst, híres hőst föl nem bocsátanak.
Ha szánas ember érkezik vala:
- 110 Полозья нарт его покрываются толстым слоем мха,
- 110 Mint rénszarvasnak enni való vastag moha,

- Эла хагийялылӯв.
Савың ма сат халквен
- 85 Ёл та тәрнынәтә сүйтыгләлы,
Паңквың ма хәт халквен
Ёл та тәрнынәтә сүйтыгләлы.
Аяңхум сав пыгквем
Хәп нарың ләңхиквел
- 90 Тән товыгләгыт,
Ульпа ййв пәлиң тупквел
Тән магынтәләгыт
Тәпың Ас ләңхаль ты миныгләләв,
Хулың Ас ләңхаль ты миныгләләв.
- 95 Тох миннәв халыквет, әлалә-
сунсыгләләв:
Маныр нампа ялпың Ас месыгквен
Ты нәгләв; – ақв пәл витквет
Лылың ур, лылың соссыл сүпе тәр
өви,
Ақв пәл витквет Куль сүпе тәр өви.
- 100 Хайтнә тул сымәң үс
Тот та унлыгы,
Миннә тул ләлит үс
Тот та унлыгы.
Талтың үс талтыквен пәг та
пұхталыгквев;
- 105 Хумле сунсыгләлыкәлүв, хумле
вәцинтәлыкәлүв.
Ләңх-авит-нәл яныг үс, тав ты
өлыгләлум.
Сәт ма-сәмныл сәт мүйкве
әхтыгләлум,
Нәмат намың өтыр, суиң өтыр нәңх ат
тәратаве,
Суның хум ке әхтәлы:
- 110 Сәлы тәпың осың хаслы,
Паттаң сун паттакеныл осыңыг
- Мы далеко кричим.
На горестной земле, в семи её слоях,
- 85 Внизу на земле он дрожанием отдается.
На грязной земле, в шести её слоях,
Внизу на земле он трясением отражается.
Помощники-воины, мои многочислен-
ные сыновья,
Пенной дороженькой, пробиваемой
лодкой,
- 90 Они вёслами гребут,
С рукоятью кедрового дерева крепкие
вёсла
Они в воду окунают,
По сытной Оби вниз по течению мы
плывем,
По рыбной Оби вниз по течению мы
движемся.
- 95 Так плывя, по пути вдаль вглядываемся:
С каким названием святая излучина
Оби
впереди показалась; по одной стороне
ее воды
Словно через пасть живого змея текут,
По другой стороне ее воды словно че-
рез пасть Куля текут.
- 100 Город высотой с бегущие облака
Там находится,
Город высотой с идущие облака
Там стоит.
На пристань города с пристанью мы
причаливаем;
- 105 Так вот рассматриваем округу, так вот
знакомимся:
Лонгх-авит-нәл большой город, это он
и есть.
С семи уголков земли семь гостей уже
прибыло,
Но никакого именитого богатыря, из-
вестного богатыря вверх не выпускают.
Если нарты имеющий мужчина приез-
жает,
- 110 Подобным толстому слою мха, кото-
рым питаются олени

Который едят олени.
Если на лодке мужчина приплыл,
Дно его лодки покрывается мхом,
Толстым слоем мха, пригодного для
строительства дома.

Oly vastaggá mohosodik a talpas szán
talpa;
Ha hajós ember érkezik vala:
Mint házépítéshez való vastag moha,
Oly vastaggá mohosodik a fenekes hajó
feneke.

115 А когда я, богатырь, приплыл,
Настежь город распахнул передо мною
ворота
Город, на пристань которого мы сошли,
Настежь ворота свои распахнул
О Щер-кёви-мор-кёви-кумлың-нари.

115 Midőn én megérkeztem, kapusvárnak
kapuját
Csak akkor vonják vala széllyel,
Réves várnak révecskéje
Csak akkor áll vala nyíltan.
Ser-kewi-mor-kewi-kumlin-nari (vadon-
kő-pusztá-kő ... kard)

120 Вот мы проходим с моим
помощником-воином, сыном моим,
На площадь города мы направляемся,
На площадь посёлка мы поднимаемся,
Входим в дом сестры семи богатырей
Лонгх-авит-нёл города,
Мы входим в дом большой, как малое
озеро,
В дом, где она восседает;

120 [Nevű] szolgaférfi fiacskámmal
Ím fölmegyünk a teres vár kedves terére.
ím fölhágunk a teres vár kedves terére.
Ama bálványfoki hét hős testvére
Lakta kis tó nagyságú házba

125 Мы входим в дом, большой, как малое
море,
Мы входим;
С посохом в сильных руках
Мы стоим вдвоём с моим
помощником-сыном.

125 Íme belépünk,
Kis tenger nagyságú házba
Íme belépünk;
Pálcza gyanánt kardot tartva jó
kezeceknkben
Állunk mi ím [ottan].

130 Семисаженный каменный котёл
Над огнём мы подвешиваем,
Шестисаженный котёл
Подвешиваем над огнем.
Сытное мясо копытного животного

130 Hét arasznyi nagyságú kőüstöt
Akasztunk íme a tűzre,
Hat arasznyi nagyságú fazekat
Akasztunk íme a tűzre.
Kezes-lábas, háncsvastagságú hájas húst

135 Мы вдвоём начинаем варить.
Долго ли варилось после того, как мы
начали,
Коротко ли варилось,
Три чаши я быстро наполнил,
Четыре чаши я быстро наполнил.

135 Aprózunk az üstbe.
Miután soká főtt,
Három edénybe kanalaztam belőle.

140 И вот к сварившемуся сытному мясу
животного
К одному краю чаши мужской нож я
кладу,
К другому краю чаши женский нож я

140 Most ama kezes-lábas, háncsvastagságú
hájas hús
Egyik edénye széléhez férfinak való kést
helyezek,
Másik edénye széléhez nőnek való kést

- хаслыт̄ыме;
Хапың хум ке ёхт̄алы:
Кол ұнттыңэ осың хаслы
Паттаң х̄ап паттакет осыңыг
хаслыт̄ыме.
- 115 Ам ёхткemt āвиң ұс āвикётэ
Палыг ущ ты вищинтаве,
Т̄алтың ұс т̄алтыквете
Палыг ущ ты л̄юляве.
Щер-кёви-мор-кёви-кумлың-н̄ари
- 115 В мой же приезд ворота города с во-
ротами
Настежь тогда только и открывают,
Пристань города с пристанью,
Только тогда и доступна.
Щер-кеви-мор-кеви-кумлынг-нари
- 120 Аяңхум п̄ыгкemтыл
Каның ұс каныквен п̄аг ты
ёмыглымён,
Каның п̄авыл каныквен п̄аг ты
х̄аңхиглымён.
Ань Лoңх-āвит-нёл с̄ат отыр яг̄агианл
Ўнлыңэ м̄ань т̄ур яныт колна
- 120 С моим помощником-воином, моим
сыном,
На площадь города с площадью мы на-
правляемся,
На площадь посёлка с площадью мы
поднимаемся,
В дом сестры семи богатырей Лонгх-
авит-нёл города,
Где она восседает, – в дом величиной с
маленькое озеро
- 125 Ёв ты щалтыглы̄мен,
М̄ань щ̄арыщ яныт колна,
Ёв ты щалтыглы̄мен;
Н̄ари-с̄ув ёмас к̄атквел
М̄ен ты л̄юлилыгмён.
- 125 Мы входим,
В дом величиной с маленькое море
Мы входим;
С посохом в хороших руках
Мы вдвоём стоим.
- 130 С̄ат т̄арыс яныт щ̄еңри-патта
Н̄алваль ты т̄агат̄ылмён,
Хот̄ т̄арыс яныт п̄ут
Н̄алваль ты т̄агат̄ылмён.
Ясың-курың, щ̄ещ-воиң-нохи
- 130 В семь саженой величиной каменный
котёл
Над огнём мы подвешиваем,
В шесть саженой величиной котёл
Над огнём мы подвешиваем.
Сытное мясо копытного животного
- 135 Н̄алваль ты п̄ётылыгмён.
Хоса п̄айтахт̄ыме юи-п̄алт,
В̄ати п̄айтахт̄ыме юи-п̄алт
Х̄урум аны х̄унлыгт̄асум,
Нила аны х̄унлыгт̄асум.
- 135 Мы вдвоём начинаем варить.
Долго ли варилось, после этого,
Коротко ли варилось, после этого
Три чаши я быстро наполнил,
Четыре чаши я быстро наполнил.
- 140 Ань ясың-курың-щ̄ещ-воиң-нохи
Акв аны ёвлэ хум касаил пиньлум,
Акв аны ёвлэ нэ касаил пиньлум;
Ань Лoңх-āвит-нёл ұс с̄ат отыр
Яг̄агианл ёт
- 140 И вот к сварившемуся сытному мясу
копытного животного
К одному краю чаши мужской нож я
кладу,
К другому краю чаши женский нож

- кладу;
И вот мы рядом с сестрой семи богатырей Лонгх-авит-нёл города
Рядом с их сестрой
- 145 Вместе плечом к плечу мы духам-покровителям
Приносим в жертву копытного зверя.
А потом готовим котел, в избытке наполненный пивом.
- 150 А потом накрываем большой стол,
На нем в избытке мясо и мед,
Громадный стол для богатырского пира
Мы накрываем.
Мы выбираем крупные куски вареного мяса,
Они тают на языке.
Крупные хорошие куски мяса
Тают во рту.
- 155 И вдруг мой помощник-воин,
мужчина-юноша,
Раскрыл свой рот, а в нем блестят десять зубов,
Раскрыл рот и сказал:
«Хоци-хум-нарың-саг,
Лыхи-хум-нарынг-саг мой господин,
- 160 Лонгх-авит-нёл города семи богатырей
Вместе с их сестрой.
Мужчины, которые думают,
Мужчины, которые не противоречат друг другу, если совпали в мыслях,
- 165 Когда установится человеческая вечная эра,
Когда установится человеческая счастливая эра,
Поднесите так же друг другу
Большие куски копытного зверя!» –
И вот я беру за руку, за тоненькое предплечье
Сестру семи богатырей Лонгх-авит-нёл города,
Беру ее за тоненькое предплечье руки,
- 170 Нежно беру и решительно,
И как росомаха-самка, быстрым коротким шагом, словно крадучись,
- helyezek;
Ama bálványfoki hét hős
Testvérével együtt
- 145 Mint toxi-állat egymás mellé (egyirányú vállal)
Ketteskén leülünk,
Söritalos nagy lakomát (asztalt)
- 150 Csapunk mi (csinálunk),
Nyelven olvadó jó falatot
Eddegélünk,
Szájban olvadó jó falatot
Eddegélünk.
- 155 Egyszer csak szolgaférfi fiacskám
Tíz fogú fogas száját
Ím mily szókra (miképpen) nyitja fel:
«Sokszolgájú-férfi-ember, szentséges hajfűrt,
Soknépű-férfi-ember, szentséges hajfűrt, uracskám!
- 160 Ím ezen bálványfoki vár hét hősének
Testvérkéjével
Elmés ember, elméd
Ím egyet akar (megszerettétek egymást):
Ha egykor az ember korabeli világ beáll,
- 165 Az ember idejebeli világ beáll,
Mint toxi-állatka egymás mellett
Üljetek [majd] így édeském!»
Most a bálványfoki hét hős
Testvérkéjének keze gyöngé szarát
- 170 Gyöngéden átfogom,
Borz nősténye módjára, apró léptekkel
(t.i. lopva)

- кладу;
И вот Лонгх-авит-нёл города семи богатырей,
С их сестрой
- 145 Акв ваңын тōхи уй
Мен ты унттылыгмён,
Сурың тәп яныг пасан
Мен ты вәрилыгмён,
Магың тәп яныг пасан
- 145 Рядом плечом к плечу мы копытного зверя
Подносим для духов-покровителей.
С пивом в достатке большой стол
Мы делаем,
С мёдом в достатке большой стол
- 150 Мён ты вәрилыгмён.
Нелме толум ёмас пұл
Мён ты тәщинтыгмён,
Супе толум ёмас пұл
Мён ты тәщинтыгмён.
- 150 Мы накрываем.
На языке тающий хороший кусок
Мы кушаем,
Во рту тающий хороший кусок
Мы поедаем.
- 155 Аквматэрт аяңхум пыгкем
Лов пуңкпа пуңкың сүпе
Хумле пунсыгылтә:
«Хоци-хум-нарың-саг,
Лыхи-хум-нарың-саг отыракем!
- 155 И вдруг мой помощник-воин,
мужчина-юноша
С десятью зубами зубастый свой рот
Как откроет:
«Хоци-хум-нарынг-саг,
Лыхи-хум-нарынг-саг мой господин,
- 160 Ань ты Лōңх-авит-нёл у́с сāt отыр
Ягәгианл ёт
Номтың хум номтквен
Акван ты патсыг:
Хунь элумхōлас йисың тōрум
унтхаты,
- 160 Лонгх-авит-нёл города семи богатырей
Вместе с их сестрой
Думающего мужчины мысли
Если совпали вместе:
Когда-то человеческая вечная эра устанавливается,
- 165 Элумхōлас нотың тōрум унтхаты,
Акв ваңын тōхи уйкве
Аквтох унлыкән!» –
Ань Лōңх-авит-нёл у́с сāt отыр
Ягәгикенл кātә ке ошца соркве
- 165 Человеческая счастливая эра устанавливается,
Плечом к плечу копытного зверя
Точно также подносите!» –
И вот Лонгх-авит-нёл города семи богатырей
Их сестру за тоненькое предплечье руки
- 170 Тара пүвилыгкелум,
Каль тулмах вәти ұсылаквел
Тара ванттыкелум.
- 170 Тут же я бережно беру,
Росомахи-самки короткими шагами,
словно крадучись,

Веду ее за собой.
Вот мы идем прямо на берег,
На городскую пристань идем.
Богатырскую дочь, именитого воина
доченьку

Szépecskén elvezetem őt.
Réves várunk révecskéjéhez
Ím beérkeztünk;

175 На самую середину лодочки
В соболиное гнездышко я усаживаю,
Богатырскую доченьку
Усаживаю в звериное гнездышко.

175 A közepes hajó közepére
A neves hős leánykáját
Nyusztbőr-fészekbe ültetem,
A híres hős leánykáját
Medvebőr-fészekbe ültetem.

180 И вот многим помощникам-воинам и
многочисленным моим сыновьям
Говору такие слова:
«Помощники-воины, мои сыновья,
Слушайте, что я скажу!
В обратную сторону по пенной дорожке,
прорезаемой лодками,

180 Szolgaférfi sok fiacskámat
Ím miképpen szólítom meg:
«Szolgaférfi sok fiacskám, ide
hallgassatok!
Visszafelé [vezet immár] hajó verte habos
utacsánk,

185 В обратный путь по пенной дорожке,
создаваемой вёслами,
Крикнув тихими голосами,
Звучным голосом голосистым, оглуши-
тельным криком крикнув,
Мы поплывем.
Крепко схватите рукоятки весел из кедра,
Не выпускайте из рук

185 Visszafelé evező verte habos utacsánk,
Vékony hangú hangos kiáltásunkat
kiáltva,
Vastag hangú hangos kiáltásunkat kiáltva
Állunk ím.
A czedrusfenyőből való evezőcskéket

190 Весла из крепкого дерева, весла с
крепкими рукоятками,
Окуните их в воду!»
Все многочисленные помощники мои
слабыми своими руками,
Все мои многочисленные помощники,
напрягая свои слабые груди,

190 Szedjétek elő,
A czirbolyafenyőből való evezőcskéekkel
Vájjátok [a hullámokat]!»

*

Erőtlen kezű sok emberkém,
Gyöngé mellű sok magzatom

195 Вёслами отталкиваются от воды, пен-
ную дороженьку в воде прорезают,
В воде прорезают лодками пенистый путь.
Если песчаный берег встретится на
пути,
Волны от лодки вздымают его как кру-
той обрыв,
Если высокий берег навстречу попался,

195 Evező verte habos utacsánk haladják
(csinálják),
Hajó verte habos utacsánk haladják.
Ha alacsony fővénypartos vidéket
találnak,
Meredek parttá verik föl [evezőik];
Ha meredek partú vidéket találnak,

200 Волны от лодки его в песок превращают.
Множество плесов Оби-кормилицы по-
зади остается,
Множество плесов рыбной Оби оста-
лось у нас за плечами.

200 Alacsony fővényparttá verik le.
Táplálékos Ob sok fordulóját nagy
számban járják be.
Halas Ob sok fordulóját nagy számban
járják be.

- Талтың ұс тәлткемәна
Нәлваль ты ёхтсумән,
- 175 Котылиң хәп котильквен
Намың отыр әгикве
Нәхс питин тәлттыкәлум,
Суиң отыр әгикве
Ұй питин ұнттыкәлум.
- 180 Аяңхум сәв пығанум
Хумле ләвигләлығанум:
«Аяңхум сәв пыгкенум
Тыг хұнтлән!
Ювле нумпыл хәп нарың ләңхкев,
- 185 Ювле нумпыл тўп нарың ләңхкев,
Нәлых турпа турың рәңхув рәңхиме,
Овра турпа турың рәңхув рәңхиме
Тыг ләүлев.
Ұльпа ййв пәлиң тўпквет
- 190 Нән вицинтәлән,
Нахыр ййв пәлиң тўпквел
Нән хулигләлән!»
Щәмтал кәтуп сәв хумикем,
Остал мәглуп сәв сысум,
- 195 Тўп нарың ләңхикев тән вәрегыт,
Хәп нарың ләңхикев тән вәрегыт.
Рәц пәл ке хәнтәгыт:
Әврахыг рәтылгыганыл,
Әврах пәл ке хәнтәгыт
- 200 Рәциг рәтылгыганыл.
Тәпың Әс сәв вәль сәве хәлтәгыт
Хұлың Әс сәв вәль сәве хәлтәгыт.
Хоса товиманл юи-пәлт,
Вәти товиманл юи-пәлт
- Тут же я её веду.
На пристань города с пристанью
На берег мы пришли,
- 175 На серединочку лодки со серединой
Именитого богатыря доченьку
В соболиное гнездышко бережно усаживаю,
Известного богатыря доченьку
В звериное гнездышко бережно усаживаю.
- 180 Помощникам-воинам, многочислен-
ным моим сыновьям
Что я им молвлю:
«Помощники-воины, мои многочис-
ленные сыновья
Сюда прислушайтесь!
В обратную сторону по пенной дорож-
ке, создаваемой лодками,
- 185 В обратный путь по пенной дорожке,
создаваемой вёслами,
Тихим голосом голосистым криком
крикнув,
Звучным голосом голосистым криком
крикнув
Мы направимся.
Кедрового дерева вёсла с рукоятями
- 190 Вы берите в руки,
Крепкого дерева вёсла с рукоятями
Вы окунайте в воду!»
Со слабыми руками многочисленные
мои помощники,
Со слабой грудью многочисленные
мои помощники,
- 195 Веслом пробиваемую пенную доро-
женьку они делают,
Лодкой создаваемую пенную доро-
женьку они создают.
Песчаный берег если встречается по
пути,
В крутой склон его сбивают;
Крутой берег если встречается по пути,
- 200 В песчаный берег его превращают.
Сытной Оби множество плёсов множе-
ство остаётся позади,
Рыбной Оби множество плёсов множе-
ство остаётся позади,

- После долгой, короткой гребли,
После долгого, короткого пути по реке
Вот мы, наконец, видим наш городок,
- 205 Высокий, до облаков, бегущих по небу,
Вот наш город – наконец до него мы добрались,
Вот он – наш городок, наконец мы приплыли.
Доченьку богатыря именитого,
Дочку прославленного богатыря
Веду в мой дом величиной с малую уточку,
Веду в мой дом, в котором семь комнат,
Ее в дом мой ввожу;
В соболиное гнёздышко, в звериное гнёздышко
- 215 Мы ложимся.
Глубоким сном, таким глубоким, что
можно шею рубить – не заметим,
Уснули.
Крепким сном, таким, что можно тело
наше рубить – не заметим,
Уснули и спим.
- 220 А в середине ночи
Дочь именитого богатыря, дочь известного
воина,
Просыпается и говорит:
«Хощи-хумле-нарынг отыр,
Льхи-хумле-нарынг отыр, мой богатырь!
- 225 Слышишь, мужчины идут, как рыба
против течения, вверх по воде;
Слышишь, мужчины идут, как звери в
лесу по каждой тропинке.
Из многих поселков многочисленные
мужчины идут,
Из многих городов многочисленные
мужчины идут».
И вот говорит она, а я сплю крепким
сном и не слышу,
Можно шею мою рубить – не замечу.
Она еще говорит, а я сплю крепким сном,
- 230 Так что можно тело мое рубить – не
замечу.
Богатырская доченька, дочь именитого
известного воина,
Снова не спит - говорит:
- Miután soká eveztek,
Miután rövid ideig eveztek,
- 205 Futó felhő magasságú városkamba
Ím megérkeztünk,
Menő felhő magasságú városkamba
Ím megérkeztünk.
A neves hősnek leánykáját,
- 210 A híres hősnek leánykáját
A magam lakta kis récze nagyságú
házacskámba,
A magam lakta hét szobájú szobás
házacskámba
Íme bevezetem;
Nyusztbőr-fészecskébe, medvebőr-
fészecskébe
- 215 Íme mi lefekszünk.
Hogy a nyakunkat le lehetne ütni, olyan
valódi [mély álomban]
Fekszünk mi ottan.
- 220 Éjfeles éj éjfele tájt
A neves hős leánya, a híres hős leánya
Ím miképpen szól:
«Sokszolgájú-férfi, szentséges-hajfűrt,
Soknépű-férfi, szentséges-hajfűrt,
uracskám!
- 225 A vizi hal kedves utacskáján (t.i. a folyón
fölfelé),
Az erdei állat kedves utacskáján
Falut lakó sok, sok ember jön [felénk],
Város lakó sok, sok ember jön [felénk].» –
Én nyakam leüthető igaz álmom
- 230 Továbbra is alszom,
Törzsem leüthető igaz álmom
Továbbra is alszom.
Ama neves hős leánya, híres hős leánya
Most ismét szól:

После долгого пути на вёслах,
После короткого пути на вёслах

- 205 Хайтнэ тул люлит үскемн
Ты ёхтыгләлмүв,
Миннэ тул люлит үскемн
Ты ёхтыгләлмүв.
Намың отыр агикве,
- 210 Суиң отыр агикве
Ам үнлынэ мань вәс яныт колкемна,
Ам үнлынэ сәт накпа накың
колкемн
Юв ты тўлыглылум;
Нёхс питиквен, уй питиквен
- 215 Ёла ты хуимён.
Сыпа нёвлинэ сәри улум
Тот ты хуилыгмён,
Порха нёвлинэ сәри улум
Тот ты хуилыгмён.
- 220 Котылиң әт котилет
Намың отыр аги, суиң отыр аги
Хумле ләви:
«Хоци-хум-нарың-саг,
Лыхи-хум-нарың-саг отыракем!
- 225 Витхул кәсың лёңхкве,
Вөрүй кәсың лёңхкве,
Павыл сәв – сәв хум ялэгыт
Ус сәв – сәв хум ялэгыт.» –
Ам сыпа нёвлинэ сәри улум
- 230 Ёла ты хуилум,
Порха нёвлинэ сари улум
Ёла ты хуилум.
Ань намың отыр аги, суиң отыр аги
Ос ты ләви:
- 205 Высотой с бегущие облака – в мой
городок
Мы наконец-то добрались,
Высотой с идущие облака – в мой городок
Мы наконец-то приехали,
Именитого богатыря доченьку,
Известного богатыря доченьку
В мой дом величиной с маленькую
уточку,
В мой комнатный дом, имеющий семь
комнат,
Домой я ввожу;
В соболиное гнёздышко, в звериное
гнёздышко
- 215 Мы ложимся.
Глубоким сном, что можно наши шеи
рубить,
Так мы спим.
Крепким сном, что можно наше тело
рубить,
Так мы спим.
- 220 В середине ночи со серединою
Именитого богатыря дочь, известного
богатыря дочь
Так молвит:
«Хоци-хумле-нарынг отыр,
Лыхи-хумле-нарынг отыр, мой богатырь!
- 225 Подобно вверх по воде поднимающей-
ся рыбе, по каждому пути,
подобно в лесу обитающему зверю, по
каждой тропинке,
Многих поселков многочисленные
мужчины идут,
Многих городов многочисленные муж-
чины идут».
Крепким сном, что можно шею рубить,
- 230 Я дальше сплю.
Крепким сном, что можно тело рубить,
Я дальше сплю.
Именитого богатыря дочь, известного
богатыря дочь
Опять говорит:

- 235 «Враг, многочисленный, многий, как шерсть овцы, как шерсть лошади, Прибыл сюда; Уже взобрался на берег, Уже ступил он прямо на пристань нашего города, там, где есть его пристань, Уже ступил на пристань поселка, там, где есть его пристань,
- 235 «Mint ló szőre, mint juh gyapja, [oly számú] jóra való ellenségecske Érkezett ím; Réves városunk révecskéjét Ím megszállották (meghágták), Réves falunk révecskéjét
- 240 Уже ступил;
А ты спишь, ты спишь крепким сном, можно шею рубить, не заметишь. До каких пор будешь спать?! Ты спишь, ты спишь крепким сном, тебе можно спину рубить, не заметишь. До какой поры будешь спать?»
- 240 Ím megszállották;
Hát nyakad leüthető igaz álmod Meddig fogod még aludni?! Törzsed leüthető igaz álmod Medig fogod még aludni?!» –
- 245 Крепким сном, что хоть шею руби, Продолжаю спать, Крепким сном, хоть спину руби, Спать продолжаю. Лежу, полеживаю и вдруг вижу сквозь сон, как будто бы снится:
- 245 Én nyakam leüthető igaz álmom Ismét csak továbbra alszom, Törzsem leüthető igaz álmom Ismét csak továbbra alszom. A mint így aluszom, egyszer csak
- 250 Разрубают полог до самого краешка там, где есть его краешек, На мелкие, словно песок, мелкие частички его разрубают, Кромсают на части, мелкие, словно пылинки. И вот я, именитый воин, богатырь знаменитый, Из-под полога с трудом после богатырского сна встаю во весь рост; Набрасываю на себя одежду с узорами чешуи рыбы-сырка,
- 250 Hálósátram véges kárpitjának végét Mint fővenyszem, oly apróra vagdalják, Mint homokszem, oly apróra vagdalják. Én a neves hős, a híres hős Alig birok fölállani hálósátram alatt;
- 255 С узорами рыбной чешуи надеваю мою кольчугу Поверх одежды с плечами из соболя Поверх меховой одежды кольчугу набрасываю на себя. Кольчугу поверх одежды с плечами из звериного меха,
- 255 lazaczpikkelyek módjára ékített ruhácskám, Halpikkelyek módjára ékített pánczélom Nyusztprémes vállam tetejébe Ím fölvetem, Medvebőrös vállam tetejébe
- 260 На себя надеваю. Дверь моего дома, имеющего крепкие двери, Всею рукой, пятью пальцами Я открываю, Выхожу на площадь поселка, И на могучих плечах
- 260 Ím felöltöm. Ajtós házam ajtócskáját, Öt ujjú ujjas kézzel Ím kinyitom, Vörösfenyő-ágképpen fűrtözött fejecském

- 235 «Лүв-пун, ős-пун ёмас лялькве
Ты ёхтыглум;
Талтың үс талткев
Ты хәңхима,
Талтың павыл талткев
- 235 «Враг, в таком количестве, как шерсть овцы, как шерсть лошади, сюда прибыл;
На пристань города с пристанью
Уже взобрался,
На пристань посёлка с пристанью
- 240 Ты хәңхима;
Наң ос сыпа нёвлинэ сәри үлум
Хота мос хуилын?!
Порха нёвлинэ сәри үлум
Хота мос хуилын?!» –
- 240 Уже взошёл;
Ты же крепким сном, что можно шею рубить,
До каких пор будешь спать?!
Ты же крепким сном, что можно спину рубить,
До какой поры будешь спать?»
- 245 Ам сыпа нёвлинэ сәри үлум
Өс әла хуилум,
Порха нёвлинэ сәри үлум
Өс әла хуилум.
Тох хуинакем халт аквматәрт
- 245 Крепким сном, что хоть шею руби,
Еще дальше сплю,
Крепким сном, что хоть спину руби,
Еще дальше сплю.
Так полёживая, в какой-то момент вижу:
- 250 Өвлың хасап өвлыкем,
Сәй нампыр сәгрыглаве,
Хис нампыр сәгрыглаве.
Намың օтыр, суиң օтыр
Хасап ёлы-палныл ворил нёңх-люлегум;
- 250 Край имеющий мой полог с краешком
На мелкие, словно песок, кусочки разрубают,
На мелкие, словно пыль, кусочки кромсают.
Я именитый богатырь, известный богатырь
Из-под полога еле-еле вверх поднимаюсь;
- 255 Сорхың-сәм хансаң тагылкем,
Хұлың-сәм хансаң лахаркем
Нёхсың вәңн нум-пәлн
Нёңх ты паттылум,
Үиң вәңн нум-пәлын
- 255 С узорами чешуи рыбы-сырка мою одежду,
С узорами рыбной чешуи мою кольчугу
Поверх одежды с соболиными плечами
Сверху набрасываю.
Поверх одежды со звериными плечами
- 260 Нёңх ты масылум.
Әвиң кол әвикем
Ат туляп туляң кәтыл
Ты пұнсылум,
Наңктәл сагиң пуңккем
- 260 Сверху надеваю.
Дверь моего дома с дверями
Пятипалой рукой с пятью пальцами
Я открываю,
С косами, как ветви лиственницы,
свою голову,

- 265 Выношу мою голову с косами, как
ветви лиственницы,
Выношу мою голову на площадь по-
сёлка, там, где есть эта площадь,
Голову на улицу выношу.
Я смотрю вверх по течению реки,
вдоль плёса вдаль я вглядываюсь,
Вниз по течению вдаль я всматриваюсь
вдоль плеса:
Да вижу – прибыл враг, неисчислимый,
как шерсть лошади,
- 270 Множество прибыло;
Враг, неисчислимый, как шерсть овцы,
В город ворвался;
Важная мгновенная дума, дорогая
мужская дума того, кто мыслит,
Как же она у меня родится мгновенно:
- 275 Вот нужно мне быстро бежать на за-
дворки дома,
На задворки дома, имеющего эти за-
дворки;
Нужно успеть схватить, мой лук с
ободком железным,
- 280 Нужно успеть схватить,
Мой ячеистый колчан с семью остры-
ми стрелами.
Я на площади стану с луком,
Со стрелами на площади стану,
И врага, неисчислимого, как шерсть
лошади,
Врага, многолюдного, как шерсть овцы,
- 285 На краю города, оберегаемого женщи-
ми духами-покровителями,
На краю города, оберегаемого мужчи-
ми духами-покровителями,
Рассею, как речной песок,
Рассею, как пыль.
- 290 И вот я натягиваю лук с ободком же-
лезным
Натягиваю тетиву этого лука,
И словно крик ястреба, имеющего
птенцов,
Такой звонкий звук от натянутой тети-
вы лука доносится;
- 265 Teres falucskám terére
Ím kiviszem.
A felső folyóforduló vége felé a mint
nézdegélek,
Az alsó folyóforduló vége felé a mint
nézdegélek,
Ím mint ló szőre, [oly számú] jóra való
ellenfél
- 270 Sokasága érkezett.
*
Elmés férfi elmécském
Most ím miképpen elmélkedik:
- 275 Mőgös házam mögé
Hadd megyek csak;
Vasközepű közepes ijjacskám
Hadd veszem csak kézbe,
Hét nyíllal fölszerelt karikás (szemes)
tegezcském
- 280 hadd veszem csak kézbe! –
Nyílas terecskét állok,
Íjjas terecskét állok értsd: (harczolgatok);
Ama lószőrhöz [hasonló mennyiségű]
jóra való ellenségecskét,
- 285 Ezen istenasszonyt ímádó váracskám
végiben,
Ezen istenkét ímádó váracskám végiben
Mint homokszem, oly apróvá
(nagyságúvá)
Vágdalom íme össze,
Mint fővényszem, oly apróvá
- 290 Szabdalom (teszem) íme össze.
Vasközepű közepes ijjacskámnak,
Ideges ijjacskámnak idegecskéjét a mint
megfeszítem,
Mint fias ölyv, olyan zajjal
Zeng bele a nap (értsd: az egész tájék);

265 Қаның пāвыл канумна
 Қон ты квāлтылум.
 Алы вōль патытән хумле
 сунсыглāлэгум,
 Лұи вōль патытән хумле
 сунсыглāлэгум:
 Лұв пун ёмас ляль

270 Сāв ты ёхтыглāлум,
 Ос пун ёмас ляль
 Сāв ты ёхтыглāлум.
 Номтың хум номтыкем
 Ань хумле номсыглāлы:

275 Ам сысың кол сысумн
 Ялапāлсум монт,
 Кёр ётпа ётың ёвткем
 Кāтын вос паттынўвкелўм,
 Сāt нял пиным самың тауткем

280 Кāтын вос паттынўвкелўм! -
 Нялың канкве лўлегум,
 Ёвтың канкве лўлегум;
 Ань лўв пун ёмас лялькве,
 Ос пун ёмас лялькве,

285 Ты нāиң ўс овлыкeмт
 Ты отрың ўс овлыкeмт
 Сāй-нāмпыр янытаквeг
 Ты сāгрыглькeнум,
 Хис нāмпыр янытаквeг

290 Ты вāриглькeнўм.
 Кёр ётпа ётың ёвткем
 Янтэвиң ёвт янтэвāкетэ
 хартыглькeмт,
 Пығиң хортхан щихрың сўй
 Хōтыл суммыглāлы;

265 На площадь моего посёлка с площа-
 дью,
 На улицу выношу.
 Вверх по течению вдоль плёса вдаль я
 вглядываюсь,
 Вниз по течению вдоль плёса вдаль я
 всматриваюсь:
 Врага, в таком количестве, как шерсть
 лошади,

270 Множество прибыло;
 Врага, в таком количестве, как шерсть
 овцы,
 Множество явилось;
 Думающего мужчины моя дорогая
 дума
 Как же она мыслит:

275 Вот на задворки моего дома с задвор-
 ками
 Мне нужно сбегать быстро,
 С железным ободком свой лук с ободком
 Пусть я успел бы взять в руки,
 С семью стрелами ячеистый колчан свой

280 Пусть я успел бы взять в руки!-
 С луком на площадь я встану,
 Со стрелами на площадь я встану,
 И врага в таком количестве, как шерсть
 лошади,
 И врага в таком количестве, как шерсть
 овцы,

285 На этом краю города, оберегаемого
 женскими духами-покровителями,
 На этом краю города, оберегаемого
 мужскими духами-покровителями,
 Величиной с речной песок
 Я врагов бы уничтожил,
 Величиной с пылинку

290 Я врагов бы сделал.
 С железным ободком свой лук с обод-
 ком,
 Тетиву лука с тетивой когда стал на-
 тягивать,
 От натянутой тетивы лука доноситься;

- 295 И вот я отпускаю тетиву моего богатырского лука
И словно оглушительный звук раската грома, такой громкий звук
Рождается от моей отпущенной тетивы.
Так я начинаю бой, так бой продолжаю.
Словно боги наделяют меня божественной мощью,
- 295 Idegesszám idegecskéje a mint visszapattan,
Hatalmas mennydörgés döngő hangjával
Pattan az vissza.
A mint így hadakozom,
Istenke dühmámora száll meg engem,
- 300 Словно Куль наделяет меня одержимостью.
И вот я сразил шесть моих деверей
Лонгх-авит-нёл города богатырей
Трёхгранными костяными стрелами
Их я сразил.
На мелкие кусочки, словно песок, словно пыль,
- 300 Ördögnek dühmámora száll meg engem.
Bálványfok-várbeli hős hat sógorkám
Három hegyű szarunyilacskával
Döftem ím által (tkp. támasztottam meg);
Mint homokszem, mint fővenyszem, oly apróvá
- 305 Я их разметал.
Вот что сделала быстрая мысль воина, способного думать,
Вот что надумала мысль.
Вот как разрешился гневного мужа
Неукротимый и праведный гнев.
- 305 Szabdaltam őket össze.
Elmés ember elmécském
Ím akkép nyugodott meg,
Dühös ember dühöcském
Ím akkép szállott alá.
- 310 И вот я хочу зарубить седьмого богатыря
Из Лонгх-авит-нёл города седьмого деверя моего
Хочу зарубить его саблей-посохом,
Но тут возлюбленная княгиня моя
Своей рукой в драгоценных кольцах,
Княгиня, свет мой, хозяйка моего богатырского дома,
Саблю мою ухватила,
- 310 Ama bálványfok-várbeli hős hetedik sógorkám
Kardpálczikával a mint vagdalgatom:
Gyűszűs kezű őrizett (?) fejedelemnö, az én kedveském,
Az én szobarekeszem végében [ülő] drága fényességem
Markolta meg kardocskámat,
- 315 Удержала саблю мою.
И вот мой свет, хозяйка дома, возлюбленная моя
Открывает уста, блестят ее прекрасные зубы,
И вот она говорит:
«Русынг-овлуп-лыхи-сев отыр – богатырь,
- 315 ragadta meg kardocskámat.
Ama szobarekeszem végében ülő drága fényességem
Tíz fogú fogas száját
Ím miképpen nyitja meg, ím miképpen szól:
«Bojtosvégű-soknépű-hajfür, uracskám,
- 320 Русынг-овлуп-хощи-сев отыр – богатырь,
Ты послушай, пожалуйста!
Ты своего младшего деверя не убивай,
От меня, стрелы имеющей женщины,
одну из наград
Пусть он получит,
- 320 Bojtosvégű-sokszolgájú-hajfür, uracskám,
Hallgass meg, édesem!
Azt a sógorkádat ne öld meg drágám;
Nyilas nőnek egyik menyasszonydijacskám
Hadd kapja meg ő,

- 295 Янтэвиң ёвт янтэвйкем паткет ёрт
 Няңра щахл кумрың суил
 Тав паттыгләлы.
 Тох хонтлынэм халта
 Пупыг сәңквнэ ты патвесум,
- 295 Тетиву лука с тетивой когда стал от-
 пускать,
 Словно звук мощного раската грома,
 такой громкий звук
 От отпущенной тетивы лука получается.
 Так сражаясь, среди битвы
 Словно божества наделяют меня одержимостью,
- 300 Куль сәңквнэ ты патвесум.
 Лоңх-авит-нёл үс отыр хот үпкем
 Хүрум пуңкпа аныт нялквел
 Ты тартысанум,
 Сэй нәмпыр, хис нәмпыр янытәквег
- 300 Словно Куль наделяет меня одержимостью.
 Лонгх-авит-нёл города богатырей –
 шесть моих деверей –
 Трёхгранными костяными стрелами
 Я сразил.
 На мелкие кусочки, словно песок,
 словно пыль,
- 305 Ты вәрсанум.
 Номтың хум номтыкем
 Тох та хөлгалалум,
 Какрың хум какрыкем
 Тох та патыгләлум.
- 305 Я их разметал.
 Умнога мужчины моя мысль
 Вот так вот надумала,
 Гневного мужчины мой гнев
 Вот так вот спустился.
- 310 Ань Лоңх-авит-нёл үс отыр сатыт
 үпкем
 Сырай суквел кос сәграпйлум:
 Туляң кәтуп ури най аңкемна
 Пәл овыл посыңәкемнә,
 Сырайкем тув консыгтыма,
- 310 И вот Лонгх-авит-нёл города седьмого
 богатыря, моего деверя
 Саблей-посохом только хочу зарубить,
 Как моя любимая княгиня своей рукой,
 имеющей кольца,
 Как мой свет, который восседает в
 моей части комнаты,
 Мою саблю ухватила,
- 315 Сырайкем тув пүвинтыма.
 Ань пәл овыл посыңәкем
 Лов пуңкпа пуңкың сүпе
 Хумле пүнсыгләлытә, хумле
 лавыглы:
 «Русың-овлуп-лыхи-сев отракем,
- 315 Мою саблю удерживает.
 И вот мой свет, который восседает в
 моей части комнаты,
 С десятью зубами свой зубастый рот
 Как она открывает, как она говорит:
 «Русынг-овлуп-лыхи-сев отыр – бога-
 тырь,
- 320 Русың-овлуп-хощи-сев отракем,
 Наң хүләкелн!
 Ань мәнү үпкен ул алыкелн;
 Нялың нә акв тынкем
 Тав вос пүвитә,
- 320 Русынг-овлуп-хощи-сев отыр – бога-
 тырь,
 Ты услышь!
 Ты своего младшего деверя не убивай,
 Стрелы имеющей женщины, одну из
 моих наград
 Пусть он получает,

- 325 От меня, лук имеющей женщины, одну
из наград
Пусть он возьмет!»
И вот свою золотую думу величиной с
озеро
Вдаль я направил,
И вот свою золотую думу величиной с
Обь
- 330 Нацелил я вдаль.
И Лонгх-авит-нёл города младшему из
богатырей, моему деверю,
Вот что я говорю:
«Именитый богатырь, великий воин,
мой дорогой деверь,
Ты послушай меня!
- 335 Причин для мести, завещанной мне
отцом,
Здесь не ищи,
Причин для материнской мести, иду-
щей от матери,
Не надо искать!
Послушай! Когда человеческая вечная
эра восторжествует,
- 340 Когда установится эра счастливая
человека,
Пусть также, как и сейчас, в эту минуту,
Никто не ищет мести, которую отец
завещал.
Пусть также, как и сейчас, в это мгно-
венье,
Никто не ищет мести, завещанной
матерью.
- 345 Пусть все помирятся!
В будущем, когда придёт осень, с хру-
стом земли от оленьих ног,
В будущем, когда придёт осень с хру-
стом земли от звериных ног,
Для моей любимой княгини с кольца-
ми на руках,
Для моей дорогой возлюбленной, в
руках держащей иголки,
- 350 Приготовь меха, которые добыл отец,
Матерью созданные одеяния сюда при-
неси!»
И вот мы с младшим богатырем из
Лонгх-авит-нёл города,
С младшим моим деверем
- 325 Íjjas nőnek egyik menyasszony-
díjacskám
Hadd rendezze ő!»
Most tó nagyságú aranyos kedvemet
Hagytam fölkerelkedni,
Ob nagyságú aranyos kedvemet
- 330 Helyeztem előtérbe.
Ama bálványfok-várbeli ifjú hős
sógorkámhoz
Ím miképpen szólok:
«Neves hős, híres hős sógorkám,
Hallgass meg édesem!
- 335 Atyától eredt atyai bosszúokat
[Harczra] többé ne keress,
Anyától eredt anyai bosszúokat
[Harczra] többé ne keress!
Egykor az ember korabeli világ fog
beállani,
- 340 Az ember idejebeli világ fog beállani:
Ép úgy mint jelenleg [majd akkor is],
atyától eredt atyai bosszúokat
Anyától eredt anyai bosszúokat
Ne keressen senki,
- 345 Ép úgy mint most, béküljenek ki akkor is!
Jövendőre a jávorbika lábának való
vékonyhavú ősz beálltával,
Jövendőre a rénszarvas lábának való
vékonyhavú ősz beálltával
Ennek a gyűszűskezű őrizett (?)
asszonykámnak,
- 350 Atyja szerezte gazdagságát rendezd
össze,
Anyja szerezte vagyont rendezd össze!»
Most bálványfok-várbeli ifjú hős
sógorkámmal
Öt ujjú ujjas kezeinket

- 325 Ёвтың нә акв тынкем
Тав вос щōпитытә!»
Ань тūr яныт сōрни номткем
Әла та хұлигтәслум,
Ас яныт сōрни номткем
- 330 Әла та пиныслум.
Ань Лōңх-авит-нәл үс мән̄ь о́тыр
үпкем нупыл
Хумле лāвыгләгум:
«Намың о́тыр, суиң о́тыр үпикем,
Наң хулыкелн!»
- 335 Яге минум ягиң нур
Воссыг ул кинсәкен,
Аңке минум аңкың нур
Воссыг ул кинсәкен!
Хунь әлумхōлас йисың тōрум
үнтхаты,
- 340 Әлумхōлас нотың тōрум үнтхаты:
Аквтох яге минум ягиң нур
Ул вос кинсыглаве,
Аңке минум аңкың нур
Ул вос кинсыглаве,
- 345 Аквтох вос ёмасмāхтәгйт!
Мōтыт вārнә хār лāгыл харе такве,
Мōтыт вārнә үй лāгыл харе такве
Ты туляң кātуп ури нāйкем,
Ты йонтпе пūвим ури нāйкем
- 350 Яге сәлум пунә тыг-
щōпитыкелын,
Аңке сәлум олтулә тыг-
щōпитыкелын!»
Ань Лōңх-авит-нәл үс мән̄ь о́тыр
үпкемтыл
- 325 Лук имеющей женщины, одну из моих
наград
Он пусть приобретёт!»
И вот свою золотую думу величиной с
озеро
Вдаль я направил,
И вот свою золотую думу величиной с
Обь
- 330 Вдаль я настроил.
И Лонгх-авит-нәл города младшему из
богатырей, моему деверю,
Как я говорю:
«Именитый богатырь, известный бога-
тырь, мой дорогой деверь,
Ты меня послушай!»
- 335 Отцом данной отцовской мести.
Ты больше не ищи,
Матерью данной материнской мести,
Ты больше не ищи!
Когда-то человеческая вечная эра уста-
новится,
- 340 Человеческая счастливая эра устано-
вится:
Пусть также как и сейчас, отцом дан-
ной отцовской мести.
Ты больше не ищи,
Никто не ищет,
Пусть также как и сейчас, матерью
данной материнской мести
Никто не ищет,
- 345 Вот также пусть все помирятся!
В будущем, когда придёт осень с хру-
стом от оленьих ног,
В будущем, когда придёт осень с хру-
стом от звериных ног,
Для моей, кольца на руках имеющей
любимой княгини,
Для моей, иголки держащей, дорогой
возлюбленной
- 350 Отцом добытые меха сюда подготовь,
Матерью созданные одеяния сюда при-
неси!»
И вот с Лонгх-авит-нәл города млад-
шим богатырём – с моим деверем
Пятипальными пальцы имеющими на-

- Протянули друг другу наши крепкие
руки,
Сплели наши нежные пальцы.
- 355 И вот мы возле нашего низенького
столика рядышком сели,
Как гуси рядом сидят, как уточки ря-
дом сидят.
И вот мы едим яства с медом и брагою.
И я – Хощи-хумле-нарын-г-отыр – бога-
тырь,
- 360 Лыхи-хумле-нарын-г-отыр – богатырь
Вот я говорю:
«Лонгх-авит-нёл города младший бога-
тырь и мой деверь,
Ты послушай меня!
Во все времена, во все дни нашей жизни,
- 365 Во все дни и годы, которые нас ожи-
дают,
Мы навечно друзья,
Пусть так и будет;
Поперёк идущей поперечной мысли
Ты теперь не имей,
- 370 Поперёк идущего поперечного гнева
Ты испытывай больше!»
И Лонгх-авит-нёл города младший
богатырь, мой деверь,
Говорит мне в ответ:
«Зять мой! Зятёк! Тебя охраняют жен-
ские духи, мужские духи!
- 375 Вместе с моей сестрой
Создавайте будущий дом
С дочерьми, взлелеянными на ваших
коленях,
Создавайте свой будущий дом
С сыновьями, взлелеянных на ваших
коленях,
Стройте будущий дом!»
- 380 И вот вместе с моим деверем, вместе с
младшим богатырем
Из Лонгх-авит-нёл города
Мы часто сидим за богатым столом,
Вкушаем яства и брагу,
Вкушаем яства и мед.
- Mi egybefogtuk,
355 Lúdlábnyi alacsony asztal mellé,
Réczelábnyi alacsony asztal mellé
Együtt leültünk,
S ím sörítalt, mézes ételt eszünk,
[iszunk].
Most Sokszolgájú-férfiúcska, szentséges
hős,
360 Soknépű-férfiúcska, szentséges hős,
Ím miképpen szólok:
«Bálványfok-várbeli ifjú hős sógorkám
Hallgass meg!
Ezután jövőendő (levő) korbéli napokban
365 Ezután jövőendő időbeli napokban
Világukat élő kedves barátoknak
Maradjunk meg (üljünk) továbbra is;
Neheztelő gondolatod
Többé ne legyen, kedvesem,
370 neheztelő érzelmed (kebled)
Többé ne legyen, kedvesem!»
Most bálványfok-várbeli ifjú hős
sógorkám
Ím miképpen szól:
«Istennőtől rendelt vőcske, istenkétől
rendelt vőcske!
375 Testvéremmel együtt
Leányos ház vigalmával boldog
nemzedéket
Alapítsatok édeskéim,
Fias ház vigalmával boldog nemzedéket
Alapítsatok édeskéim!»
*
380 Egy téli hónapon át, olvadó hónapon át
Bálványfok-várbeli ifjú hős sógorkámmal
Sörítallal való nagy lakomákat
Nagy számban tartottunk (ültünk),
Mézes étellel való nagy lakomákat

- Ат туляп туляң кәтанәмен
Акван ты пұхтсанәмен,
- 355 Лунт лāгыл талква пасан пōхан,
Вас лāгыл талква пасан пōхан
Акван ты ūнтсумēн,
Сурың тēп, мāгың тēп ты тēгмēн.
Ань Хощи-хумле-нарың-ōтыр,
- 360 Л̄ыхи-хумле-нарың-ōтыр
Хумле лāвыглэгум:
«Лōңх-авит-нēл ūс мāнь ōтыр ūпкем,
Наң хұлэлн!
Әлаль ōлнә йисың хōтал,
- 365 Әлаль ōлнә нотың хōтал
Тōрум ōлнә āти юртыг
Әлаль вос ūнлыгмēн;
Пōри ōлнә пōри номт
Воссыг ул ōныщикен,
- 370 Пōри ōлнә пōри какр
Воссыг ул ōныщикен!
Ань Лōңх-авит-нēл ūс мāнь ōтыр
ūпкем
Хумле лāвиглы:
«Нāй вāпсыкве, ōтыр вāпсыкве!
- 375 Ягāгим ёт
Агиң кол ūлың сāнс
Әла вос ūнттыкēлын,
Пыгиң кол ūлың сāнс
Әла вос ūнттыкēлын!»
- 380 Тāлы ēңхуп, талы ēңхуп
Лōңх-авит-нēл ūс мāнь ōтыр ūпкем ёт
Сурың тēп яныг пасан
Сав ūнлылыслумēн,
Мāгың тēп яныг пасан
- шими руками
Мы вдвоём взялись.
- 355 Словно с гусяными ножками, возле
низенького столика,
Словно с утиными ножками, возле
низенького столика,
Мы рядышком сели,
Яства с брагою, яства с мёдом мы
едим.
И я – Хощи-хумле-нарынг-отыр – бога-
тырь,
- 360 Лыхи-хумле-нарынг-отыр – богатырь
Вот как говорю:
«Лонгх-авит-нёл города младший бога-
тырь, мой деверь,
Ты послушай меня!
В будущих наших жизненных днях,
- 365 В будущем нашем жизненном времени
Навечно друзьями
Пусть мы будем;
Поперёк идущей поперечной мысли
Ты больше не имей,
- 370 Поперёк идущего поперечного гнева
Ты больше не имей!»
И Лонгх-авит-нёл города младший
богатырь, мой деверь,
Как он обратно отвечает:
«Женскими духами, мужскими духами
оберегаемый мой зятёк!
- 375 Вместе с моей сестрой
Дом с дочерьми, взлелеянными на
ваших коленах,
вдаль вы создавайте,
Дом с сыновьями, взлелеянными на
ваших коленах,
Вдаль вы стройте!»
- 380 В течение зимних месяцев, в течение
весенних месяцев
Вместе с Лонгх-авит-нёл города млад-
шим богатырём, моим деверем,
С яствами и брагой у богатого стола
Много раз мы сживали,
С яствами и мёдом у большого стола

- 385 Однажды мой дорогой деверь,
младший богатырь из Лонгх-авит-
нёл города
Разжал уста, а за ними блестят бе-
лые зубы,
Разжал уста и мне говорит:
«Мой зять, мой зятёк, оберегаемый
женскими духами и мужскими!
- 385 nagy számban tartottunk.
Ama bálványfok-várbeli ifjú hős
sógorkám
Egyszer csak tíz fogú fogas száját
Ím miképpen nyitja meg, ím miképpen
szól:
«Istennőtől rendelt vöcske, istenkétől
rendelt vöcske hallgass meg!
- 390 Я соскучился по своим водам и по
землям своим,
Я стал о них вспоминать, я стал о
них думать.
Соберите меня в мой город родной,
- 390 Magam vize tájékának vágya szállott meg,
magam földje tájékának vágya szállott meg.
Bálványfok-vár [nevű], futó felhő
magasságú váracskámba
Menő felhő magasságú váracskámba
[Hogy visszatérhessek] szerelj föl
engem!»
- 395 В Лонгх-авит-нёл мой город, высо-
кий до облаков, бегущих по небу.
Соберите меня и в путь отпустите!»
И вот моим воинам-помощникам,
моим сыновьям я говорю:
«Пригоните домой мое стадо оленей,
Стадо с семью самцами домой при-
гоните,
- 395 Most szolgálferfi sok fiacskámhoz
Ím miképpen szólok:
Hét rénbikájú rénbikás csordácskámat
Hajtsátok haza,
Hat rénbikájú rénbikás csordácskámat
- 400 Стадо с шестью самцами-оленьями
сопроводите домой!
В середине стада одной самкой
рожденные
Три моих оленёнка.
Поймайте их и впрягите в дар моему
деверю,
Младшему богатырю Лонгх-авит-
нёл города!
- 400 Hajtsátok haza!
A csorda végén egy anya ellette
Három ünöm van:
Bálványfok-várbeli ifjú hős sógorkámnak
Ezeket fogjátok meg s ezeket fogjátok be!
- 405 Впрягите их в лучшие нарты, те, на
которых я в юности ездил,
Украшенные узорами, изображения-
ми крылатой птицы хорошие нарты,
Украшенные изображениями но-
гастого зверя, ладные, красивые
нарты,
Пусть он садится и едет на них.
Пусть он берет мой хорей, тот с
которым я в юности ездил,
Тот, что сделан из березы, расколо-
той вдоль, мой светлый хорей,
Пусть он берёт его, пусть им правит.
Возьмите мои веревки, оленьи
упряжки,
Те, с которыми я в юности ездил,
- 405 Saját ifjúkoromban használt,
Szárnyas állat ékítményű szánkóm,
Lábas állat ékítményű szánkóm,
Hadd vigye azt el [útjára];
Saját ifjúkoromban használt,
410 Fél nyírfából [faragott] fehér hajtórudam,
Hadd vigye azt el [útjára];
Saját ifjúkoromban használt,
Cserzett bőrből hasított színes
kantárszijaimat
Hadd vigye el azokat [útjára]!»

- 385 Сāv ūнлыл̄б̄слум̄ен.
 Ань Лōнх-авит-н̄ёл ūс м̄ань ̄отыр
 ūпкем
 Аквмат̄эрт лов пуңкпа пуңкың с̄үпе
 Хумле п̄унсит̄э, хумле л̄авиглы:
 «Най в̄апсыкве, ̄отыр в̄апсыкве
 х̄ул̄элн!»
- 385 Много раз мы сиживали.
 И Лонгх-авит-н̄ёл города младший
 богатырь, мой дорогой деверь,
 Однажды с десятью зубами свой зуба-
 стый рот
 Как он откроет, как он молвит:
 Женскими духами, мужскими духами
 оберегаемый мой зятёк!
- 390 Āмки витум номытна ты патвесум,
 амки м̄ам номытна ты патвесум,
 Лōнх-авит-н̄ёл х̄айтнэ тул л̄юлит
 ūскемна,
 Миннэ тул л̄юлит ūскемна
 Āнум юв-щ̄опит̄ыкел̄ын!»
- 390 О своих водах мои думы стали,
 О своих землях мои думы стали,
 в Лонгх-авит-н̄ёл мой город, высотой с
 бегущие облака,
 Высотой с идущие облака, в мой горо-
 док
 Меня в путь соберите!»
- 395 Ань аяңхум сāv п̄ыгум нумпыл
 Хумле л̄авигл̄эгум:
 «Сат х̄арпа х̄арың щ̄арыкекум
 Ūй п̄осыглы̄кел̄эн.
 Х̄от х̄арпа х̄арың щ̄арык̄екум
- 395 И вот воинам-помощникам, моим сыно-
 вьям
 Как я говорю:
 «С семью оленями-самцами моё оле-
 ньё стадо
 Домой пригоните,
 С шестью оленями-самцами моё оле-
 ньё стадо
- 400 Ūй п̄осыгл̄экел̄эн!
 Щ̄арык-патыттэ акв щ̄ань ̄оньщум
 Х̄урум н̄энтсати ̄оньщегум:
 Лōнх-авит-н̄ёл ūс м̄ань ̄отыр ūпкемна
 Таянум вос п̄үвен, таянум вос к̄ер̄ен!»
- 400 Домой сопроводите!
 В середине стада одной самкой рож-
 денные
 Три моих оленёнка
 Лонгх-авит-н̄ёл города младшему бога-
 тырю, для моего деверя,
 Их поймайте, их впрягайте!»
- 405 Āмки м̄ань хум порат ̄оньщум
 Товлың ūй хансаң сункем,
 Л̄аглың ūй хансаң сункем,
 Тотым вос тотыглы̄тэ;
 Āмки м̄ань хум порат ̄оньщум
- 405 Мои, на которых я в юности ездил,
 С крылатой птицы узорами, хорошень-
 кие нарты,
 С ногастого зверя узорами, ладенькие
 нарты,
 Пусть он берёт, пусть на них едет.
 Мои, с помощью которых в юности
 ездил,
 Из вдоль расколотой берёзы сделанный
 светлый хорей
 Пусть его берёт, пусть им пользуется.
 Мои, с помощью которых в юности
 ездил,
 Из выделанной шкуры нарезанные
 олени упряжки-верёвки
 Те пусть впрягает!»
- 410 П̄ал х̄альй̄ив войкан сувкем
 Тотым вос тотыглы̄тэ,
 Āмки м̄ань хум порат ̄оньщум
 Оххың товыльныл силтылым ̄ольпың
 кв̄алыгк̄енум
 Таянум вос тотыглы̄ганэ!»

Из выделанной шкуры нарезанные
оленьи упряжки-верёвки
Впрягайте в них оленят!»

415 И вот ладные красивые нарты
С узорами, изображениями крылатой
птицы и ногастого зверя
Одинаковыми тремя оленятами за-
пряжены.
Соболиное гнездо, звериное гнездо
подготовлено.
И вот я младшего богатыря из
Лонгх-авит-нёл города,
Младшего деверя моего,

420 Я, к которому прикасаются лишь с
расстояния вытянутой руки,
На улицу вывожу,
Сажаю на нарты, запряженные
самцами-оленьями,
На соболиное ложе его усаживаю,

425 На звериное ложе его усаживаю.
С правой щеки стираю грязь поце-
луем,
С левой щеки стираю грязь поцелуем,
Оба мы так целуем друг друга.

430 Он желает нам двух дочерей и трех
сыновей,
С этими пожеланиями расступаемся
мы перед нартами.
Деверь, младший Лонгх-авит-нёл
города богатырь,
Головного самца-оленя плечевую
верёвку,
Головного зверя-оленя верёвку ведо-
мую

435 Тронул для начала пути.
Впряженные в нарты олени-самцы
рванули с места:
Окутала деверя снежная пыль,

440 И вот нарты грохочут по снегу,
словно раскаты грома, словно рас-
каты грозы.

415 Most szárnyas állat ékítményű
szánkómat
Egyforma három szarvasünővel ím
befogták.
Nyusztbőr-fészket, medvebőr-fészket
készítettek.
Ama bálványfok-várbeli ifjú hős
sógoromat

420 Kezes ember félkezemenél fogva
Ím kivezetem,
A rénbikás szán belsejébe,
A rénszarvasos szán belsejébe,
A nyusztbőr fészekbe ültetem,

425 A medvebőr fészekbe ültetem.
Jobboldali arczacskáink pizsokját
Törülgetjük le (fogyasztjuk) most
[csókjainkkal],
baloldali arczacskáink pizsokját
törülgetjük le most [csókjainkkal].

430 Két leányi üdvözlettel kétfelé megyünk,
Három fiúi üdvözlettel három felé
megyünk. –
Most Bálványfok-várbeli ifjú hős
sógorom
Rénbika-fejre való erős kantárszóját,
rénszarvas-fejre való erős kantárszóját

435 Kissé megmozgatja.
Rénbikákkal befogott szánjai útnak erednek:
Hóföregtetegbe tűnik el alakja (elegyedik);
Faros szánkójának fara
Hatalmas mennydörgés dörgő zajával
dörög,

440 Erős mennydörgés csattogó zajával
zeng.

- 415 Ань товлың уй хансаң сункем
Лаглың уй хансаң сункем
Акв хурип хӯрум нэнтсатил ты
кёрвес.
Нёхс пити, уй пити щопитāвес.
Ань Лб̄нх-авит-нёл̄ ус мāнь отыр
упкем
- 415 И вот узорами крылатой птицы, хоро-
шенькие нарты,
Узорами ногастого зверя, ладненькие
нарты
Одинаковыми тремя оленятами запря-
жены.
Соболиное гнездо, звериное гнездо
подготовлено.
И вот Лонгх-авит-нёл̄ города младшего
богатыря, моего деверя,
- 420 Кāt пāлың хум кāt палыкёмныл
Кона ты вāнттылӯм,
Харың сун кивырквён,
Уйң сун кивырквён,
Нёхс питин унттылӯм,
- 420 Я, к которому прикасаются лишь с
расстояния вытянутой руки, своей
рукой
На улицу вывожу,
На нарты, запряженные оленями-
самцами, в них,
На нарты, запряженные оленями-зверями,
в них,
На соболиное ложе его усаживаю,
- 425 Уй̄ питин унттылӯм.
Ёмаспāl пāйт пāнқанāмен
Мён та хōлтылб̄ламен,
Вортыпāl пāйт пāнқанāмен
Мён та хōлтылб̄ламен.
- 425 На звериное ложе его усаживаю.
С правых щёк грязь
Мы поцелуями стираем,
С левых щёк грязь
Мы поцелуями убираем.
- 430 Āги кит пацаквел киттыг
минб̄лыгмён,
п̄ыг хӯрум пацаквел хӯрмыг
минб̄лыгмён.
Ань Лб̄нх-авит-нёл̄ ус мāнь отыр
упкем
Хār пуңк вāнн квāлыгкētэ,
Уй̄ пуңк вāнн квāлыгкētэ
- 430 С двумя пожеланиями, как прощаются
дочери, в две стороны мы расходимся,
С тремя прощаниями, как прощаются
сыновья, в три стороны мы расходимся.
Лонгх-авит-нёл̄ города младший бога-
тырь, мой деверь
Головного самца-оленья плечевую ве-
рёвку,
Головного зверя-оленья ведомую верёвку
- 435 Элаль та нёвумтāптытэ.
Харың сун хārкенэ квāлапēгыт;
Туйт пухрам кивырна ты тēлыгтāве;
Посмың сун посмекет
Няңра щахл миргың суйквел
миргиглāлы,
- 435 Тронул для начала пути.
Впряженные в нарты олени-самцы
рванули с места:
Снежной пылью его всего окутывают;
Задняя часть нарт, имеющих заднюю
часть,
Словно в грозный раскат грома, молни-
ей сверкает,
- 440 Вāнн щахл кумрың суйквел
суммыглāлы.
- 440 Словно в сильный раскат грозы, громом
громыхает.

Часть 4

Героическая песнь богатырей
Лар-ус

Лар-ӯс ӯтырт
тәрниң әрыг.

**A larvos-i (öbölvárosi) istenek
A larvosi fejedelemhősök
hőse neke**

Литературный перевод

Текст-оригинал на венгерском языке

ЛАР-УС, ГОРОД БОГАТЫРЕЙ

A larvos-i (öbölvárosi) istenek
A larvosi fejedelemlősök hőseinek

Героическая песнь

(перевод Ирины Рябий)

Три славных мужа, три витязя жили когда-то.
Все три героя — не было равных им в мире.
Младший из них, точно озеро чаек кричащих,
Звали его Щирынг-Кентом — Чайками полная шапка.

Средний, как сабля разит, в нем и солнца ожег,
И луны переливы: Ялпынг-Сырай его имя,
То значит, Священная сабля!

Нет у них жен, ни невест, они воины только.

1 Старшего кожа бела, словно ядра орехов в кедровую пору.
Имя Пакв-Посы его. Он — Богатырь светлоликий!
Все его любят, все ищут его одобренья.
В каждом селенье встречает прием он радушный,
Каждая девушка тайно о нем воздыхает.
Только никто с Пицинг-най не сравнится — Женой своенравной,
Дочкою несметно богатого знатного князя.

Вот своенравная женщина, дочь знаменитого князя,
Подданных всех во дворец призывает явиться:

«В белую рощу с рассветом скорей отправляйтесь —

Нужно набрать бересты, сколько зверя в чащобе,

В воздухе птиц, или звезд золотых в синем небе».

Было назавтра исполнено то, что велела жена господина:

Все берестою завалены комнаты в доме.
Ночью и днем девы шьют тусски и рисуют узоры.

Лапки гусей-лебедей оплетают чудесные чаши.

Вот Пицинг-най спозаранку приносит работу:

«Все для тебя, для тебя, именитого князя —

Обскую пищу хранить приготовлены

Az Öböl-városi fejedelemlősök közül a három férfi legkisebbikének Tóba-szállott-tóbeli-hét-sirállal-teli-sapka [az ő neve]; a középsőnek: Nap-hevű-hold-hevű-szent-kard; az idősebbiknek: Czirbolya-toboz-mogyoró-beléhez-hasonló-fehér-testű-fejedelem [a neve]. A két kisebb férfinak nincs felesége, az idősb férfinak van felesége; a neve: Sok-népű-ember-sok-szolgájú-ember-[lánya]-fondorlatos-asszony.

1 Czirbolya-toboz-mogyoró-beléhez-hasonló-fehér-testű-fejedelemlős neje Teli falu, teli város sok szolgájának mondja:
«Nyári nyírhéj sok háti-batyuját hozzatok haza:
Téli nyírhéj sok háti-batyuját hozzatok haza!»

5 Teli falu, teli város sok szolgálója Falu-végi, város-végi nyírligetbe Ím mennek.
Nyári nyírhéj sok háti-batyuját Sok számmal hordanak,

10 Téli nyírhéj sok háti-batyuját Sok számmal hordanak;
Ím ő hozzá viszik. —
Lúd-láb rajzával ékített sok dobozt Sok számmal készítenek,

15 Récze-láb rajzával ékített sok kártust Sok számmal készítenek.
Férje elébe helyezi őket; mondja:
«Magad-féle neves fejedelemlősnek, Magad-féle híres fejedelemlősnek,

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Смысловой перевод

Лар-ӯс օтырт тәрнннҫ әрығ.

Богатырей героическая песня
города Лар-ус
(перевод С. Динисламовой)

Лар-ӯс օтырт хӯрум хум, мәнһ хумиянл:
Тӯрын-й̄сум-тӯр-сәт-щира-тәглың-кәнт;
котиль хумиянл: Хօтал-рәгың-әтпос-
рәгың-ялпың-сырай; яныг хумиянл: Пәкв-
пօсы-войкан-алпи-օтыр. Мәнһ хумыг нә
ат օньщег, яныг хумиянл нә օньщи; наме:
Яхың-ху-хӯщиң-ху-пищиң-нәй.

Из богатырей города Лар-ус из трёх муж-
чин младший: Турын-й̄сум-тур-сат-щира-
таглынг-кәнт*; средний мужчина: Хօтал-
регың-әтпос-рәгың-ялпың-сырай;** старший
мужчина: Пакв-посы-войкан-алпи-отыр.***
Младшие двое мужчин жён не имеют, стар-
ший мужчина жену имеет, его жена: Яхын-
гум-хушинг-гум-пишинг-най. ****

1 Пәкв-посы-войкан-алпи-օтыр нәтә
Пәвыл тәгыл, ӯс тәгыл сәв әңкаен
ләви:
«Нёлым сәс сәв хӯнт йօв-тотән,
Харың сәс сәв хӯнт йօв-тотән!»

1 У Пәкв-посы-войкан-алпи-отыр – бога-
тыря жена
Всем поселковым, всем городским
многочисленным своим служанкам
говорит:
«Обдираемую с берёз бересту много
связок домой несите,
Снятую с берёз бересту много связок
домой несите!»

5 Пәвыл тәгыл, ӯс тәгыл сәв әңканә
Пәвыл օвыл, ӯс օвыл хәль
щаклыңылна
Та минәгыт.
Нёлым сәс сәв хӯнт
Сәвыл алумтаве,

5. Все поселковые, все городские много-
численные её служанки
На край посёлка, на край города в берё-
зовую рощу идут,
Снятой с берёз бересты много связок
По многу несут,

10 Харың сәс сәв хӯнт
Сәвыл алумтаве;
Тав пәлтә та тотвәст. –
Лунт ләгыл хансаң сәв сән
Сәвыл вәри,

10 Сдёрнутой с берёз бересты много связок
По многу поднимают;
К ней принесли.
С орнаментом гусиных лапок много
туесков
Множество она делает.

15 Вәс ләгыл хансаң сәв вота
Сәвыл вәри.
Хумитә әлы-палн ӯнтыпәсанә; ләви:
«Наң хурипын намың օтырнә
Наң хурипын суиң օтырнә

15 С орнаментом утиных лапок много
коробов
Множество она делает;
Перед мужем своим поставила их, говорит:
«Я, достойная твоего имени – именная
княгиня
Достойная твоей известности – извест-
ная княгиня

* На озеро севших, семью озерными чайками наполненная шапка

** Солнечного тепла, лунного тепла священная сабля

*** Богатырь, белый телом, как кедровое ядрышко

**** Воинов имеющего мужчины, слуг имеющего мужчины своснаравная героиня

чаши!»
Но богатырь светлоликий схватился за саблю –
Стал беспощадно крушить белотелые чаши:
«Выросли кости мои на сухом чебаке на иртышском,
И не к чему богатырскому телу обильная пища.
Сытая жизнь на Оби мне вредна и опасна».

Но своенравная дочь знаменитого князя
Вновь созывает служанок, чтоб бересту собирали,
Вновь призывает их шить туеса, и сама она пишет узоры –
Лапки гусей-лебедей оплетают чудесные чаши.

Вновь Пицинг-най перед мужем работу свою выставляет:
«Все для тебя, для тебя, именитого князя –
Вот посмотри, каковы короба, и какая работа!
Обскую пищу хранить в них мы будем холодной зимою!
Все туески мы заполним серебряной рыбой,
Жир золотой потечет в белотелые формы!»

Вновь Пакв-Посы достает свою острую саблю –
Нежную кожу березы он режет жестоко:
«Иль посмеяться решила, супруга героя?
Может, ты хочешь, чтоб твой богатырь обессилел,
Кости его присмирели и тело иссохло?»
Стала рыдать Пицинг-най, заливаясь слезами.
Жемчугом крупным рассыпались слезы по дому.
Горстью сгребала жемчужины женщина, плача...
Утром огромные горы лежат туесков белотелых,
Только иные расшиты теперь жемчугами.
«Все для тебя, для тебя, именитого князя –
Обскую пищу хранить приготовлены чаши!
Скоро дни станут короче, а ночи длиннее,

20 Obi táplálékot, tavi táplálékot hogy bele helyezél,
Óh, mily szép dobozkák,
Óh, mily szép kártusok!»
Férje föl pattant,
A dobozkákat, kártusokat izzé-porrá taposta;
[szól:]

25 «Nekem ezeket a kemény szárított keszeghalakat evén
Növekedett csontom, növekedett húsom;
Obi táplálék, tavi táplálék bőségével
Nem növekedett csontom, nem növekedett húsom.»
Lúd-láb rajzával ékített sok dobozt, sok kártust,

30 Rézce-láb rajzával ékített sok dobozt, sok kártust
Neje ím másodjára készít.
Ismét férje elébe helyezi őket [s szól]:
«Magad-féle neves fejedelemhősnek,
Magad-féle híres fejedelemhősnek,

35 Obi halzsírt, tavi halzsírt hogy bele helyezél,
Óh, mily szép dobozkák, óh, mily szép kártusok!»
A férje ismét föl kelt; a dobozkákat, kártusokat ismét izzé-porrá taposta.
Neje megharagudott, énekelni kezdett; éneklése közben [hósi] nevükön nevezte őket [t.i. a fejedelemhősöket]. E közben kezei működnek, dolgoznak. Lúd-láb, rézce-láb rajzával ékített sok doboz, sok kártus a mennyi a minapában volt: most még többet ékesített, most még többet készített. Férje elébe ím harmadszorra is oda helyezte.
«Magad-féle neves fejedelemhősnek,
Magad-féle híres fejedelemhősnek,
Ősszel, a midőn rövid napokat alkot a (Felső-Ég, a) mi atyánk

- 20 ̄Ас т̄эп, т̄ур т̄эп пинӯңкве ке
 Мана ёмас с̄анквет,
 Мана ёмас вотат!»
 Хумитэ н̄о̄ңх-л̄ю̄льматс,
- 20 Для хранения обской пищи, озёрной
 пищи
 Какие хорошие короба сделала,
 Какие хорошие туески сделала!»
 Мужчина вскочил на ноги
- 25 С̄анквет, вотат пулиг-̄юныг̄л̄атвест:
 «Ам ты с̄урум касэв-ёхыл тайм
 Лувум яныгмас, н̄ёвлюм яныгмас.
 ̄Ас т̄эп, т̄ур т̄эп щунь ёт
 Лувум ат яныгмас, н̄ёвлюм ат яныг-
 мас.» –
- 25 Короба, туески на куски расколотил:
 «Я тут твёрдую сухую рыбу-чебака
 поедая,
 Свои кости взрастил, своё тело взра-
 стил;
 Сытостью обской пищи, озёрной пищи
 Мои кости не росли, моё тело не креп-
 ло». –
- 30 Лунт л̄агыл хансаң с̄ав с̄ан, с̄ав вота
 В̄ас л̄агыл хансаң с̄ав с̄ан, с̄ав вота,
 Н̄этэ китынтыг ты в̄ари.
 Хумитэ э̄лы-п̄алн̄ о̄с ӯнтыш̄йяне:
 «Наң хурипын намың о̄тырнэ,
- 30 С орнаментом гусиных лапок много
 туесков, много коробов,
 С орнаментом утиных лапок много
 коробов, много туесков
 Его жена второй раз делает.
 Снова перед мужем их выставляет:
 «Я, достойная твоего имени – именитая
 княгиня
- 35 Наң хурипын суиң о̄тырнэ
 ̄Ас в̄ой, т̄ур в̄ой пинӯңкве ке
 Мана ёмас с̄анквет, мана ёмас вотат!»
 Хумитэ о̄с кв̄алап̄ас: с̄анквет, во-
 тат о̄с пулиг-̄юныг̄л̄атвест. Н̄этэ
 хот-кантмайвес, эргун̄кве ты патыс;
 э̄ргим̄атэ намыл ты намтсанэ. Ты-
 м̄ус к̄атаге в̄арег, щ̄аквщег. Лунт
 л̄агыл, в̄ас л̄агыл хансаң с̄ав с̄ан, с̄ав
 вота м̄онт м̄аныр о̄лсыс: ущты хан-
 сыс, ущты в̄арыс. Хумитэ э̄лы-п̄алн̄
 х̄урмитыг ты ӯнтып̄асанэ.
- 35 Достойная твоей известности – извест-
 ная княгиня
 Для наливания обского жира, озёрного
 жира
 Какие хорошие короба, какие хорошие
 туески сделала!»
 Мужчина вскочил, туески, короба рас-
 колотил на кусочки.
 Жена рассердилась, петь начала и при
 пении именами и именовала.
 При этом ее руки мастера, делают.
 С орнаментом гусиных лапок, утиных
 лапок ещё больше туесков, ещё боль-
 ше коробов, какие были прежде, снова
 рисует, снова делает.
 Снова в третий раз перед мужем их вы-
 ставляет:
- «Достойную твоего имени – именитую
 княгиню
 Достойную твоей известности – извест-
 ную княгиню выслушай:
 К осени, когда будут укорачиваться дни
- «Наң хурипын намың о̄тырнэ,
 Наң хурипын суиң о̄тырнэ
 Таквсы пыл, в̄ати х̄отал в̄ари пыл

Ветер подует, и листья осыплются с веток.

А мимо нас по реке поплывут домовитые люди:

Лодки их жиром озерным полны, а не юколой-рыбой!

Так мы и будем сидеть у реки, глядя на воду долго.

Крепко задумался муж-богатырь: «Может, стоит счастье рыбацкое мне попытать на Оби многоводной?»

Вот Пакв-Посы созывает собратьев на берег:

«Лодки свои собирайте в далекие земли.

Лодки, как птицы, должны быть легки и проворны,

Птицы с железною грудью и клювом железным,

Чтобы летели они по волнам легче ветра,

Чтобы с богатым уловом домой возвратились.

Три дня сородичи глаз не смыкая, трудились:

Бились в руках их железные хищные птицы,

Три дня они покоряли их жесткое сердце. В третий день лодки к отплытию были готовы.

Все пятьдесят остроносых и юрких и быстрых,

Разом они все отчалили с северным ветром.

Только отплыли, как молвит жена господину:

«Ой, поглядите на гору: там город как будто в пожаре!

Солнце на землю упало или луна расплескалась?»

– Нет, это брат мой на гору взошел, то Священная сабля!

– Эй, Пицинг-най, – закричал богатырь, – возвращайся!

Как далеко ты увозишь любимого брата?

Если Пакв-Посы погибнет, ты будешь моею!

Рыбкой захочешь проплыть – всюду сети расставлю!

40 bárkába való sok gazdagságot
Sok számmal fognak szállítani,
Tavi halzsir, obi halzsír bőségét
Sok számmal fognak hordani:
Ezt a kemény szárított keszeghalat
harapdálva

45 Mi soká vagy rövid ideig fogunk itt
vesztegelni (ülni)?!»
Fejét leeresztvén, a férje hallgatagon ül.
Nem lehet másképp – gondolja – útra kell indulni.
Ötven apródlegény fiához szól:
«Halljátok! A vas keresztfájú keresztfás hajót,

50 A vas fenékbordájú fenékbordás hajót
Ezen naptól számítva harmadik napon a vízre toljátok!»
Csakugyan kőpartos tó-városukból
Vas keresztfájú keresztfás, vas
fenékbordájú fenékbordás
Hajójukra harmad nap ím fölszálltak.

55 Alig hogy a vizen hímبالózni kezdtek, az asszony megszólal:
«A veres sziklapart tetején város van,
Vajjon ott a nap bontakozik-e elő,
Avagy pedig a holdvilág dereng föl?»
Hát ím Nap-hevű-holdvilág-hevű-szentkard, az ő kisebbik ura,

60 Ama veres sziklapart tetején [az ő alakja] mutatkozik a víz felé.
«Ángyika!» – szól – «a kiket itten elviszel, elviheted bárhova:
Én tőlem meg nem szabadulsz;
Ha alá mégy [t.i. a földbe]: ott alatt keresztül nem bújsz (hatolsz);
Ha fölfelé mégy, ha az égbe hágsz:

65 Vas horoggal foglak leránczigálni!»
Ángya ím fölpattant,
Egyik fél lábával föl a partra lépett.
«Élég!» – szól – «hát forduljunk vissza!»
De egy neves fejedelemlhős, híres fejedelemlhős, ha egyszer vízre szállt,

- 40 Курка-нёл сāv мōл
Сāvыл талттуңкве патаве,
Тӯр вōй, Ас вōй сāv щунь
Сāvыл тотуңкве патаве;
Ты сӯрум кāsев ёхыл пурим,
- 45 Мāнки хоса ман вāти ўнлэгув?!»
Пуңк таратīm хумитэ нас ўнлы.
Ати ке – номсы – ялуңкве эри.
Атпан аяңхум пйганэ нӯпыл лāви:
«Ята! Кёр тохтуп тохтың хāп,
- 50 Кёр магрип магрың хāп
Тыхотал хӯрмит хотал нāлув
наритэлэн!» –
Солях āхвтас вāтаң тӯр ўсынāлныл
Кёр тохтып тохтың, кёр магрип
магрың
Хāпанэлн хӯрмит хотал ты тāлсыт.
- 55 Нāлув тӯп ты хулитāхтаст, э́кватэ
лāви:
«Нильтаң пуңкыт ўс олы,
Тав ман хотал покапс,
Тав ман этпос хулилас?»
Ань маниң Хотал-рэгың-этпос-рэгың-
ялпың-сырай пāнтэ
- 60 Та Нильтаң пуңкыт нāлув ты нэглыс.
«Оняриц!» – лāви – «Ты тотнэ утын
хоталь ке тотэгын:
Анумныл ат оигпегын;
Ёлыл ке минэгын; ёл ат пасапегын;
Нумыл ке минэгын, тōрумн ке
хāңхегын:
- 65 Кёр нясыл ёл-вāңкыртīлум!»
Онйге нōңх ты люльматс,
Акв лāгыл-пāл пāг ты емасас.
«Товлы!» – лāви. – «Ати ке юв-ёңхев!»
Намың отыр, суиң отыр акв нāлув
тāлыс пыл,
- 40 Остроносых множество лодок
Помногу будут все нагружать,
Озёрного жира, обского жира в изоби-
лии
Помногу будут все везти.
А эту сухую рыбу-чебака поедая,
- 45 Долго ли коротко мы высидим?!»
Голову опустив мужчина сидит.
Может быть, – думает, – съездить нужно.
Пятидесяти своим воинственным
мужчинам-сыновьям говорит:
«Так! С железными перекладами
лодки с перекладами,
- 50 С железными каркасами лодки с карка-
сами
С сегодняшнего дня на третий день на
воду спустите!» –
Из города, стоящего на отвесном скали-
стом берегу озера
С железными перекладами, с железн-
ными каркасами
В лодки на третий день люди садились.
- 55 И лишь от берега отъехали, жена говорит:
«На вершине высокого берега город есть,
Там то ли солнце взошло,
то ли луна показалась?»
Это оказывается Хотал-рэгынг-этпос-
рэгың-ялпынг-сырай – младший брат ее
мужа
- 60 На той вершине высокого берега поя-
вился.
«Сноха!» – говорит, – «Этого, кого повез-
ла с собой, если куда-нибудь утеряешь:
От меня тогда не избавишься;
Снизу ли проедешь, внизу не пробе-
решься;
Сверху ли проедешь, на небо ли подни-
мешься:
- 65 Железным крюком вниз тебя выцеплю!»
Сноха на ноги вскочила,
Одной ногой на берег ступила.
«Хватит!» – говорит – «А то обратно
мы вернёмся!»
Но именитый богатырь, знатный бога-
тырь единожды сев в лодку,

Птичкой на небо взлетишь – я достану
стрелю!

*

Долго ли коротко ль плыл Пакв-Посы с
земляками,
Чтобы найти на Оби берега золотые...
Остров большой на пути его стал каме-
нистый.
К этому острову вместе с дружиной
причалил.
Лагерь разбили, – им рыбу ловить не
терпелось.
Только отплыли и тут же вернулись с
уловом.

Не поспевают супруга улов принимать их.
Ловят три дня и три ночи, а рыбы все
больше и больше.
И говорит Пицинг-най тут заветное
слово,
Просит, чтоб завтра подальше ушли
рыболовы:
Выловят рыбу всю – острова жизнь
опустеет.
– Что ты, жена?! Сам хозяин ворота от-
крыл ледяные.
К нам из страны океана снегов и морозов
В теплые обские воды торопится рыба.
Много сегодня ее, а на завтра поболее
будет».
Спорили муж и жена, наконец, бога-
тырь согласился.
Все пятьдесят быстрых лодок отправил
за плесы.
Вниз далеко по течению Оби рыболовы
уплыли.

*

Вот и остался Пакв-Посы с женой и
младенцем.
В полночь проснулась жена, посмотре-
ла на мужа
И положила сыночка на колкую хвою...
Сном богатырским спит муж и не веда-
ет даже,
Как Пицинг-най его стрелы щепит и
ломает,

70 Hogyan fordulhat többé vissza?!
Ötven apród legényével
Ím a távolba indult.

*

Az Ob felé mennek, az Ob közepén levő
nagy szigethez értek,
Ím ott megháltak.

75 Most az ötven aprólegény ötven vidékre
megy szét,
Ötven hajóval teli hoznak halat.
A keze ügyes nő, a lába ügyes nő
Ezen ötven teli hajó halat
Egyremásra földolgozza.

80 Férfjéhez szól:
«Ötven aprólegényed
Halászó vidékre messze hadd menjenek:
E közel fekvő vidékek kifogyta [a hal
bőségéből].»
Férje a feleségéhez szól:

85 «Ugyan, hát erdő volt az, hogyan fogyhat ki?!
A jeges tenger kapuja felől,
A havas tenger kapuja felől
Kis hátszárnyú hátszárnyas hal,
Kis orrú orros hal

90 éjjel vonúl, nappal vonúl,
Ezen a napon ím a mennyi volt,
Holnap ismét annyi lesz.»
Hanem a férjnek pörügye mikor kerekedik
fölül?! A nő pörügye kerekedett fölül.
Most a népet messze vidékekre küldötték
el halászatra. Férje pedig lefeküdt.

*

Puha fejű, zsenge fejű
Kis fiacskájuk van.

95 Egy napos éjjeles volt még s az anyja
Tüvel kirakott deszka fölé fektette.
Férfjének ijját aztán kettémetszette,
Nyilának villás végeit fölhasította,
Kardjának csavarszegeit kiforgatta,

70 Хоталь вāссыг пāг-ēңхи?!
Атпан аяңхум п̄ыганэ ёт
Элаль та минмытс.

*

Асын нāлув минас, Ас котиль яныг
тумпын ёхтыст,
Ты х̄лмытāст.

75 Ань атпан аяңхум п̄ыг атпан мāн
ялэгыт,
Атпан хāп тāгыл х̄лыл тотаве.
Катэ āпрың нэ, лāглэ āпрың нэ
Ты атпан хāп тāгыл х̄л
Аквты сёс нōңх-вāриянэ.

80 Хумитэ нупыл лāви:
«Атпан аяңхум п̄ыгын
Х̄л алыщлāнэ мāн хосан вос ялэгыт;
Ляпа олнэ мāt щāратаст».
Хумитэ экватэ н̄пыл лāви:

85 «Та мāt вōр олс, хот-щāратыс?!»
Яңкың щāрыщ āвинэл,
Туйтың щāрыщ āвинэл
Мань тāңхпа тāңхың х̄л,
Мань нёлпа нёлың х̄л

90 Этэ хартхаты, хōтал хартхаты,
Тыхōтыл ты сāвит олс,
Холыт ос сāвыг ёмты».
Хум воритэ нōңх хунь паты?! Нэ во-
ритэ нōңх-патс. Ань мир хоса мāн х̄л
алыщлаңкве эла та кётвэсыт. Хумитэ
ёл хуяс.

*

Л̄юньщиң пуңкпа, харниң пуңкпа
П̄ыгрищякве оныщег.

95 Акв эт ёмтыс, щāне
Юнтпың пāрт тармыл хуюптāстэ.
Хумитэ ёвт та супыг щуртыстэ,
Нял-пупанэ пал-хālтылāсанэ,
Сырай лēңканэ хот-пёргатāлсанэ,

70 Как обратно возвернётся?!
Со своими пятьюдесятью воинствен-
ными мужчинами-сыновьями
В путь тронулся.

*

На Обь выехал, посреди Оби на
большой остров пристали,
Здесь заночевали.

75 И вот пятьдесят воинов-помощников
в пятьдесят мест ездят,
Пятьдесят лодок наполненных ры-
бой привозят.
С проворными руками женщина, с
проворными ногами женщина
Эти пятьдесят лодок, наполненных
рыбою в одночасье разделявает.

80 Мужу своему говорит:
«Твои пятьдесят воинов-помощников
Рыбу добывать пусть в дальние ме-
ста едут;
Близкие места уже опустошились».
Мужчина жене своей отвечает:

85 «Это же не лес, как она может исчер-
паться?!
С устья-ворот ледяных морей
С устья-ворот заснеженных морей,
С маленькими плавниками плавни-
ковая рыба,
С маленькими носами носатая рыба

90 Ночами поднимается, днями подни-
мается.
Сегодня её столько было,
Назавтра ещё больше будет».
Мужской нрав разве вверх возьмёт?!
Нрав женщины взял вверх. И вот лю-
дей в дальние места рыбу добывать
вдаль отправили. Мужчина лёг спать.

*

С мягкой головой, с нежной головой
сыночка имеют они.

95 В одну из ночей мать
Его на игольчатую доску спать уложила.
У мужа тетиву лука пополам разрешила,
Наконечники его стрел вдоль рас-
колола,
На рукоятке сабли болты открутила,

Как рукоятку ломает у сабли разящей ...
Как тетиву она режет, как топчет его снаряжение!
И он не видит, как рвет она нити в кольчуге!
Криком зашелся ребенок, но спит богатырь и не слышит,
Нет, он не слышит, как шепчет трава у порога.

Вышла к реке Пицинг-най, видит: парусник к берегу мчится.
Сходит на берег один чужестранец прекрасный
Тот, кому отдано сердце на веки.
«Ах, Пицинг-най, без тебя нет мне жизни на свете!
Ты же зачем променяла меня на другого?
Если со мной остаешься, скажи поскорее,
Крепко ли спит Пакв-Посы – твой богатырь именитый?»
Молвила женщина: «Спит поперек он полога».

Сон Пакв-Посы видит странный, как будто врагами
Он окружен, но невидимы вражие силы.
Ищет он саблю свою, но находит одну рукоятку,
Вот он хватает свой лук несгибаемый – что же? –
Сломан тот лук вероломством любимой супруги,
Хочет кольчугой укрыться от метких ударов,
Только расшита кольчуга – рассыпаны кольца.
Долго ли мало боролся Пакв-Посы с врагом неизвестным:
Третий рассвет наступил, и оставили силы.
Руку поднимет, как мокрую ветку осины,
Ногу поднимет как мокрую ветку березы,
Стали трухою они – силы ушли у героя.
Всех пятьдесят своих лучших братьев отважных
Хочет позвать богатырь, но лишь стон раздастся.
Ох, далеко забрались его братья – не слышат:

100 Pánzcélruhája alját hétszeres selyemideggel egybe varrta. Alig volt kész a munkájával, ím a gyermek fölsikolt.
Most a folyó felső iránya felé hallgatózik: Vesszőágak zörgésének zaja hallatszik,

105 Fűszálak zörgésének zaja hallatszik, Mialatt a fiú sikoltoz, ő oda fut. Ajzó-görcsös-erős-íjú orosz fejedelemhős, Az ő régi ura jött oda egyes-egyedül. Hét vasmacskás nagy hajóval, vitorlával érkezett;

110 Ím az ő partra szállásának zaja hallatszott,

A fiúcska sikoltoz, azért nem hallja a férje [az ellenség érkezését]. A neves fejedelemasszony, a híres fejedelemasszony az orosz fejedelemhőshöz oda érkezett. Az orosz fejedelemhős szól: «Ott ím egy nyírtuskó fekszik, te csak ülj oda!» O [t.i. az asszony] ím odaült. Az orosz fejedelemhős kérdezi: «Férjed miképpen fekszik?» «Ő» – szól – «a hálószoba alatt keresztben fekszik.» Most az orosz fejedelemhős oda ment. A neves fejedelemhőst, a híres fejedelemhőst amúgy fektében ím karddal vagdosták. Alig kerekedhetett a meztelen férfi a kard fölé. Egyfolytában (egyforma vastagsággal) csapdossák ím fölülről. Egy kezével fölfelé irányzott kardvédelmi, szablyavédelmi ügyességet fejt ki furfangosan, másik kezével ím iját ragadja meg. A mint [idegét] húzza: a feszítő nyélnek alig ért a feléig, s ím az ij kettétört. Azután kardját ragadta elő; a mint maga elé csap vele, csak kőhöz való ütődésének zengése hallatszott, pusztán a kard markolata maradt kezében. Népét a felesége minap három napi járásra elküldte. A mint pánczéluháját fölvette (magára öntötte): fönnakadt. Pánczéluhájának alja fölött taposva a mint szakította: neves fejedelemasszonynak, híres

100 Ёнтуп ёлытэ сāt-пис япак тāныл
 Акван ёнтыстэ.
 Таитэ туп āстыс, ань н̄яврам та щисги.
 Алгаль та х̄унтамлы:
 Нир калиң суй суйты,

105 Пум калиң суй суйты.
 Пыгрищ щисгенэ халт т̄ув та х̄айты.
 Уйтаң-мохлыл-нянра-ёвт руц̄ о̄тыр,
 Пёс хумитэ ёхтум щар таккетэ.
 Сāt якырпа яныг х̄апыл, п̄арсыл йим;

110 Тав п̄аг-квалум суге та х̄унтэмл̄авес.

Пыгрищ щисги, т̄онт хумитэн ат х̄улаве. Намың н̄ай, суиң н̄ай руц̄ о̄тыр п̄алт тув ёхтыс. Руц̄ о̄тыр л̄ави: «Тот х̄аль л̄үпи та хуи, наң татылын тув ӯнтэн!» Тав тув та ӯнтыс. Руц̄ о̄тыр китыгл̄ахты: «Хум хумус хуи?» Тав л̄ави: «Хасап пори хуи». Ань руц̄ о̄тыр т̄ув та м̄инас. Намың о̄тыр, суиң о̄тыр ань хуимат сыраил та с̄аграп̄авес. Сырай сыс нум-п̄алын н̄яр л̄омтың хум т̄үп нумитэ патс. Акв оситэл та с̄аграве. Нуми-п̄ал акв к̄атэтыл нумыл тотнэ сырай āпыр, н̄ари āпыр та оцмарлы, акв к̄атэтыл ёвтэ ты ниртматс. Кос хасумт̄ытэ: ёилнэ ёнтуп с̄үпын т̄үп ёхтыс, ань ёвт та т̄олмат̄ыс. Т̄үл сырае ниртматс; кос с̄аграп̄итэ элын: т̄үп āхвтас с̄үлиң суге суммылас, т̄атыл сырай налэ хультыс к̄атэт. Мире н̄этэн аньм̄унт х̄үрум х̄отал ялуңкве к̄етвест. Ёнтпе кос масап̄астэ: тармыл м̄инас. Ёнтуп ёлытэ тарм ёмаситэ кос манумт̄алыстэ: намың н̄ай, суиң н̄ай ёнтум ёнтмил хотыл мори т̄олматы?!

100 Низ кольчуги в семь раз сложенной нитью из шёлка
 Вместе пришила.
 Только это закончила, ребёнок расплакался.
 В сторону верхнего течения реки она прислушивается:
 В зарослях кустарника звук слышится,

105 В зарослях травы звук слышится.
 Пока ребёнок плачет, она туда бежит.
 Уйтанг-мохлыл-нянгра-ёвт* – русский богатырь,
 Бывший её муж приехал совсем один.
 В большой лодке, имеющей семь якорей, на парусах прибыл;

110 Он на берег ступил, этот звук был услышан.

Сын плачет, поэтому мужчина и не слышит приближение врага. А именитая княгиня, знатная княгиня к русскому богатырю подошла. Русский богатырь говорит: «Там берёзовое бревно лежит, ты присядь туда!». Она туда села. Русский богатырь спрашивает: «Муж в каком положении спит?!» Она отвечает: «Он поперёк полога лежит». И вот русский богатырь туда направился. Именитого богатыря, известного богатыря спящего саблею ударили. От сабли раздетый мужчина не может встать, сверху постоянно продолжают махать саблями. Он одной рукой пытается схватить вверх занесенную саблю, увертываясь, другой рукой лук свой схватил. Только хотел натянуть лук, только тетива достигла середины, как лук лопнул. Только свою саблю он схватил, только ею замахнулся, но послышался звук, как сабля ударилась о камни на земле, в руках осталась только рукоять сабли. Людей-то всех жена недавно на три дня отправила. Кольчугу хотел на себя накинуть, но она не накинулась. И хоть ступил он на низ кольчуги, чтобы разорвать швы: но именитой княгини, знатной княгини сделанные швы, разве так просто разорвутся?!

* Узлом из звериного сухожилия связанный мощный лук

Жизнь вместе кровью уходит в песок у героя...

Цвета ореха кедрового белое тело
Стало кровавым: «Прощай, Пицинг-най, дорогая!».

Жалко смотреть на него Пицинг-най несравненной,
Как второй муж погибнет от первого мужа.

– Если убил Пакв-Посы, убей его сына.
– Сын будет нашим, его воспитаем героем!

Парус поставили – северный ветер крылатый
Быстро понес их на юг, где богатые земли.

Долго ли коротко едут – вот город пред ними высокий.

– Знаешь ли ты, Пицинг-най что за город пред нами?

– Знать мне откуда, я здесь никогда не бывала.

– Городом правят друзья мои – семь великанов
Если войдем в него – будем у них под защитой.

С мужем живет Пицинг-най без забот и печали.

Дни ручейком их текут незаметно-приветным.

Только ночами шумят им о чем-то деревья...

Ночью вдруг дверь закричала от боли внезапной.

Петли завьили, что зверь, засвистали испуганной птицей.

Торума семь сыновей перед ними предстали:

«Что сотворили с землей, на которой стоите?

Что сотворили с водой вы, которую пьете?

Что сотворили с дыханием Торума, дети?

Видите, будто пожар вдалеке – загорается небо,

Солнце на землю упало или луна расплескалась?

fejedelemasszonynak varrott varrása
ugyan hogyan szakadhatna föl oly könnyen?!

Hosszú ideig ügyeskedett, vagy rövid ideig ügyeskedett,

Harmad napra napkelte idején

Kezét a mint mozgatja (viszi): olyan, mint a víztől ázott korhadt fa, lassan mozgatja,

115 Akkor ím ránéz a neje:

Czirbolyatoboz-mogyoróbeléhez hasonló fehérségű teste

Ím, csupa vér lett.

Nejének szíve akkor kezdett csak fájni.

A mint így elesett, [ellensége] vállainál fogva megfogta, földhöz csapta, s akkor apróra vagdalta; így ölte meg az orosz fejedelehmős. A felesége szól: «Öljük meg gyermekünket is!» – Az orosz fejedelehmős felel: «Ne öljük meg őt, ő később fölnevekedik és engem atyjának fog nevezni.»

*

A hét vasmacskás nagy hajóhoz ím a vízre futnak. Fölvonják a vitorlákat; az orosz fejedelehmősnek a fortélyá az.

Alvidéki szél érte:

120 A mint fehér szárnyú szárnyas állat

A táplálékos Obon fölfelé, a halas Obon fölfelé

Röpíti őket.

Soká mentek, vagy rövid ideig mentek:

Egy helyt a távolba néznek:

125 Vas-vár, kő-vár látszik.

«Asszony! nézz csak oda,
Az micsoda város, tudod-e?»

«Nem én, ugyan hogyan tudjam?!»

«Ha még nem tudad, a vas testű hét mēnkw (ördög) barátom

130 Lakta város az; – ha mi oda érkezünk,

Micsoda isten-nyila érhetne bennünket?!»

Oda érkeztek, vasmacskát bocsátottak le, Vitorláikat leeresztették, s azzal fölmentek a partra,

Ama vas testű hét mēnkw barátjukhoz.

Хоса āпырлас, ман вāти āпырлас,
Хўрмит хōтал нāй нāглум порат
Кātэ тоты: вит посум сāпың ййв
лāщал тотытэ,
Лāглэ тоты: вит посум сāпың ййв
лāщал тотытэ.

115 Та порат нētэн та сунсаве:
Пāкв пōсыг войкан алпитэ
Кēлпыг акваг та ēмтыс.
Нētэ сыме уц та щāргуңкве патыс.

Тох патыс пыл вāгынагеныл
пўвумтāвес, ēл-воцкасāвес, равыг
акваг та сāгрувес, руцōтырн та
алвес. ēкватэ лāви: «Няврамāменōс
алылбимен!» – Руцōтыр лāви: «Ат
алылымēн, тав тах яныгми, āнум
ягиг лāвитэ».

*

Сāt якырпа яныг хāпен нāлув та
хāйтсыг. Пāрыс хартсыг; руцōтыр
мутратэ та.
Лўи вōт хōяс:

120 Войкан товлуп товлың уй
Тēпың Ас алгалын, хўлың Ас алгалын
Та тбламтāвесыг.
Хоса ми́насыг, вāти ми́насыг,
Акв мāt ēлаль-сунсēг

125 Кēр ўс, āхвтас ўс нāглыс.
«ēква! Тув сунсēн,
Тав мāныр ўс, вāглын?»
«Āти, амōс хотыл вāглум?!»
«Ат ке вāслын, кēр алпип сāt мēңкв
руманум

130 Унлэнэ ўс та; – тув ке ēхтымēн
Мāн тōрум сēңкын патавēмен?!»
Тув ēхтысыг, якарт пāхвтлатсыг,
Пāрсан ēл-тāратāсыг, паг та
ēмантāсыг,
Ань кēр алпип сāt мēңкв руманэн
палт

Долго оборонялся, или коротко оборо-
нялся,
На третий день, как только стало све-
тать
Руку поднимает она: словно намокшее
трухлявое дерево, медленно движется,
Ногу поднимает она: словно намокшее
трухлявое дерево, медленно движется.

115 В это время жена на него смотрит:
Его светлое тело, подобно ядру ореха,
Стало совсем окровавленным.
У жены сердце только сейчас и дрогнуло.

И когда он стал таким ослабленным,
за плечи его ударили оземь, на мелкие
куски изрубили, русский богатырь его
убил. Женщина говорит: «Ребѣнка на-
шего тоже убѣм!», – русский богатырь
отвечает: «Не будем убивать, когда он
вырастет, меня отцом называть будет».

*

На семиякорную большую лодку они
поднялись. Паруса натянули; вот и вся
мудрость русского богатыря.
Северный ветер ударил:

120 Со светлыми крыльями крылатой
птицей
По питательной Оби, по рыбной Оби
вниз по течению
Их понесло, как на крыльях.
Долго ли ехали, коротко ли ехали,
В одном месте смотря вдаль:

125 Железный город, каменный город по-
казался.
«Жена! Туда посмотри,
Что это за город, ты знаешь?!»
«Нет, откуда мне знать?!»
«Если не знаешь, это железнотелых
семи менгквов – моих друзей

130 Ими восседаемый город; – если туда
мы прибудем,
Опустится ли нан нас туман?!»
Туда прибыли, якоря сбросили,
Паруса вниз спустили, поднялись на
берег,
У железнотелых семи менгквов – своих
друзей

Сабля священная здесь, – с ним несметные двинулись силы!»

Видите, все они следом за вами идут по реке быстротечной
Жаждают возмездия братья, их месть неизбежна.

Много у Торума дней, он плетет их веревкой единой, –
Хитро вплетает в нее он цветастые ленты,

Вяжет узлы – то препятствие в жизни живущих,
Путь их где нужно сожмет, а где нужно расправит веревку.

Сколько ж мужей, они кинули в вечности реку.

Следом за вами бегут эти дни, будто тени,

Все они – самые лучшие воины мира.

Вот чужестранец с женою бежит на корабль,
Ставит он парус – и северный ветер крылатый

Быстро понес их на юг, где богатые земли.

Долго ли коротко плыли они, но однажды Между землею и небом им город открылся.

– Знаешь ли ты, Пицинг-най, что за город пред нами?

– Знать мне откуда, я здесь никогда не бывала.

Между землею и небом – город врагам недоступный!

– Городом правят друзья мои – семь великанов,

Воинов славных, суровых детей громовержца.

Если войдем в него – будем у них под защитой.

С мужем живет Пицинг-най без забот и печали.

Дни ручейком их текут незаметно-приветным.

Только ночами шумят им о чем-то деревья...

Только бушуют ночами холодные ветры.

И вот однажды минуя все двери, к ним вестник явился:

135 Ím lefeküdtek. –

Hosszú ideig feküdtek, vagy rövid ideig feküdtek,

Egyszer csak kívül egyet ütöttek karddal a kapun.

A művész-ember készítette, czedrusfából való keresztpántos kapu

Mindenfelé repülő (bármerre menő) darabja ím szárnyas állat hangjával énekel,

140 Mindenfelé repülő darabja ím lábas állat hangjával énekel;

Apró darabokra zúzódott. – Az orosz fejedelemlős fölemelkedik:

Hát a hét Tārēm-fi apród-legény,

Ím ők léptek be. Az orosz

fejedelemlőshöz szólnak:

«Az azelőtt békén állott (volt) eget, békén állott földet

145 Miért háborítod föl, miért bántod (mozgatod)?

Az alszegi Ob-forduló végire a mint nézünk:

Nap bontakozik-e elő, avagy holdvilág merül föl,

A szem sehogysem bírja el [fényét].»

Kipattannak az ucczára, a folyón lefelé tekintenek,

150 Hát ím az orosz fejedelemlős

asszonyának sógorai jönnek,

Ama bátyjuk megbosszulását keresik (űzik) ím.

A táplálékos Ob két oldala felől,

A halas Ob két oldala felől,

Apród ember, sok legény

155 Tārēm alkotta sok napon át

Mint gombolyított kötél sok tekervénye

Úgy gombolyodik,

Kworēs alkotta sok napon át

Mint gombolyított kötél sok tekervénye

160 Úgy gombolyodik.

A táplálékos Ob két felén álló

Lónak sok nyomával való sok várost,

Tehénnek sok nyomával való sok várost,

Táplálékos Ob tágas vizébe

- 135 Ёл та хуясыг.
Аман хоса хуясыг, аман в̄ати хуясыг,
Акв̄эрт коныл ави сыраил ты
п̄үвтм̄авес.
М̄ащтыр хум в̄арыгл̄үм үльпа-й̄йв
ятил ави
Хоталь минум л̄өмтэ товлың үй̄ турыл
та луйги,
- 140 Хоталь минум л̄өмтэ л̄аглың үй̄
турыл та луйги,
Пулиг та саквалас. Руц̄ о̄тыр н̄оңх-
п̄ерумт̄ахты:
Ань маниң Т̄орум с̄ат п̄ыг аяңхум п̄ыг,
Таккет ты щалтап̄асыг. Руц̄ о̄тыр
нупыл л̄авег̄ыт:
«М̄олях роттыг о̄лнэ т̄орум, роттыг
о̄лнэ м̄а
- 145 Манарыг х̄үлит̄ылын, манарыг
н̄өвит̄ылын?
Л̄үи о̄выл Ас в̄оль паттан сусскев э̄рт
Аман х̄отал покапас, аман э̄тпос
хулиг-лас,
Ёрт̄ал сам ат лапи».
Кона та лаквылт̄эг, л̄оңхаль а̄ңкват̄эг,
- 150 Ань маниң руц̄ о̄тыр э̄ква п̄антаге
ты ювыг,
Ань ягп̄ыген нур ты коймыт̄эг.
Т̄эпың Ас кит п̄алныл,
Х̄ұлың Ас кит п̄алныл,
Аяңхум с̄ав п̄ыг
- 155 Т̄орум в̄арум с̄ав х̄отал
С̄өхтум кв̄алыг с̄ав м̄ёсыг
Тох -та с̄өхтаве,
К̄ворыс в̄арум с̄ав х̄отал
С̄өхтум кв̄алыг с̄ав м̄ёсыг
- 160 Тоха та с̄өхтаве.
Т̄эпың Ас кит палт̄ үнлың
Лув с̄ав паттап с̄ав үс,
Мис с̄ав паттап с̄ав үс
Т̄эпың Ас хара вит
- 135 Они заночевали.
Может долго спали, может коротко спали
И вот их дверь саблею ударили.
Мастеровитым мужчиной сделанной
кедровой двери,
Разлетающиеся куски, словно голосами
крылатой птицы стонут
- 140 Разлетающиеся щепки, словно голоса-
ми ногостого зверя стонут.
На мелкие куски дверь сломалась. –
Русский богатырь резко вскакивает:
Оказывается Торума семь богатырей –
воинов
К ним ворвались. Русскому богатырю
говорят: «Только устоявшееся мирное
небо, устоявшуюся мирную землю
- 145 Почему вы тревожите, почему вы рас-
качиваете?
На северный конец Обского плёса, если
приглядеться,
Может это солнце взошло, может это
месяц выплыл,
Без усилий взгляд не может вытерпеть».
На улицу они вдвоем семят, вниз
реки глянули,
- 150 Оказывается у жены русского богаты-
ря бывшие девери сюда едут,
За брата своего возмездия требуют
Питательной Оби с двух сторон,
Рыбной Оби с двух сторон,
Воинов-мужчин множество,
- 155 Богом сотворенных много дней
Словно веревку, собирают множество
поворотов,
Вот так они и преодолевают,
Богом-Кворесом сотворенных много дней,
Словно веревку, собирают множество
поворотов,
- 160 Вот так они и плывут.
На питательной Оби, по обе его сторо-
ны находящиеся
С многочисленными следами лошадей
множество городов,
С многочисленными следами коров

«Торума суд тебя ждет, нарушитель закона,

Небо пылает огнем – это Сабля священная рядом!

Ты поднимись, Пицинг-най на высокую башню, –

Лодками Обь вся покрыта – то воины Ялпынг-Сырая,

Ждут они часа, устали сидеть неподвижно,

Скоро уже разомнут онемевшие члены.

Видите, солнце на землю упало, луна расплескалась!

Это Священная сабля предстал перед боем!

Слышите, воинов кличет он верных семью голосами.

К гордому городу движутся воинов волны,

Словно хотят поглотить ту высокую гору, Где этот город возрос, город семи великанов.

Лестницы взмыли наверх и застонали орудья.

Лиственниц пали тела от ударов смертельных.

Город, парящий над лесом, дрожит в лихорадке.

Раз – и десяток деревьев низвергается в пропасть.

Вот уж трещит от ударов удачливой сабли

Вросшее в тверди небесные древнее древо.

Чайками полная шапка коснулся его своей саблей –

Рухнуло древо и погребло под собою всех воинов разом.

Вражеский парусник также потоплен в Оби полноводной.

Но им ворота никто открывать не выходит.

Что за беда – есть у них топоры боевые, Рубят и режут железо – и плавится камень.

В город вошли – семь сыновей Громова-вержеца навстречу:

«Торум–отец запретил вам лить кровь

165 Mint leány[-csecsemő alól való] fatörmeléket, mint fiú[-csecsemő alól való] fatörmeléket

Ím úgy hányják bele.

Az orosz fejedelemhős az asszonyával

Ama hét vasmacskával fölszerelt hajóhoz

Ím lefutnak a vízre, fölvonják vitorláikat.

*

170 Alvidéki szél érte:

Mint fehér szárnyú szárnyas állat

A táplálékos Obon fölfelé, a halas Obon fölfelé

Röpíti őket ím ismét.

Hosszú ideig mentek, vagy rövid ideig mentek,

175 Egy helyt előre néznek:

Égből alábocsátott vas-láncz végén

Vár függ. – Asszonyához ím ismét szól:

«Ugyan te asszony, micsoda vár látszik ott?»

«Hát én hogyan tudjam?!» – felel.

180 «Ha nem tudod, hát a Vihar-isten hét fia, Barátom lakta vár az;

Ha oda érkezünk, ugyan mi baj érhet bennünket (micsodánk mivé válik tovább)?!»

A Vihar-isten hét fia lakta várba

Ím megérkeztek, hajójukat elhagyták,

A vas-láncz végén függő várba

Ím fölhágtak, ím ott vannak.

Egyszer csak egy apród-legény kívülről ím betoppan,

185 A hétszeres vas-ajtó alig hogy össze nem tört.

*

«Azt az apád, anyád! mire való volt neked őket bántanod?

Táplálékos Ob-fordulónk al-vége,

Halas Ob-fordulónk al-vége –

Nap bontakozik-e rajta elő,

190 Avagy csak Tārēm szállott le [olyan fény

165 Агит хāп, п̄йге хāп
Нāлув тох та ванттаве.
Руц̄ о̄тыр э̄кватэ̄нтэл
Ань сāt я̄кар пинум хāпен
Нāлув та хāйтэг, пāрсан хāртэг.

*

170 Л̄уи вōт хōяс:
Войкан товлуп товлың ӯй
Тэпың Ас альгальн, хулың Ас ал-
гальн
Ос та тыламтāвес̄ыг.
Хоса ми́насыг, вāти ми́насыг,

175 Акв мāt э̄лаль-сунсег:
Тōрум тāратум к̄ер квāлыг таляхт
Ӯс ханы. – Э̄кватэ̄ ну́пыл о̄с ты лāви:
«Тай э̄ква, тай мāныр ӯс нāңки?»
«Ам о̄с хотыл вāгылум?!» – лāви.

180 «Ат ке вāгылын, ань Щахл-тōрум-
сāt-п̄ыг
Руманум ӯнлэнэ̄ ӯс та:
Тув ке э̄хтымен, манарēмен вассыг
хумле ēмты?!»
Щахл-тōрум-сāt-п̄ыг ӯнлэнэ̄ ӯсын
Ты э̄хтсыг, хāпен оссувлāсыг

185 К̄ер квāлыг таляхт ханнэ̄ ӯсын
Нōңх ты хāхсыг, тот та о̄лэг.
*
Акв̄эрт аяңхум п̄ыг коныл юв ты
лāквыс,
Сāt пис к̄ер āви ала ты сакваласт.
«Ягентум, анквентум! Манарыг
карсалтан-утэн?

190 Тэпың Ас воль л̄уи о̄влув,

множество городов
На питательной Оби, на её просторных
водах

165 Дочери лодку, сына лодку
По берегу так сопровождают
Русский богатырь с женой своей
К своей семь якорей имеющей лодке
К реке бегут, парус натягивают.

*

170 Северный ветер подул:
Светлыми крыльями крылатой птицей
По питательной Оби, по рыбной Оби
вниз по течению
Они словно полетели.
Долго ли ехали, коротко ли ехали,

175 В одном месте вдаль всматриваются:
На спущенном с небес конце железной
цепи
Город висит. – Жене своей вновь гово-
рит:
«Жена, что за город там виднеется?»
«Ну откуда же мне знать?» – отвечает.

180 «Коли не знаешь, значит Щахл-
Торума семи сыновей – моих друзей,
ими восседаемый город и есть;
Туда если доберёмся, что больше с
нами ещё случиться?!
Щахл-Торума семью сыновьями вос-
седаемый город
Они добрались, лодку оставили;

185 На конце железной цепи, к городу
висящему
Вверх они взобрались, там и живут.
*

Но вдруг воин с улицы в дом пробрался
Семислойную железную дверь чуть не
разломав.
«Ах ты отца своего и мать обидевший!
Зачем растревожил их?

190 Питательную Обь, ее северную часть

человечью!

Город не жгите, не множьте вины перед богом». –

Только сказали и скрылись, как не были, в дыме.

В это мгновение Чайками полная шапка
Путь преградил тем, кто шел во дворец
за добычей.

В гневе к нему обернулся Священная
сабля:

Лук натянул – и земля напряглась от
усилья.

Звук раздался, словно клекот от стаи
лебяжьей,

И полетела стрела, но пробить не суме-
ла кольчуги:

Вынесла брата за город на берег приоб-
ский.

Вышел навстречу врагам чужестранец
отважный:

Воинов просит своих быть учтивыми с
гостем, –

Ведь он похитил жену, а она – достоя-
ние рода.

Воины стрелы пустили, но Сабля свя-
щенная тут же

Стрелы поймал и свою натянул, но по-
думал:

Сразу его не убью, но сначала потешусь.

Стелку пустил, и она оба глаза его по-
разила.

Враг обернулся мышонком и скрылся
мгновенно.

Сабля священная скинулся вмиг горно-
стаем.

И побежал горностаи за врагом по ле-
сам и оврагам.

Вот уж догонит, но птицей железной
гагарой

Из-под когтей улетел чужестранец ко-
варный.

Сабля священная стал тогда птицей
гагаркой,

И погнала она по небу птицу стальную.
Вот-вот настигнет гагарка железную
птицу,

árad onnan]?)»

Az orosz fejedelemlélek asszonyával a
sógorai

Ím újra úzóbe vették, ím utólérték.

Ángyuk a Vihar-isten hét fiának világnéző
hegyére

Ím fölmászott.

195 A táplálékos Obon lefelé a mint néz:
Sógorai a hajó közepén hevernek,

200 Ím fölülnek, ujjaikat (kezeiket)
húzogatóják.

Ujjaik a mint ropognak,

Mint a megfagyott vörösfenyő a midőn
reped,

Olyan zajt támaszt az.

Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard szól:

205 «Mialatt a táplálékos Ob medrét
(belsejét), a halas Ob medrét járjuk,
Kezünk, lábunkat nyújtóztatásra való
(értsd: verekedni való) vidéket
Még nem láttunk:
Kezeink meguntakoztak, lábaink
meguntakoztak,
Nyújtóztatni való vár-gömböcske csak
most jelentkezik.»

210 Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard ím
most fölállott,
Fűszár-sípöt vett elő s a hajó széle
mentiben lépdél.

*

Szárnyas állat hét hangját,

Lábas állat hét hangját

Egytül-egyig ott elfütyölte [sípján].

215 A réves vár révéhez ím oda érkeztek.
A hajóra éppen száz ember szállott;
Ím a partra keltek.
A kötél végén felülről alábocsátott
vörösfenyő-gerendákat
Ott mostan vagdalni kezdték.

220 Egy vörösfenyő-gerenda-fát érint a kard,
Azonnal ketté vágják, s [újra] más jön;
A másik fát ismét alighogy érinti a kard,

Хұлың Ӓс воль лӯи ӯвлув
Аман хõtәлән поқапәвес,
Аман нас Тõрум ёл-вӒгилыс?!»
Руц ӯтыр Ӓкватәнтәл пӒнтагән

Рыбную Обь, ее северный конец
Может солнцем осветило,
Может это Торум сошёл вниз? »
Русского богатыря с женой, ее девери
девери

195 Ӓс ты нӒвлувёсыг, йõил ты ёхтвесыг.
Ӓньген Щахл-тõрум-сӒт-пӒг мӒ суснә
урыл
Нõҗх ты хӒҗхыс.
ТӒпың Ӓс лõҗхаль кос сунсы:
ПӒнтаге хӒп котилът хуимыг,

195 Снова их догоняют, снова их настигли.
Их сноха чтобы землю оглядеть семи
сыновей Щахл-Торума на гору взобра-
лась.
Питательной Оби вверх по течению
вглядывается:
Девери оба посреди лодки улеглись,

200 Нõҗх та ӯнтсыг кӒтанән нюнситӒлэг
КӒтанән лӒтгегӒт
Пõлям нӒҗк халталӒве,
Такем суиң та.
Хõtыл-рӒгың-Ӓтпос-рӒгың-ялпың-
сырай лӒви:

200 Вот они сели, руки свои разминают,
Руки похрустывают,
Словно в морозы сосны трещат,
Так звонко похрустывают.
«Солнечным теплом, лунным теплом
освященная сабля» говорит:

205 «ТӒпың Ӓс какыр, хұлың Ӓс какыр
йимен сис
КӒтанӒмен, лӒгланӒмен нюнсӒкем мӒ
Ат вацӒнтӒсмен.
КӒтанӒмен марщумлавесыг,
лӒгланӒмен марщумлавесыг,
НӒснӒкем ӯс поталы уцта нӒглыс.»

205 «Вдоль питательной Оби, вдоль рыб-
ной Оби пока мы ехали
Чтобы руки размять, чтобы ноги раз-
мять, края ещё не видели.
Руки наши соскучились, ноги наши со-
сучились
Чтобы размять их наконец-то город
«Появился».

210 Хõtал-рӒгың-Ӓтпос-рӒгың-ялпың-
сырай ань нõҗх-лӒолис,
Порыг ты вис, хӒп хосит ёмиты.

210 «Солнечным теплом, лунным теплом
освященная сабля» встал,
Травинку для свистка взял, по лодке
вдоль прохаживается.

*

Товлың ӯй сӒт тур,
ЛӒглың ӯй сӒт тӯр
Пуссын тот та кинситӒ.

Крылатых птиц семью голосами,
Ногастных зверей семью голосами
Все голоса просвистел.

215 ТӒлтың ӯс тӒлтӒп тув ты ёхтсыг
ХӒпен товлың яныг сӒт хум тӒлум;
ПӒг ты квӒлсыт.
КвӒлыг тӒляхт нумын тӒртӒлым нӒҗк-
норт
Тот та сӒгруҗкве патвест.

215 На пристань города с пристанью они
прибыли.
Их лодка наполненна ста воинами;
На берег они сошли.
На концах верёвок сверху лиственнич-
ные бревна спущены
Их там и стали разрубать.

220 Мот нӒҗк-нор йӒв сырай тактапӒлы,
Супыг та яктаве: мõтан йӒв;
Мõтан йӒв ӯс тӯп сырай тактӒпӒлы:

220 Только в одно лиственничное бревно
саблей прикоснётся,
Бревно надвое разрезается: следующее

Только та скрылась в покоях у Торума-бога:
Торум впустил ее в Дом свой Покоя и Света.

Ismét másik jön. – Egyszer csak
Amaz égi tájon nőtt legnagyobb
vörösfenyő-gerendát,

225 Ím azt vágják le.
Ezt Tóba-szállott-tóbeli-hét-sirályal-teli-sapka
Kard hegyére tűzte (horgászta), fején
keresztül hajította.
A vízre lefelé pillant:
Ötven embert hordott el a magáéból,

230 Az orosz fejedelehmősnek hét
vasmacskával fölszerelt hajóját szintén
elhordta.
Ötven apród-legényével
A Vihar-isten hét fiának várába
Aztán ím fölhágnak.

*

Бьется Сабля священная в небесные
двери,
Просит вернуть ей врага для свершения
казни.

– Нет, – говорит ей Отец, – не отдам
тебе мужа,
Если убьешь его – ржавую станешь
железкой,
Кровью зальешь ты всю землю на веч-
ные веки!

– Выдай, Прошу, чужестранца-
преступника, Торум!

Он залетел к тебе птицей-гагарой в по-
кои!

Но возражает Сабле священной Хозяин
вселенной:

– Нет, ты не должен его убивать, не
губи свою душу!

Саблей слегка полосни его ступни, и
только:

Пусть его кровь окропит вашу землю
больную.

Выставил Торум наружу ноги того чу-
жестранца.

– Мало, еще, а то кровью забрызгаю
Дом твой!

Торум пошире открыл свою дверь:
«Осторожней!»

Небо зажглось: рубанул богатырь со
всей силы

Ím fölértettek, a vár kapuját nem nyitják ki.

235 Két férfi a fokosát (kard-fejszéküket)
elővette,
A tíz öl vastag vas-sánczot
Egymás mellett ím keresztülvágták.
Ím bementek. A Vihar-isten hét fia
Ím szembe jelentkezett. – Amazok ketten
megszólalnak;

240 «Numi-Tārēm, a ti fölséges atyátok,
Embervér ontását megtiltotta nektek!»
Ujjuk hegyét harapdálva
Erre békén félrevonulnak.
Visszafelé szólnak: «Várunkat el ne
romboljátok!»

245 Akkor ím belülről valaki kilépett
(jelentkezett):
A mint nézik: hát az ő öcsikéjük.
Ama Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard
nevű hőst
Annyira elfogta ím dühe,
Hogy naphevű, holdvilághevű szent
kardját

Ос мōтан ййив. – Аквматэрт
Ань тōрум мāн тэлум яныг нāңк-нор,

бревно.
И на другое бревно тоже только сабля прикасается: уже следующее идет. – И наконец,
На божественной земле выросшее самое большое лиственничное бревно

225 Та ты сāграпāвес.
Ань Тўрын-исум-тўр-сāt-щира-тāглың-кēнт
Сырай-тальхыл вāңкыр-тāстэ, пуңк
ўлтта хосувлāстэ.
Нāлваль-āңкваты:
Атпан хум таквитēнэл вонщалн
тотылбимет,

225 Его разрубили.
Его «На озеро севших семью озерными чайками полная шапка»,
Концом своей сабли зацепил, через голову перекинул.
На воду назад глянул:
Пятьдесят воинов оказывается не стало,

230 Руцōтыр сāt якар пиным хāпеōс
вонщалн тотыгпиме.
Атпан аяңхум пыганēн ēт
Щахл-тōрум сāt пыг ўсын
Тул нōңх та хāңхегыт.

230 У русского богатыря семь якорей имеющая лодка тоже уничтожена.
Вместе с пятьюдесятью воинами,
В город Щахл-торума
семи сыновей
Потом они вверх взбираются.

*

Нōңх ты ēхтыст, ўс āви ат пўнсаве.

Вверх прибыли, а ворота крепости не открывают.

235 Кит хум сырай сāграпāнэн висыг,
Лов тāl осыт кēr картэ
Мāгыл-турыс тāра ты сāгрыстēн.
Юв ты щāлтсыг. Щахл-тōрум-сāt-пыг
Лялът ты нēглыс. – Тēн ты лягасэг:

235 Двое мужчин сабли-топоры свои достали
Шириной в десять слоев железные ворота огороженное место
Стоя рядом, прорубили.
Внутри зашли. Щахл-торума
семь сыновей
Навстречу им вышли. – Они двое сказали:

240 «Нуми-Тōрум яныг нē
Элумхōлас кēлпыл ат лāвесын!»
Туляōвланэн пурыщлбиме
Нас та пōхан ēмантēгыт.
Ювле-лялът лāвегыт: «Ўсув ул
сакватēлын!»

240 «Нуми-Торума уважаемая женщина
Человечью кровь проливать вам не называла!»
Покусывая кончики своих пальцев
Они все просто в сторону отошли.
Назад обернувшись, говорят:
«Только город наш не разрушайте!»

245 Та ēрумт юил хōтпа кон ты нēгилыпс,
Кос хōнтытēн: тēнки āпщирйщен.
Ань Хōтал-рēгың-этпос-рēгың-ялпың-сырай
Такем ты паттавес,
Хōтал-рēгың-этпос-рēгың-ялпың-сырай

245 В этот момент из дома человек на улице появился,
Они узнают: это их младший братишка.
И вот Хотыл-регын-этпос-регын-ялпынг-сырай богатырь
До того рассердился,
Свою солнечного тепла, лунного тепла священную саблю

И разрубил он врага на две равные части.
Так, что чуть руки у Бога он не отрезал:
Пальцы разжались у Торума – выронил он чужестранца...

Сабля священная вниз полетел вновь гагаркой.
Глядь, Пицинг-най его брата голубит и нежит!
– Горе мне, горе! И нашему роду несчастье.

И силы равны, и кольчуга, и кто из нас сможет
Снять у другого кору с его тела?
Нет, виновата во всем Пицинг-най,
Своенравная женщина эта!
Дочь именитого князя, богатого князя...
Взял ее за косы, оземь ударил и сильно
Кинул, да так далеко, что пропала из вида.

А Пицинг-най пролетая по небу, молила:
«Вот бы упасть на соболью постель, не разбиться!
Если паду я на землю – сломаю все кости,
Вот бы упасть на перину, а то я погибну!»
И как просила она, то случилось с нею:
Прямо в соболью постель, меховую перину спустилась.

Да, на Оби многоводной богатства немало:
Есть там селенья, где много добыто съестного,
Есть города, где красивые вещи хранятся.
Все это людям досталось от их покровителей–духов,
Злобных ли, добрых, – то никому не известно.
Только живут там они до сих пор и не тужат.

250 Lebocsátotta s íját ajzani kezdte.
Az íjnak két vége im recsegni kezdett:
Mint tengerentúli vidékről jött hallgatag
(szájtalan-nyelvtelen) sok hattyú
Midőn sok számban kiáltoz, olyan hangot
adott íja, a midőn ajzotta.
Öcsikéjét im meglőtte.

255 Ő az atyja páncélruháját viselte;
A páncélruhát [a nyíl] nem fúrta keresztül,
Hanem őt magát elevenen a vár mögé
hordta el.
Akkor im az orosz fejedelemhős lépett elő,
Vele együtt három apród-legény.

260 Az orosz fejedelemhős az apród-legényeihez szól:
«Apród-legényeim, köszönjétek!
Én pedig, ki nőt rabló tolvaj vagyok:
Én majd utoljára fogok köszönni.»
Apród-legényei im lőttek.

265 Ama Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard nevű hős
Kinyújtózkodott, a kilőtt nyilakat im elkapdosta.
Gondolja: ha rögtön megölöm [az nem lesz jó:] – gőgös a gondolata –
Egyet a kilőtt nyilak közül visszafelé irányozva helyezett az íj idegére [gondolván],
Hadd fúródjék az orosz fejedelemhős előtt a földbe!

270 Ím lő. A kilőtt nyíl vasa az orosz fejedelemhős előtt
A földbe fúródik s a nyíl nyele fönt hímbalózik (ide-oda verődik).
Az orosz fejedelemhősnek mind a két szemét találta [a nyíl felső vége],
Vakandok képében futott im el.
Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard

275 Sovány hölgyemenyét képében vette üzöbe.
Úzte, úzte, im utólérte.
Az orosz fejedelemhős vas-búvármadár képében repül tova,
Ő pedig vöcsök képében üldözi.
Az orosz fejedelemhős im egyenesen a fényes égbe

250 Ёл-пұхтымыс, ёвтэ хартуңкве пате.
 Ёвт кит овлаге сирыхтәңкве ты пат-
 сыг:
 Мортым сәмныл йим сүпнелмтәл сәв
 хотаң
 Савыл рөңхи, такем ёвтэ хартыстә.
 Аппирище ты лыстә.

255 Такви ягәги йонтуп оныщум;
 Юнтуп тара ат пелвес,
 Нас лылың тағыл үс сыс нұмпыл та
 тотвес.
 Та әрумт руц отыр ты нәгилапс,
 Тав ётә хұрум аяңхум пыг.

260 Руц отыр аяңхум пыганә нупыл
 ләви:
 «Аяңхум пыганум, пащалахтән!
 Ам вос нә тұлмантұм ур оцсум:
 Юи-өвләт уц пащалахтәгүм.»
 Аяңхум пыганә ты лыстә.

265 Ань Хотал-регың-әтпос-регың-
 ялпың-сырай
 Нюнсыгталыс, лаим нәлыт ты
 пұвумтәсанә.
 Номсы: илттыг алылум – номтә ёрың
 –
 Акв лаим нәл ювле ты пувтыстә,
 Руц отыр әлы-пәлән мән вос пелхаты.

270 Ты йис. Лаим нәл кере руц отыр
 әлы-пәлт
 Мән ты пелхатас, нәл налә нөңхаль-
 ватылтәхты.
 Руц отыр самаге сәс пәлыг-хойвесыг,
 Матаприц хурил ты ояс.
 Хотал-регың-әтпос-регың-ялпың-сырай

275 Харни щольци хурил ты
 нәвлытәстә.
 Нәвлытәстә, нәвлытәстә, ты ёхтыстә.
 Руц отыр кәр тәхтыг әла-тыламлыс,
 Тав лұлыг хурил нәвлытә.
 Руц отыр сома посың төрумн

250 Опустил, лук стал натягивать.
 У лука два конца поскрипывать стали:
 Громче чем с юга, летящих много лебе-
 дей
 До такой степени лук натянул.
 На младшего брата запустил стрелу.

255 Младший брат кольчугу имел на себе,
 Кольчуга насквозь не пробилась,
 Просто живым за город его унесло.
 В этот момент русский богатырь поя-
 вился,
 С ним вместе три воина.

260 Русский богатырь своим воинам гово-
 рит:
 «Мои воины, поздоровайтесь!
 Вина моя в том, что я чужую жену
 украл,
 Поэтому после всех поздравляюсь».
 Воины запустили стрелы.
 Но Хотал-регынг-әтпос-регынг-
 ялпынг-сырай (богатырь)
 Быстро потянулся, выпущенные из лука
 стрелы все поймал,
 Думает: если я неожиданно его убью,
 для его мысли будет удача,
 Одну из пойманных стрел в свой лук
 вставил, подумал,
 Пусть она перед русским богатырём на
 землю воткнётся.

270 Вот запускает стрелу. Железная стрела
 перед русским богатырём
 Вот-вот на землю воткнётся, но ствол
 стрелы чуть кверху стал подниматься.
 Русскому богатырю в глаза попала,
 И он в образе мышонка убежал.
 А Хотыл-регынг-әтпос-регынг-ялпынг-
 сырай

275 В образе горностая стал его догонять.
 Гонял, гонял его, вот догнал.
 А Русский богатырь в образе железной
 птицы гагары вдаль полетел,
 А он уже в образе гагарки его догоняет.
 Русский богатырь вертикально вверх к
 светлому небу

280 Megy föl. – Nagynehezen jutott oda,
De akkor Tārēm a háza belsejébe
bocsátotta.

*

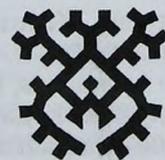
Tārēm házának kapuját kard hátával
veregeti:
«Numi-Tārēm atyám, add ide nekem,
Én bosszúm okozóját megölöm!»

285 «Óh nem!» – szól atyja – «nem adom,
Ha te őt megölöd, az [számodra] rossz
lesz, embervéressé változol.»
Atyja szól: «Hát akkor az orosz minő
hatalommal fog egykor uralkodni
(ülni)?!»
A vöcsök képében jött ember felel: «Add
ide gyorsan!»

290 Atyja szól: «Életét ne vedd!
Én lábatalpait kinyújtom;
Te kard hegyével lábatalpait meg fogod
barázdálni:
S a vére hadd csurogjon le a földre!»

295 «Ejnye te, nyújtsd csak egy kissé
kijjebb,
Házad ím bevéreződik!»
Az orosz fejedelemhóst most ím kijjebb
nyújtotta
Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard
Őt öve tájékán ketté vágta,

300 Atyja keze közelében vágta ketté.
Egyik fele lefelé gurul,
Másik felét nézi [Tārēm]: ím le van ütve.
Utóvégre azt a másik felét szintén ledobta.
Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard

305 Vöcsök képében most alárepült.
A mint leérkezik, hát ím ángya az öccse
fejében tetűt keres.
Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard
gondolkozik:
«Ugyan mikép lehetne itt cselekedni?
Mi pánczélos emberek, ha szent melleink

280 Нōҗх та мины. – Ала ты ёхтыстә
Торум кол кивырн юв та таратб̄истә.

*

Сырай сысыл Торум кол āви
ратыщл̄йтә:
«Нуми-Торум āщум, тыг-маелн āнумн,
Ам нурмалтум утум алылум!»

285 «Ати!» – лāви āще. – «Ат мыглум,
Тав алēгын пыл л̄юль, элумхōлас
келпыңыг емтэгын.»
«Ати! – лāви. – «Наҗ кон-тактэллн!»
Аще лāви: «Руц мāныр ёрыл ўнлы
хўньтә ?!»
Лўлыг хурил йим хум лāви: «Молях
маелн!»

290 Аще лāви: «Лылытә ул воелн!
Ам лāгылпаттаге кон-тактгум;
Сырай тальхыл лāгыл-паттаге
щуртгын:
Келпе мāн вос пāсги!»
Ань лāгылпаттаге кон ты нēглтысāге.

295 «Наҗ сар кональ-тактэлн,
Колын ты келпаве!»
Руц отыр ань кональ ты тактувес.
Хōтал-регың-этпос-рēгың-ялпың-сырай
Энтап-ёр пасыл супыг ты сāграпāстә.

300 Аще кātә онтсыл сāграпāстә.
Акв овлэ ёлалы та повари,
Акв овлэ сунсылб̄итә: ёлалы ты патыс.
Юи-овлэ акв супе о̄с та лыстә
Хōтал-регың-этпос-рēгың-ялпың-сырай

305 Лўлыг хурил ёла ты тыламлас.
Ёл-ёхтматә оньген касаил такманә
кинсавет.
Хōтал-регың-этпос-рēгың-ялпың-сырай
номсы:
«Тав ман ўрыл āртми!»
Юнтпың хум ялпың мāгилāнамēн

280 Вверх летит. Чуть не догнал,
Но Торум выпустил его в свой дом.

*

Спинкой сабли в дом Торума постуки-
вает:
«Нуми-Торум отец, дай его мне,
Меня обидевшего этого, я убью!»

285 «Нет!» - отвечает отец – «Не выдам,
Его убьёшь – это плохо, на тебе будет
человеческая кровь».
«Нет!», – говорит – «Ты на улицу его
покажи!»
Отец говорит: «Русский с какой вла-
стью будет потом, властвовать?!»
В образе гагарки прибывший мужчина
снова говорит: «Быстро дай его!»

290 Отец говорит: «Его жизнь не бери!
Я его ступни только покажу;
А ты острием сабли сделай только над-
резы:
Его кровь пусть на землю капкет!»
И вот его ступни он выставляет.

295 «Ты хоть ещё чуть-чуть их покажи,
А то на твой дом кровь капнет!»
Русского богатыря наружу выставляют
А Хотыл-регынг-этпос-регынг-ялпынг-
сырай богатырь
Его до самого пояса, его разрубил по-
полам,

300 До самой отцовой руки рубанул.
Одна половина туловища вниз покатится,
На эту половину смотрит: она вниз на
землю упала.
Тогда он и другую половину вниз сбросил.
Хотыл-регынг-этпос-регынг-ялпынг-
сырай богатырь

305 В образе гагарки вниз полетел.
Когда вниз добрался, его сноха ножом
вшей разыскивает в голове младшего
брата.
А Хотыл-регынг-этпос-регынг-ялпынг-
сырай богатырь думает:
«Как же здесь можно поступить?»
У нас, у мужчин имеющих кольчуги,
священные силы груди

310 [Birokra kelve] egymás mellé érnek,
Kettőnk közül melyik férfinak pikkelyes
fa-pikkelyeit értsd: bőrét
Hasítjuk le?
Egy erejük levén, csak hiába fogunk
egymással küzdeni.
Hát én csak az ángyomat egy kicsit
földhöz vagdalom.»

315 Most Sok-népű-ember-sok-szolgájú-
ember-fondorlatos-asszony nevű ángyát
Feje bőrénél megfogta,
A föld színéhez hozzávágta,
S csizmaorral fölfelé rúgta.

320 A mint nézi, hát ím eltűnt,
Oly erővel rúgta tova.
Sok-népű-ember-sok-szolgájú-ember-
fondorlatos-asszony nevű ángya
A mint a magasban repül (jár), így
gondolkozik:
«Vajha fejedelemlhős fekvő nyuszt-
fészekbe, medvebőr-fészekbe

325 Esném oda;
Mert ha közönséges földre esem:
A csontom szétszakad, a húsom
szétszakad.»
Fejedelemlhős fekvő jó földre oda is esett,
Nyuszt-fészekbe, medvebőr-fészekbe oda
is esett.

*

330 Az Obvidék sok teli városának,
Az Obvidék sok teli falujának
Bálványka szerzette sok vagyonát,
Ördög szerzette sok vagyonát
Ím haza hozták.

335 Ama bőségükben, amaz áldásukban
Mind e mai napig, most is élnek,
Most is boldogok.

310 Акван хойхатгел пыл,
Хоты хумимен самың ййв сәме
хусатанәмен?
Акв ёрытыл ўицца лоңгитәхтымән
тах
Сар ам оныгум нас ёл-воцкасәлэгүм»

315 Ань Яхең-хү-хуциң-хү-пициң-най
оңьге
Ёмлытәптыстә,
Пуңксованәл пүвумтәстә
Ма алаг воцкасәлыстә,
Сәпак-нәлыл нәңхаль-сәңхасәстә

320 Сунсымат та пәтырас,
Та ёрытыл та сәңхасәвес.
Яхең-хү-хуциң-хү-пициң-най
Нумын ялымат номсы:
«Отыр хуйнә нәхс питин, ўй питин,

325 Тув вос пәтнүвум;
Мори мән ке пәтәгум:
Лувум саквалы, нәвлюм саквалы.»
Отыр хуйнә ёмас мән тув и патс,
Нәхс питин, ўй питин тув и патс.

*

330 Ас тагыл сәв ўс.
Ас тагыл сәв пәвыл
Пупыг сәлум олтул
Куль сәлум олтул,
Юв та тотсаньл.

335 Ань та щунегыт, ань та хүлэгыт
Ань тыхотал мус, ань ты олэгыт,
Ань та щунегыт.

310 Вроде бы равны,
При этом кому из нас повезёт.
(снять кожу друг с друга, словно
с дерева с корой снять кору
С одинаковой силой будем друг с дру-
гом бороться.
А ну-ка, сноху вниз побросаю»

315 И вот он Яхенг-ху-хуцинг-ху-
пицинг-най – сноху свою
Потоптал, за волосы её ухватил,
Оземь её побросал
Концом сапога вверх её пнул.

320 На его глазах она исчезла
С такой силой её пнули.
Яхенг-ху-хуцинг-ху – вверх она лете-
ла, думает:
«На богатырскую мягкую соболиную
постель, меховую постель

325 Хоть бы я туда упала;
В незнакомое место коли я упаду:
Кости мои сломаются, мясо моё слома-
ется»
На хорошую землю
Богатыря она упала,
В соболиную постель, в меховую по-
стель она опустилась.

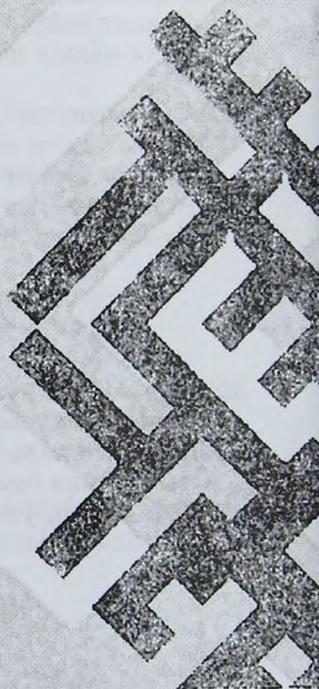
*

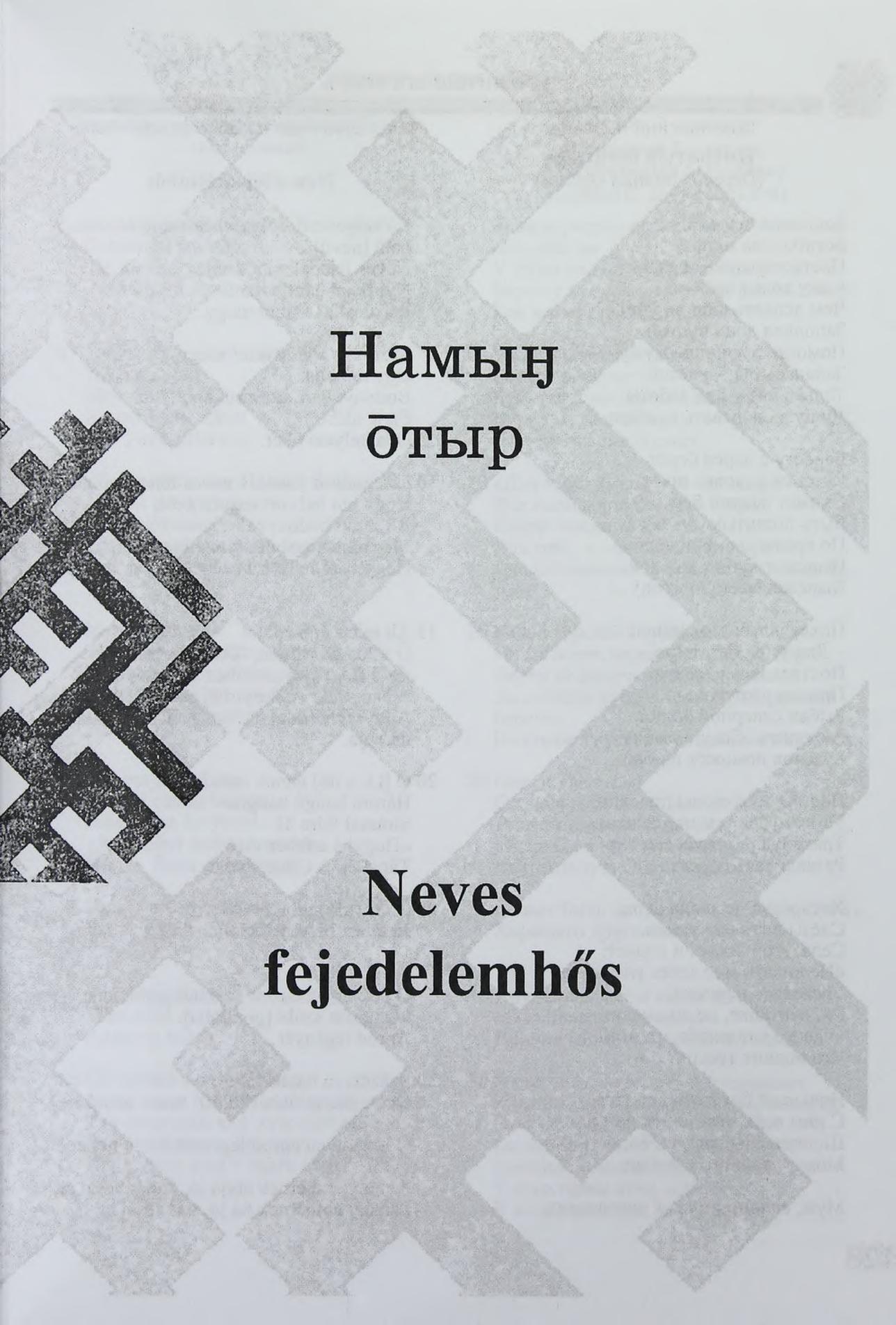
330 На Оби находящиеся много городов,
На Оби находящиеся много посёлков
Духам-покровителям привнесенные
дары,
Кулю привнесенные богатства
Они домой увезли.

335 В том изобилии до сих пор проживают,
До сегодняшнего дня так и проживают,
В счастье пребывают.

Часть 5

Именитый богатырь

**Намың
отыр**

**Neves
fejedelemhős**

Поэтический перевод

Текст-оригинал на венгерском языке

Именитый богатырь

(Перевод Вадима Орлова)

Neves fejedelemhős

Белолица неумеха –
Богатырева жена.
Цвета ядрышка ореха
Кожу холит всё она.
Чем лелеять щёчки, уши,
Заполняя день пустой,
Помогла бы лучше мужу,
Занялась бы берестой.
Только нет у ней заботы,
Душу вкладывать в работу...

Бересту с дерев берёт
Кузовки неловко шьёт,
Снимет лентой бересту –
Быть пошитым туеску.
По краям своих поделок
Вырежет куниц и белок,
Вырежет лесную птицу...

Похвалялась молодица:
– Для тебя, богатыря,
Постаралась я не зря:
Примет этот туесок
Рыбки северной жирок.
А сушить обскую рыбку
Кузовок поможет шибко...

Поднял муж жены поделки,
Усмехнулся тем подделкам,
Тряханул, и в трёх местах
Развалилась береста.

Хоть жена не знала дела,
Слёзы лить она умела.
Села, сгорбилась и плачет:
«Не видать мне здесь удачи...»
Уревелась неумеха,
Ей, лентяйке, не до смеха:
«Где же тот живёт дружок,
Что оценит туесок?...»

Ночью ей богатство снится,
С ним ведь можно век лениться.
Шепчет: «Ниже по Оби,
Может, повезёт в любви...»

Муж, склонившись к изголовью,

1 Pikkelyes-czirbolyatoboz-mogyoró-fehér-
belű [nevű]
Neves fejedelemhős neje
Nyírhéjat hánt, rajzol:
Lábas állat a mint megy,

5 Szárnyas állat a mint megy,
Úgy rajzolja.
Bodonyt varr, dobozt varr,
Férje elébe
Oda helyezi őket:

10 «Magadhoz hasonló neves fejedelemnek,
Hogy obi halzsírt tegyen belé,
Ah minő bodonyka!
Magadhoz hasonló híres fejedelemnek,
Hogy apró halzsír bőséget tegyen belé,

15 Ah minő dobozka.»
Ő fölemeli azokat, fölveszi azokat,
Az ő [t.i. neje] arczához oda csapdossa.
A hány felé csak nyírhéj szakadhat
Annyi felé (oda) szakad széllyel a doboz
darabja.

20 Ő [t.i. a nő] ennek utána
Három hangú hangos
Sírással félre ül:
«Hogyha a fehér vizű
Táplálékos Obra jövök:

25 (Élni való) világot élő
Jó társat bizonyára találnék.»

*

Ő neki megtetszett nejeének gondolata:
«Ő igazat szól» [gondolja].
Apród legényét

30 Százötven házba küldi.
Öccséhez szintén [küldi]; öccse azonban
nem jön.
Ő százötven apród legényből álló népet
gyűjt.
A mely embernek atyja jó, atyját veszi el,
A mely embernek fia jó, fiát veszi el.

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Намың օтыр

- 1 «Кёрың-паквсам-войкан-пօсых»
Намың օтыр нѐтѐ
Сас ахвты хансы:
Лаглың уй хумле мины,
- 5 Товлың уй хумле мины:
Тох хансытѐ
Вօта юнты, сѐн юнты;
Хумитѐ элы-пѐлн
Тув унттыпѝганѐ.
- 10 «Наң войпилын Намың օтырн
Ас вօй пинуңкве ке
Мана вօтакве!
Наң войпилын суиң օтырн
Хор вօй щуне пинуңкве ке
- 15 Мана сѐнкве!»
Тав нօңх-ѐлмиѝнѐ, нօңх-вѝганѐ,
Тав вѝльтѐн тув хосгиѝнѐ.
Хօт-тօлнѐтѐ сѐс лօмтѐ,
Сѐн лօмтѐ пулиг-тօллы.
- 20 Тав ты юи-пѐлтѐ
Хурум совпа савың
Люньцил ѐл-уңты.
«Ань мօнт войкан витпа
Тѐпың Асна ѐхтѐлѝгум:
- 25 օлне ке тօрум օлнѐ
ѐмыс юрт век хօнтнум.»
- *
- Тав нѐтѐ номтын патвес:
«Тав сօль лѐви.» -
Аяңхум пѝге
- 30 Сѐт-атпан колн кѐтытѐ.
Каще палт [օс кѐтытѐ]; каще ат ѝис.
Тав сѐт-атпан аяң хум-пѝг мѝхум ѐты.
Яге ѐмас хум – ѝге вѝг,
Пѝге ѐмас хум – пѝге вѝг,

Смысловой перевод

Именитый богатырь
(Светлотелый богатырь)
(Перевод С. Динисламовой)

- 1 «Как ядрышко ореха в скорлупе – светлого цвета»
У этого именитого богатыря жена Бересту (с берез) снимает, расписывает: Как ногастые звери двигаются,
- 5 Как крылатые птицы двигаются: Так расписывает. Кузовки шьет, туески шьет; Перед мужем своим Вот она их выставляет.
- 10 «Для тебя, именитого богатыря Для наливания обского жира Какой хороший туесок! Для тебя, известного богатыря Для наливания жира, вытопленного из хор
- 15 Какой хороший кузовок! Он их вверх поднимает, вверх берет, Перед ее лицом ими размахивает. На сколько кусков может разорваться береста, На столько кусков и разрывается кузовок.
- 20 Она после этого С тремя мелодичным горестным Плачем плакать садится. «Если бы я на светловодную Питательную Обь добралась:
- 25 Может быть там, чтоб свой век прожить Хорошего друга нашла бы».
- *
- Ему мысль жены впала в голову: «Она правду говорит». – Воинов своих – мужчин-юношей
- 30 В сто пятьдесят домов отправляет. К младшему брату (тоже отправляет); брат не пришел. Он сто пятьдесят воинов мужчин-юношей, столько народу набрал У кого годен отец, отца берет, У кого годен сын, сына берет.

Понял только, что в низовье
У питательной Оби
Можно век прожить в любви.

На беду те мысли мужу
Глубоко запали в душу:
«А жена-то ведь права,
Хоть без рук, но голова!...»
Только главного не понял
Богатырь в жене-засоне:
Что предаст она его,
Господина своего.

Стал он войско собирать
И собрал большую рать.
(А в низовьях реки
Поджидали рать враги...)
Сто пятьдесят бойцов собрал.
Младший брат лишь отказал...
Молвил брату: «Не пойду...», –
Словно чуял он беду...

Был вождю соструган плот,
Предварял он лодок флот.
На плоту – большое ложе,
Отдохнуть батыр там сможет
С хитро-мудрою женой,
Что была всею виной...

В путь готовились пуститься...
Тут на берег брат спустился.
Подошел к своей снохе,
Будто к рыбьей требухе.

Подстрекателя в ней видя,
Молвил он, беду предвидя:
– Если мне загубишь брата,
Будешь смертью ты взята.
Под доской зырянской лодки
Путь закончишь свой, молодка...

– Не гневьтесь, не печальтесь,
Не за смертью рать отчалит... –
И притворщица молчком
Подтолкнула плот бочком.

Сколько дней, ночей подряд
Плыл в низовья отряд...
Наконец к речному плёсу
Повернулись лодки носом.
Там раздолье для оленей,
Для охоты вдохновение.

35 Két fából összerótt tutajt készítenek.
Egy fejedelemlhős ülő helyet, fekvő helyet
készítenek.

Most a mely embernek atyja jó,
Atyját kezdték elvenni,
A mely embernek fia jó,

40 Fiát kezdték elvenni.
A hajó széléhez mindnyájan
összegyülekeznek.
Angya a nép mögé oda néz:
«Vajjon két nap támadt-e,
Avagy két hold támadt-e?!»

45 Ezután nézi: hát az ő sógora jődögél a
folyó felé.
Oda jött. «Ángyikám, férjed fölbujtani im
fölbujtottad;
De ha valamikor ezen férjednek híre vész:
Akkor a zürjén bárka bárkadeszkáinak
alatta,
Ott fogsz te majd heverdegélni.» –

50 «Én anyám, én apám,
Ne haragudjatok!» – szól ő –
«Járó-keelő ember
Vajjon csupán a halál miatt menne?»

*

Hosszú ideig vagy rövid ideig úsztatnak,

55 Ama fehér vizűnek, táplálónak nevezett
Obhoz érkeznek ők,
Rénbika-futó hosszú folyófordulóhoz
jutnak ők.
A férfi szól: «Gyermekek, szálljatok ki a
partra!
Ennivalót (üstholmit) készíttetek!»
Ennivalót készítették. Ettek-ittak.

60 Minden ember a hová hálósátort köthetett,
oda kötött hálósátort;
Minden ember a hová fekketett, oda
fekütt.
Fejedelmük a bárkában fekszik; elalutt.
Az asszony a pánczélruhájának alját
levarrta.
Egyszer csak a mint valamiképp had érkezett
rájuk,

- 35 Кит ййв олтум порэ щопитаве.
Акв отыр унлэнэ ёл, хуйнэ ёл-
щопитаве.
Ань монт яге ёмас хум
Яге тотуңкве патвес,
Пыге ёмас хум
- 40 Пыге тотуңкве патвес
Хап вāтан сōх нал-атхатэгыт.
Онъге мир юи-пāлт тув сунсы:
«Ман кит хōтал покапс,
Ман кит ёңхуп покапс?!»
- 45 Тыл хōнтытэ: ань маның нэ́кве нал-
ёманты.
Ёмыс. «Онигкем, хумын хуйтнэ ты
хуйтыслын;
Хунь ты хумын ке хилэ хōлы:
Тонт саранхап хāпыт пāрт ёлы-пāлт
Тот хуйгелāлкен.» –
- 50 «Ам āнжвум, ам āщум,
Ул о́щтэн!» – тав лāви –
«Ялнэ, миннэ э́лумхōлас
Мāt сорум мāгыс хумле мины?!»
- *
- Хоса ман вāти тāн нāтавет,
- 55 Аньмат лāвнэ войкан витпа тэпың Асн
тāн нэ́глэгыт.
Хар хайтум хоса вōльна тāн ёхтэгыт.
Хум та лāви: «Няврамыт, пāг-квāлэн,
Пūt тул вāрилэн!»
Пāг-квāлсыт. Пūt тул вāрилэгыт.Тэст,
айсыт.
- 60 Хоталь хасап нэ́гум хум, тув хасап
нэ́гыс;
Хоталь хуюм хум тув хуяс.
Отранл хāпт хуи; ёл-ойвес.
Юнтуп тāглэ ёлытэ ёл-юнтыстэ.
Аквматэрт хуньтто хōнтнэ хōнт ёхтыма,
- 35 Длинной в два дерева плот сооружают.
Для восседания одного богатыря, для
отдыха одного богатыря ложе готовят.
- И вот у кого отец годеи
Отца забирать стали,
У кого сын годеи,
- 40 Сына забирать стали
Возле бортов лодок все на берег соби-
раются.
Сноха через людей вдаль посмотрела:
«Или это два солнца взошло,
Или это две луны взошли?!»
- 45 Потом догадывается: это прекрасная
женщина на берег спускается.
Подошла. «Моя сношенька, своего
мужа ты подстреканием заманила,
Если вдруг его жизнь закончится:
Тогда ты в зырянской лодке под лодоч-
ными досками пола,
Там будешь валяться». –
- 50 «Мою матушку, моего отца,
Не тронь!» – она говорит –
В путь собравшийся человек
Разве он за смертью едет?!»
- *
- Долго или коротко они по течению спу-
скались,
- 55 И вот они на так называемую белово-
дную питательную Обь выехали.
К длинному речному плесу, для бега
олений-самцов, они причаливают.
Мужчина говорит: «Дети, на берег вы-
ходите,
Котел с едой начинайте готовить!»
На берег сошли. Котел с едой сварили.
Поели, попили.
- 60 Мужчина куда решил свой полог завя-
зать, туда и завязал полог;
Каждый куда решил лечь спать, туда и
прилег.
Их господин в лодке спит; уснул.
Его жена низ его кольчуги вместе про-
шила.
И вдруг войско их окружило.

Богатырь распорядился,
Дивный брег преобразился,
И котлы с едой, питьём
Задымилися на нём.
Приготовили, наелись –
Напились и разговелись.
А потом объял всех сон,
Вечным стал для войска он...

Богатырь улёгся в лодке...
Не до сна – одной молодке:
Низ кольчуги так зашила,
Не проскочит даже шило.
Латы не надеть на тело,
Хоть ты трижды будь умелым.
Без гвоздей на рукояти,
Тех, что вынула она,
Не достать из ножен саблю.
Всё подстроила жена!

И как смерч на светлом плёсе
Вдруг возникло вражье войско,
И давай стрелять, рубить –
Сонных-то легко губить.

Без кольчуги и без сабли
Силы у батыра слабли...
И, пронзённый там стрелой,
Путь закончил свой земной!

А жена вся недолга
Тут же замуж за врага –
Русского богатыря.

Кровью плакала заря...

Не прошел трёхдневный срок,
Родился в семье сынок.
Новый муж и говорит:
– Должен быть малец убит!

Но, обдумав, поразмыслив,
Муж с женой сошлись на мысли,
Пусть живет, ведь он, малец,
Знать не знает, кто отец.

Мальчик рос, и двух братишек,
Двух балованных мальчишек,
Родила для мужа мать...
Что на это ей сказать?

Годы чередой прошли.

65 Minden embert, ahol elalutt, ott vágnak le.
Fejedelmük a bárkában, lenn a vízen
fekütt.
A mint hallja, hát valahogyan had érkezett
rájuk.
A mint pánczélsruháját fölölte: fölötte
lecsúszott.
Akkor az ágyékát a part felől nyíl érte.

70 Kardot rántott elő, az orosz fejedelemhóst
a mint vágja,
A kardja kirepült [markolatából];
A kardnak szögeit az asszony kihúzta.
Mindnyáját megölték. Ama nő az orosz
fejedelemhóshöz megy [feleségül].

*
Minap éjjel, mielőtt hazulról útra
kerekedtek volna, harmad nappal

75 Egy kis férfi jött a világra.
Még bölcsős [csecsemő]. Az orosz
fejedelemhős szól:
«Ha nem sajnálsz, öljük meg őt;
De ha sajnálsz, ne öljük meg!»
Ő szól: «Ő most bölcsős [csecsemő];

80 Ő azt hogyan tudja [hogyan kitől való] –
valamikor fel fog nőni,
Te vagy ím az apja – ő [valódi] atyját nem
ismeri.»
Mialatt az orosz fejedelemhős élt, két fiat
szült,
Ezek a fiak felnöttek.
Az ucczára kelnek, vas abroncsot
rugdálnak.

85 Ő egymagában áll,
A két orosz fejedelemfiú kettesben
állanak.
A vas abroncsot ide-oda rúgják:
Ő még csak meg sem mozdul;
Ő oda rúgja:

90 Az orosz fejedelemfiak kezei fájnak,
Az orosz fejedelemfiak lábai fájnak.
«Hogyha neked a minap ily nagyságú
Kezed ereje volt, hová vitted azt?
Atyádnak íme az Ob szigetén – mint sirály
peyhét,

- 65 Хōт хоталь оилмāтум хум, тот
сāграпāве.
Отранл хāпт нāлумт хуяс.
Кос хўнтумл̄йтэ: хунь хōнт ёхтымыт.
Юнтпе кос масап̄йтэ: тара хāйтумлыс.
Тот эрэмт сāңкве лўв-пал н̄ялн патвес.
- 65 И кто где уснул, там его и рубят саблями.
Господин их в лодке спал.
И услышал: что войско напало.
Кольчуту только хотел одеть на себя:
она с него сверху соскальзывает.
В этот момент в его пах с берега стрела
пронзила.
- 70 Сырае нирмате, руц ōтыр кос
сāграпитэ,
Сырае кон – ликтыс;
Сырай лēнке нэтэн кон-лэватавес.
Сōх алвест. Руц ōтырна ань нэ мины.
- 70 Саблю свою выхватил, только хотел
русского богатыря зарубить,
Сабля выскользнула;
Его жена клинья сабли вытащила.
Всех и убили. И жена его за русского
богатыря выходит замуж.
- *
- Мōлых эт, юил тāлнэнл элы-пāлт
хўрмит хōтал,
- Однажды ночью, за три дня как им
выехать из дома,
- 75 Мāнь хум самн патс.
Апат ōлы. Руц ōтыр лāви:
«Наңын ат ке сāль ёл-алыгм̄иен;
Ань маниң наңын сāль, ат
алыгм̄иен.»
Тав лāви: «Тав ань āпат ōлы;
- 75 Маленький человек родился.
В берестяной люльке находится.
Русский богатырь говорит:
«Если тебе не очень жаль его, давай
убьем;
Но если тебе его жаль, тогда не будем
убивать».
Она говорит: «Он сейчас еще в колыбе-
ли находится,
- 80 Тав хумле ханьцитэ – хунь нōң-
яныгми:
Яге наң ты – тав яге ат ханьцитэ»
Руц ōтыр палт ōлмет тав кит п̄ыг
ōныщис.
Ты п̄ыгыг яныгм̄исыг.
Кон-квāлэгыт, кёр-лакв сāңхегыт.
- 80 Он откуда будем помнить, когда он еще
вырастет:
Отец ему ты и будешь – он своего отца
не помнит».
В то время пока она жила у русского
богатыря двух сыновей родила.
Эти два мальчики выросли.
На улицу выходят, железный обруч
пинают.
- 85 Тав акв таккет л̄юли,
Руц ōтыр п̄ыгыг китыг л̄юлег.
Кёр-лакв тувле сāңхасйтэн;
Тав нас ат нёвумталы;
Тав тувле сāңхасйтэ,
- 85 Сын женщины всегда один стоит,
А сыновья русского богатыря всегда
вместе стоят.
Железный обруч туда они пинают:
А сын женщины даже и не двигается,
Он туда его пинает:
- 90 Руц ōтыр п̄ыгыг кātэн щāратэг,
Руц ōтыр п̄ыгыг лāглэн щāратэг.
«Наң мōлых ань ты яныт
Катын ёрыт хоталь тотыслын?!»
Ягын Ас тумпт – щира-пун ёрен
- 90 У сыновей русского богатыря руки
ноют,
У сыновей русского богатыря ноги
ноют.
«Ты сейчас вон какой вырос,
Силу рук своих куда подевал?!

Все мальчишки подросли.
Дети русского отца
Вместе всюду без конца,
А вогульский-то сынок
Бесконечно одинок.

Издаются братья:
– Ты нам вовсе не родня!
Твой отец был нашим бит,
И повержен, и убит.
Там, на обских островах,
На лесине голова...
Развевается на палке,
Словно пух озёрной чайки.
Это твой родной отец.
Наш же тятя – удалец!

Сын пошел понуро в дом,
Мать была в ту пору в нём:
– Что, сыночек, загрустил,
Нос так низко опустил?

Сын всё матери сказал.
Он предательства не ждал.
Но в итоге был с порога
Тотчас изгнан за ворота.
И за крепостным забором
Исполнения приговора,
Плача и вздыхая, ждал:
Завтра – казнь, он это знал.

Паренёк, ища защиты,
Вдруг двоих встречает нищих –
Старика с своей женой...
Дед вскричал: «Племянник мой!
Завтра жизнь твою загубят
Эти нелюди-нелюди.
Саблю ты прими, кольчугу,
Лодку на воду спускай,
Из погубительной округи
Поспешай в родимый край.
Ночь не спи и жди погони,
Вверх гребни ты по реке,
Опасайся, что догонят.
Силы береги в руке».

Сел в доспехах ладных в лодку
И понесся вверх он ходко.
Грёб весь день, потом – всю ночь.
Исполнял совет точь-в-точь.
Долго, коротко ли плыл,
Силу вкладывая, пыл.

95 Fújja ott a szél a feje bőrét.»
Ő belép a házba: szomorúvá lesz.
Anyja kérdi őt: «Fiúcska, te hogyan lettél
egyszerre oly szomorúvá?»
«Őcsém így beszélnek:
Atyád fejbőrét az Ob szigetén

100 Sirály pelyhe gyanánt, hófajd pelyhe
gyanánt fújja ott a szél.»
Azután a városnak vas sánczai
Külfelére kirekesztik
Másnapig; másnap megölik.
Sírva, búsulva járkál ottan.

*

105 A város vas sánczain kívül
Kenyeret kolduló asszony és öreg ember
élnek.
Ő bemegy [oda].
«Ejha, őcsike, holnapi napon jó ember
életed [lelked] im kioltják.
Én férfikoromban viselt pánczélomat
adom neked.»

110 Fölköltötte.
Az ő kezéhez mért, az ő lábához mért
karddal ajándékozta meg őt,
Az ő kezéhez illő csónakkal ajándékozta
meg őt.
Ő azt fölnyitotta [értsd: fölborította és
vízre tolta]. –
«Ezen az Obon fölfelé evezz

115 Ezen éjtszaka ki ne szállj a partra, mert
utól fognak érni!
Azután jobb oldal felé fekete vizű folyó
ágazik el (kél), arra felé evezze!
Ő fölszállt a hajóra; im amaz éjtszaka evez.
Hosszú vagy rövid ideig evez, a folyón
fölfelé néz:
Zürjén bárka úszik lefelé, úgy látszik.

120 A kis folyótorkolaton befelé fordul, ott
elrejtőzik.
A midőn vele egy irányba érkeztek,
szólnak:
Az előbb itten úgy látszott, mintha valaki

95 Пуңковсе тот вѳн вѳтаве.»

Тав юв-щалты; марщумыг ѳмты.
 Аңкве китыгләхты: «ПЫгкве, наң
 манрыг марщумыг ѳмтсын?» -
 «Ащиягум тох лāвег:
 «Ащин пуңковсе Ас тумпт

100 Щира пун, аңха пун тот вѳтаве.»

Та юи-пāлт ѳс кѳрың ййв
 Коныпāлн кон-нāритаве
 Холытан мос, холытан ѳл ты алаве.
 Лйѳнщима, тыстыма тот ѳмиты.

*

105 Ёс кѳрың ййв коны-пāлт

Нянь вѳвнэ ѳкваг-ѳйкаг кон ѳлэг.
 Тав юв-щалты.
 «Апыкве, холыт хѳтал ѳмас хум лы-
 лын ты харыгтаве.
 Ам хум порат ѳнщум йѳнтпум наңын
 мыглум».

110 Тав нѳңх-масапитэ.

Тав кātэ мортыс, тав лāглэ мортыс
 сыраил мистэ;
 Тав кātэн хойнэ хāпыл мистэ,
 Хап витн ѳл-тāратастэ. –
 «Ты Ас алгаль товен,

115 Ты ѳт пāг ул квāлэн, ѳхтавен!

Таях ѳмаспāл нупыл сāмыл витпа я
 квāлы; тўвле товен!»
 Тав тāлматс; ты тови ань ѳт.
 Хоса ман вāти тови, алгаль сунсы:
 Саран хāп нātнэтэ нāңки.

120 Мāнь я – сўнтквен пāг-пѳрумты, тув
 тўйтхаты.

Ты пора ѳхтум ѳрумта лāвегыт::
 «Тав аньмѳнт хотпа товме, нāңкыс,

На большом обском острове – как озер-
 ной чайки пух,

95 Кожа головы отца твоего там развева-
 ется».

Он домой заходит; грустным становится.
 Мать его спрашивает: «Сыночек, ты
 почему так грустил?» –
 «Мои младшие братья говорят:
 Моего отца кожа головы на Обском
 острове,

100 подобно пуху чайки, подобно пуху

куропатки развевается». После этого за железные ворота города-
 крепости
 Его выставляют
 До завтрашнего дня; завтра его убьют.
 Плача, вздыхая там ходит.

*

105 За железными воротами города-крепости

Хлеб просящие женщина с мужчиной
 там живут.
 Он к ним идет в дом.
 «Внучек, завтра твою, хорошего чело-
 века, жизнь загубят.
 Я тебе дам кольчугу, которую носил в
 расцвете сил».

110 Он одевает это,

Также он ему дает саблю, которая при-
 годна для его рук, ног;
 Он лодку дает, которая пригодна для его
 рук,
 Лодку спустил на воду. –
 «С этого Обского берега вверх по тече-
 нию плыви,

115 Сегодня ночью на ночлег не останав-
 ливайся, догоняй!»

Потом справа темноводная речка вы-
 ходит: туда гребите!»
 Он сел в лодку; вот гребет целую ночь.
 Долго или коротко гребет, вверх по
 течению реки смотрит:
 Зырянская лодка по течению плывет,
 виднеется.

120 В устье маленькой речки он заворачи-
 вает, туда прячется.

В это время мимо проплывающие люди
 говорят:
 «Вот недавно человек в лодке греб,

Заприметил, впереди
Лодка на него летит.

В устье маленькой речонки
Спрятал он свою лодчонку.
Слышит, люди говорят:
– Где ты спрятался, варяг¹?
Покажись. Тебя не тронем!
Защитим от злой погони.

«Будь, что будет!» – паренёк
Покидает уголок.
Тут же был людьми пленён.
И на лодку водружён:
– Честно людям здесь ответить:
Чей ты будешь, человек?

Вдруг признали молодца –
Так похож был на отца.
Парень всё, как есть, поведаль:
О несчастиях и бедах,
Об издёвках рассказал...
Дали волну все слезам.

Помнили отца вогулы,
Одобрив дружным гулом!
Вдруг поднялся шум и гам:
– Подлым отомстим врагам!
Унижению нет забвения!

Всех обжѐг огонь отмщения.
И, храня от века честь,
Порешили – будет мечь!

Дружно крепость осаждают,
Город взят, враг убегает.
И от грозного набега
Сотрясалось даже небо!

А племянник вместе с дядей,
Зорче всех за бегством глядя,
Не дают уйти остатку,
Продолжая эту схватку.

Глядь, на дерево кривое
Забралось трусишек двое.
Кто же смог туда забраться?
Поглядел батыр: «О, братцы!»

eyezett volna.
Ő hadd jelentkezzék!
Mi hogyan akarnók őt bántani?!»

125 [A fiúcska] gondolja: akármit fognak itt
velem tenni [hát tegyenek!].
Lefelé evez, a midőn közel jött,
Csónakostul fölemelik,
A bárka födelének ormára fölültetik.
A bárka födelén [kérdézik]: «Hogyan
jöttél te ide?»

130 Hát te életben vagy? Hát apád [hol van]?
Hol voltál?» – Megcsókolja: «Hol voltál
te?» –
«Én az orosz fejedelemlősnél voltam.»
«Anyád hol van?»
«Az orosz fejedelemlősnél van.»

135 A víz viszi ím őket lefelé, rájuk
esteledezt.

*

A várost most megtámadják (rákelnek).
A rengő eget rengedeztetik [harci
zajukkal].
Ama város egyik végén bemennek, másik
végén kijönnek.
A mint nézik: hát a hét fejedelemlős
megfutott.

140 Nagybátyja és unkaöccse ím követik
őket.
[Nagybátyja] öccséhez szól:
«Két fejedelemlős elfutott:
Te fiatal vagy,

145 Ezen sok fejedelemlős után
Majd én magam fogok menni.»
Ő eltávozott.
Hát ama két fejedelemlős
Egy görbe hátú fára, oda telepedett.

150 A mint megpillantotta őket, csak
megállott.
«Előbbi éltünk módja szerint egy ételt
[ettünk],
Egy csecset szoptunk!»
Váltig kérik sírva, sírásukkal megindítják
(lesírják);
Mindnyájan sírnak.

¹Варяг (Бор+аки) – с манс. лесной человек

Тав тыг вос нэгылтахты!
Мән хумле вәрилув?!»

виднелся,
Пусть бы сейчас показался
Мы с ним ничего не сделаем?!»

125 Номсы: «Ам хотум тыт вāравем пыл,
[та вāравем!]»
Нāl тованты, ляпа ёхтум әрепт
Хāпың тагыл āлмайвес,
Хāп пуңкпаттан нōңх-ўнттыгпāвес.
Хāп алыт [китыгпāве:] «Наң хотыл
патсын?»

125 Думает: «Со мной здесь что и сдела-
ют, пусть делают».
К реке выплывает, в этот момент
Вместе с лодкой его схватили,
На лодочную крышу сверху поставили.
На крыше лодки его допытываюсь: ты
откуда свалился?»

130 Наң лылың ты олсын, а яген [хōт
ōлы]»
– Наң хōт олсын?» – аниглйтэ: «Наң
хōт олсын?» –
– «Ам руцōтыр пāлт олсум.» –
– «Аңквын хōтōлы?» –
– «Руцōтыр пāлтōлы.» –

130 Ты живым находишься, твой отец где
находится?
Ты где был? – целуют его: «Ты где
жил?» –
«Я у русского богатыря жил». –
«Мать твоя где находится?» –
«У русского богатыря живет». –

135 Ты нāтвест, ёл-әтимлāвест.

135 Вот они плыли по течению. Ночь их
застала.

*

*

Ъс ты квāлапсанл
Лāнтың тōрум лāнтылтāгыт.
Ань ўс мōтōвлән щалтсыт, мōт
ōвләныл кон-квāлсыт.
Кос хōнтыял: сātōтыр хот-
хāйтумыт.

И вот на город они нападают
От их набега дрожащее небо сотрясается.
Они с одного конца заходят в город, с
другого конца выходят.
И обнаруживают: оказывается, семь
богатырей убежали.

140 Āщ-пыгыныщ ты коймыгтасән.
Қаще нупыл лāви:
«Қитōтыр хот-хāйтумыг,
Наң мāнь хумōлэгын,
Қитōтыр юи-пāлт наң минән!

140 Отца-сыновей преследовать стали.
Дядя своему племяннику говорит:
«Два богатыря убежали,
Ты молодой человек
Этих двоих богатырей преследуй дальше.

145 Ты сāvōтыр юи-пāлт
Ам амки ялāгум».
Тавōл-ёмыс.
Ань маниң китōтыр
Магр-йив тармыл тувўнтмыг.

145 А за многими богатырями
Я сам пойду».
И он ушел вдаль.
А эти два богатыря оказывается
На изогнутое дерево сели.

150 Кос хōнтыяге, нас лōльмытс.
«Молōлмув акв тәнэ [тāсув],
Акв щакв сышгысу!»
Нас лōньщег, ёл-лōньщег;
Сох та лōньщегыт.

150 Как их увидел, остановился.
«Раньше вместе жили, одну еду ели,
Одну грудь сосали!»
Они оба заплакали, плачут,
И все вместе заплакали.

Те пустились в горький плач:

– Пощади! Ты ж не палач!

Родила одна нас мать!

Надо это понимать!

Слушал он, на братьев глядя,

Их стенания о пощаде.

Был он доброты большой,

С чистой, светлую душой!

Он слезам позволил течь,

А потом промолвил речь:

– В годы моего отца –

Не нашли бы вы лица,

На котором бы глазам

Застилала свет слеза...

А от вашего отца

Кровью плакали сердца.

И за род поганый, злой

Братьев поразил стрелой.

Вдруг услышал звон кольчуг.

Вскинул быстро меткий лук.

И послал стрелу он ту

В война, только на лету

Тот стрелу перехватил:

– Чуть меня ты не убил, –

Дядя смог ему сказать

И добавил: «Как ты мать

Собираешься казнить?...

Я вмешался, извини,

В очень личные дела:

Жизнь она тебе дала...

Дашь в таких делах совет,

А потом – держать ответ...

Мать казнишь, мол, рад стараться,

Позже с дядей будешь драться.

Мол, я это преступление

Совершил по наущенью.

Дескать, дядя научил,

Вот я мать-то и убил...».

Но племянник, без сомнения,

Одного был с дядей мнения:

Сук подправил богатырь

И нанизал мать на штырь.

Так вот сын и отстоял

Честь отца-богатыря.

155 A mint ő is úgy sírt fölszóal: «A minap,
midőn az én atyámat megölték,
Senki sem sírt!»

Íjat ragadott elő, egyszeriben lelőtte őket.

Fejük bőrét nyúzta,

Midőn egyszerre pánczéruha aljának

suhogása hallik.

160 Íját előragadta, a mint [az érkezőre] lő:

Nagybátyjára lőtt.

Nagybátyja az ujjjai között fogta meg a

nyilát.

«Mit csinálsz te? Majdhogy meg nem

öltél!» –

Haza mentek. – «Anyáddal mit fogsz

csinálni?

165 Ha én téged unszollak, hogy öld meg az
anyádat,

Te akkor azt fogod mondani:

«Te unszoltál engem, hogy megöljem

anyámat»;

Ş azért velem verekedni fogsz.» –

Ő hegyes fatuskót hegyez,

170 Anyját ezen hegyes fatuskóra, oda ülteti rá.

155 Кос лѳньцис: «Мол ам ѳгум алмет
порат
нѳмат хѳтпа ат лѳньцис!»
Ѳвт хассамтыс, аквѳет лап-лысаге.
Пуѳксоваге нуйсаге,
Юнтуп-кѳмплы харатѳлнѳт суйты.

155 Хотя и плачет, думает: «В то время,
когда был жив мой отец,
Люди тогда не плакали!»
Натянул лук, и сразу сразил обоих.
Снял с них кожу головы,
И тут услышал, как подол кольчуги
царапнуло.

160 Ѳвтѳ нирумтум, кос лыстѳ:
Ѳще ягпыг лыстѳ.
Ѳще ягпыг тѳля халн нѳлѳ пувумта-
ме.
«Наѳ мѳныр вѳрегыгн? Ѳнум щама
алты алыслын!»
Юв миасыг. – «Ѳѳквын ѳт мѳныр
вѳрегыгн?»

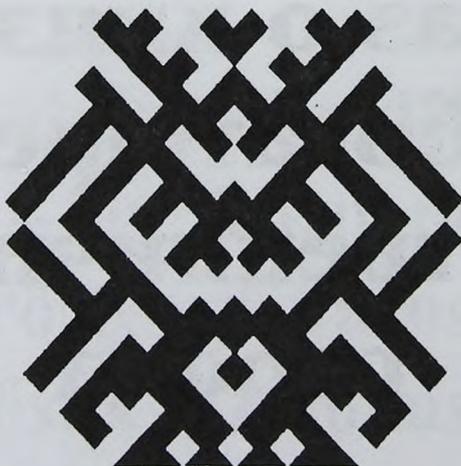
160 Схватил свой лук, прицелился:
Выстрелил в дядю.
Дядя успел поймать стрелу между
пальцами рук,
«Ты что делаешь? Меня чуть не застре-
лил!»
Домой пошли. – «С матерью что бу-
дешь делать?»

165 Ам наѳын [ѳѳквын] алуѳкве
перыгтѳлум:
Наѳ ювле лѳвегыгн:
«Ам ѳѳквум наѳ алуѳкве
пѳрыгтѳслын.
Тонт ам ѳтум алхатуѳкве патѳгыгн». –
Тав тальхыѳ ѳѳквал талихты

165 Если я тебе скажу убить свою мать,
Тогда ты мне скажешь:
«Мать мою ты заставил меня убить.
И из-за этого будешь со мной драться».
–
Он вытачивает острый кол,

170 Ѳѳкве ты тальхыѳ ѳѳквална, тув
ѳнттыстѳ

170 И свою мать сажает на тот кол.

Часть 6

**Сказ о князе –
богатыре
Лиственничного
города**

(Тун–Лār о́йка).

Нāңк-Ūс̄ың-ōтыр, Таңкв–т̄ур-
о́йка мōйтыг лāvум т̄эрниң
эрге.

Az obdorszavidéki

«Tűzmohás-tavi öreg» nevű isten.

**A Vörösfenyő-városbeli
fejedelemhős, a tűzmohás-tavi öreg
regeképpen elmondott hősi éneke.**

Литературный перевод

Сказ о князе – богатыре
Лиственничного города
(Перевод Вадима Орлова)

Текст-оригинал на венгерском языке

Az obdorszkvidéki «Tűzmohás-tavi öreg»
nevű isten.

A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős,
a tűzmohás-tavi öreg regeképpen elmondott
hősi éneke.

Во времена далекие, во времена досто-
памятные жил да был Князь-богатырь Ли-
ственничного города. Тридцать лет ему в
ту пору уже исполнилось, а кроме дома да
округи нигде богатырь не бывал, ничего не
видывал.

И вот, наконец, двое братьев его старших
мыслью одной озаботились: «тридцать лет
живет брат наш младший, а ничего-то за
пределами дома своего и не видел. Пора
бы ему отправиться на поиски той сторо-
ны, по которой женщины ходят, той сторо-
ны, на которой женщины живут». На той
мысли и сошлись. Стали плот строить да
в дорогу готовиться, чтобы сторону жен-
скую найти.

Через некоторое время присылают бра-
тья к брату своему младшему посыльно-
го с вестью, что, мол, братья плот из двух
рядов деревьев соорудили да собираются
искать край, где женщины ходят, и зовут с
собой брата младшего. Выслушал посыль-
ного Князь-богатырь Лиственничного го-
рода, ни слова не проронил в ответ, дальше
сидеть остался.

Прошло какое-то время. Шлют братья
к брату своему младшему второго посыль-
ного: «Плот готов прочный, бревна в нем
плотно связаны в два ряда. Приди, брат!
Мы ждем тебя». Выслушал посыльного
Князь-богатырь Лиственничного города,
ничего не сказал и на этот раз: как сидел,
так и дальше сидеть остался.

Наконец, присылают братья третьего
посыльного: «Плот давным-давно готов.
Осталось только на воду спустить его да от
берега оттолкнуться. Лишь тебя, брат, до-
жидаемся». Как услышал Князь-богатырь
Лиственничного города весть эту, так встал
быстро, взял свой меч, взял свой лук и на
берег поспешил. Спустился к реке, и на
плот, сколоченный из двух рядов бревен,
спрыгнул. С тем братья и отчалили.

Долго ли братья плыли, коротко липлы-
ли в поисках женской стороны – неведомо

1 A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős
már születése korától fogva harmincz
éves lett és házon kívül levő vidéket
nem látott. Egyszer csak bátyjai így
szólnak: «Öcsikénk immár növéseben
harmincz éves lett és házon kívüli vidéket
nem látott: nőjáró nős vidéket menjünk
immár keresni!» A Vörösfenyő-városbeli
fejedelemhős öcsikéjéhez követet
küldenek: «Két fából egyberótt tutajt
ím összeütöttünk, nőjáró nős vidéket
megyünk keresni, hadd készüljön!»
A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős a
követre csak ránéz, szó nélkül, beszéd
nélkül (száj, nyelv nélkül) félreül.
Második követet küldenek: «Bátyáid
két fából egyberótt tutajt képesítették
össze, készülj, gyere!» A Vörösfenyő-
városbeli fejedelemhős tovább is csak
néz. Harmadik követet küldenek ismét:
«Bátyáidnak tutaja elkészült, már csak
az van hátra, hogy a parttól odább tolják
magukat, gyere!» A Vörösfenyő-városbeli
hős most fölállott, kardját leemelte, íjját
leemelte s az ajtó háznak külfelére kiment,
lement a vízre, a két fából egyberótt tutaj
közepébe leugrott. Leereszkedtek (letolták
magukat) a vízre. Hosszú ideig mentek,
vagy rövid ideig mentek, hogyan tudják
ők azt?! Egyszer csak a Vas-búvármadár
alakú fejedelemhős lakó városába
érkeztek. Leánykérő követet küldöttek.
A leánykérést tárgyalják, nagyban
rendezkednek. A leánykérő követhöz
szólnak: «Hallod-e! nászaink, vejünk hadd
várakozzanak, valami másféle lakodalmi,
vendégeskedő (evő-ivó) házat szerelünk
föl.» Másféle lakodalmi, vendégeskedő
házat rendeztek be, néhány nap alatt
éppen elkészült. A Vas-búvármadár alakú
fejedelemhős követet küld: «A ház készen
van, nászaink, vejünk hadd jöjjenek!»
Nászaink, vejünk fölmentek, most a házba
léptek, azután lakattal lezárták őket. Fönn
a ház tetején egy lyukat készítettek, a

Текст-оригинал на мансийском языке
(кириллица)

Смысловой перевод

(Тун-Лār ойка).

Наңк-Ўсың-отыр, Таңкв-тўр-ойка
мōйтыг лāвум тэрниң эрге.

О Наңк-ўсың-отыр-богатыре,
Таңкв-тўр-ойка-богатыре
в форме сказки сказываемая
героическая песня

(Перевод Ю. Дмитриевой)

1 Наңк-Ўсың-отыр самн патум пасныл вāt тāлыг ёмтыс, коны мā ат вās. Аквматэрт ягп̄ыгаге лāвег: «Апщимён яныгмёме вāt тāлыг ёмтс, коны мā ат вās: Нэ минум нэгиң сām кинсуңкве вос ялэв!» Наңк-Ўсың-отыр апщитэн палт хāйтнэ хум кётвес: «Кит ййв олтум порэ ты порахтэслэмён, нэ минум нэгиң сām кинсуңкве ялэв, вос āсты!» Наңк-Ўсың-отыр хāйтнэ хум нупыл нас сунсы, сўпнелмтāл эл-ўнлы. Китыт хāйтнэ хум ос кётвес: «Ягп̄ыгаген кит ййв олтум порэ нэгыстэн, āстэн, яен!» Наңк-Ўсың-отыр нас сунсы. Хўрмит хāйтнэ хум ос кётвес: «Ягп̄ыгаген поратэн āстыс, тўп нарыгтāхтнэтэн āритыс, яен!» Наңк-Ўсың-отыр ань нōңх-лōльмитыс, сырае āлмаяс, ёвтэ āлмаяс, āвиң кол коны-пāлн кон-квāлыс, нāлув ёмыс, кит ййв олтум пораиг халнэ нāлув-порыгмыс. Нāлув-нарыгтāхтасыт. Хоса минаст, ман вāти минаст, хотыл вāганл? Аквматэрт Кёр-тāхыт-хуриң-отыр олнэ ўсын ёхтысыт. Хāйтнэ хум кётсавес. Иң хāйтыглāсыт, иң щōпитāхтысыт. Хāйтнэ хум нупыл лāвегыт: «Я-та! Нўсманўв, вāпсанўв вос ўрхатэгыт, мот пўри тэнэ, пўри айнэ кол щōпитэгув» Мот пўри тэнэ, мот пўри айнэ кол мātсавит хōтыл ўнттувес, та āстыс. Кёр-тāхыт-хуриң-отыр хāйтнэ хум кёты: «Кол āстыс, нўсманўв, вāпсанўв вос ювыт!» Нўсманл, вāпсанл пāг-минасыт, иң колын щалтсыт, тул лап-тумантāвест. Нумыл кол-аланыл уля тāратэнэ ас щōпитāвес, кол ань улял пēламтавес. Уля та тэс, та тэс, кит хумияге щарвесыг, Наңк-Ўсың-отыр юв-хўльтыс. Уля султум миннэ яныт хал ёмтыс: уля султум хурил кон-порыгмыс. Нāлваль хāйтымат пёцт лайвес. Нāлув хāйтыс, витын

1 Князю-богатырю Лиственничного города со дня рождения исполнилось уже тридцать лет, а кроме дома ничего не знал. Однажды его два старших брата говорят: «Наш братишка достиг уже тридцатилетнего возраста и край за пределами дома не видел. Пойдемте теперь искать женскую сторону, по которой женщины ходят». Шлют посыльного к братишке Князя-богатыря Лиственничного города: «Мы соорудили плот, длиной в два дерева, пойдем искать край, где женщины ходят, пусть готовится». Князь-богатырь Лиственничного города смотрит только на посыльного и без слов дальше сидит. Шлют второго посыльного: «Твои братья сделали плот, длиной в два дерева, готовься, приходи!» Князь-богатырь Лиственничного города только смотрит. Шлют опять третьего посыльного: «Плот твоих братьев готов, осталось только оттолкнуться от берега, приходи!» Князь-богатырь Лиственничного города вот быстро встал, взял свой меч, взял свой лук, вышел наружу за дверь, спустился к воде и спрыгнул в середину связанного из двух деревьев плота. Оттолкнулись от берега. Долго ли шли, коротко ли шли, откуда им это знать? Однажды прибыли в город Князя-богатыря с обликом железной гагары. Отправили посыльного для сватанья. Обсуждают сватовство, все в делах. Обращаются к посыльному: «Слушайка! Пусть ждут наши сватья, зять, мы оборудуем другой свадебный, другой гостиный дом». Они оборудовали другой свадебный, другой гостевой дом, за несколько дней как раз подготовили. Богатырь с обликом железной гагары шлет посыльного: «Дом готов, пусть придут сватья наши, зять наш!» Их сватья, зять поднялись, вошли в дом, затем закрыли их на замок.

это. Однако в один из дней город-крепость на берегу завидели. Причалили братья. На берег вышли. В город вошли. В городе том правил Князь-богатырь с обликом железной гагары. Был он своенравный да коварный, подлый да вероломный. Да не знали об этом братья. Отправили они свата с предложением к Князю-богатырю с обликом железной гагары отдать дочь свою замуж за Князя-богатыря Лиственничного города.

Выслушал свата Князь-богатырь с обликом железной гагары да задумал воспрепятствовать свадьбе. Но ни слова не сказал свату о мыслях гнусных своих притворщик, а вслух проговорил льстиво: «Чтобы свадьбу сыграть, дом свадебный нужен, дом новый гостинный нужен. Пусть дорогой наш зятюшка и братья его досточтимые подождут несколько дней, пока мы построим его, пока мы оборудуем его».

Через несколько дней дом новый свадебный построен был, дом новый гостинный оборудован был, и Князь-богатырь с обликом железной гагары с посыльным весть шлет, мол, пусть зять дорогой и братья его досточтимые в дом новый пожалуют. Те, ничего не подозревая, и пожаловали. А как вошли они в дом новый, так сразу же за ними дверь-то внезапно и захлопнута была, да на замок-то с улицы незамедлительно и заперта была.

В западне гибельной оказались братья. Да мало того, по приказу князя – богатыря с обликом железной гагары в крыше дома дыра была сделана, и через дыру ту в дом огонь спущен был. В огне решил погубить братьев подлый Князь-богатырь с обликом железной гагары. И почти удался ему замысел коварный: двое старших братьев заживо сгорели в том огне пламенном. Но в отношении Князя-богатыря Лиственничного города затея эта гнусная не удалась. Изловчился он, уменьшился в размерах до искорки крохотной да в трещинку в стене и выскочил наружу. Быстрее ветра помчался к реке. Но как ни бежал князь быстро, а все же враги подлые стрелой меткой в ногу его ранили. Хромая, он все же до воды-спасительницы добрался и нырнул в реку.

Как трава сухая, выброшенная в воду со дна лодки, долго плывет и не тонет, так

melyen tüzet lehetett lebecsátani. A házat ama tűzzel fölgújtották. A tűz égett, égett, a két ember összeégett, de a Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős megmaradt. Egy olyan nagyságú repedés (köz) támadt, a melyen egy tűzszikra keresztülmehetett: tűzszikra alakjában kiugrott. A mint a vízre lefut, a lába ikrájában meglőtték. Lefutott, beleugrott a vízbe, víz alá merülve ment tova. Odább a vízben ladik aljáról [kidobott] fű úszkál. Ott fölmerült, egy keveset lélekzett, azután ismét alámerült. Így ment, ment egy tógyepes tágas vízfokra, oda mászott föl. A Vas-búvármadár alakú fejedelemhős leánya az ő szolgáló leányával jöttek. A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhőst rénszarvasbőrben haza czipelték. Nejének házában hosszú ideig élt vagy rövid ideig élt, lába meggyógyult. Erre visszament a maga hazájába.

2 Hosszú ideig ment, vagy rövid ideig ment, egyszer csak ím hallik, hogy hátulról üldözik. A mint oda néz: ím a Vas-búvármadár alakú fejedelemhős üldözi. Már kevés hiányzott, hogy utólréje, vörös evet alakjára változtatta magát. Egy nyárfatuskó fölé mászott. A nyárfatuskón egy evetnek fekünni való üreg van. Az üreg belsejében fészek van. A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős evet alakjában oda bement, oda lefekütt. A Vas-búvármadár alakú fejedelemhős népével ím megérkezett; akárhogy keresték, keresték, a nyomát elvesztették. Tehát visszafelé fordultak. A Vörösfenyő-városbeli fejedelemhős most tovább mendegélt. Sokáig ment, vagy kevés ideig ment, egyszer csak ím a fekete vízű halas Szoszvához érkezett. Ím a fekete vízű, tápláló Szoszva vize folyását követi. A Szoszva fején levő kővárba érkezik az ő nagybátyjaihoz. Nagybátyjai őt szarvasbikkal befogott szánsorral látták el, rénekkel befogott szánsorral látták el. Most bosszúját állani megy a Vas-búvármadár alakú fejedelemhős

лаквыс, мурил миныс. Тотнӯв витт хāп ёл пумыт хӯлтгинтēгыт. Тув хӯлитāхтыглыс, моц лылтыс, тул о̄с ёл-мӯрмыс. Та мīнас, мīнас, тӯр-вāнсиң хара нёлн тув пāг-вāңкыс. Кёр-тāхыт-хуриң-отыр āги мётнэтэтыл ёхтсыг. Нāңк-Усың-отыр сāлы товыль кīвырт юв-āлумтавес. Нётэ колыт хоса о̄лыс, ман вāти о̄лыс, лāглэ пусмыс. Такви мātэ нупыл ювле ты мīнас.

На верху на крыше дома сделали дыру, по которой можно спустить огонь. Дом с тем огнем зажгли. Огонь горел, горел, два человека сгорели, но Князь-богатырь Лиственничного города остался [цел]. Образовалась трещина, через которую искра могла проходить: и [он] в виде искры выпрыгнул. Как дошел до воды, ему стреляли по икре ног. Он спустился, прыгнул в воду и, погружаясь в воду, передвигался прочь. Подальше плавают трава, выброшенная со дна лодки. Там он вынырнул, подышал немного, затем опять погрузился. Так шел, шел и забрался на мыс, покрытый молодой озерной травой. Пришла дочь Князя-богатыря с обликом железной гагары со своей служанкой. Князь-богатыря Лиственничного города они в шкуре оленя потащили домой. Долго ли, коротко ли жил он в доме своей супруги, его нога зажала. Тогда пошел он в свою сторону [на свою родину].

2 Хоса мīнас, ман вāти мīнас, аквматэрт юил нявылнэтэ ты суйты. Тув кос сунсы: Кёр-тāхыт-хуриң-отыр ты нявылхāты, ёхтуңкве ты патвес, вīгыр лēңын хурил пёрумтāхтыс. Хāпка-āңквал тармыл хāңхыс. Хāпка-āңквалт лēңын хуйнэ уми-ас о̄лы, уми-ас кīвырт пити о̄лы. Нāңк-Усың-отыр лēңын хурил тув щалтыс, тув хуяс. Кёр-тāхыт-хуриң-отыр мирэтэл ты ёхтсыт; такыс киссыт, киссыт, лēңхе хот-устсанл, ювле та ёңхсыт. Нāңк-Усың-отыр ань элалъ ёмантс. Хоса ёмыс, ман вāти ёмыс, аквматэрт сэмьл витуп хӯлың Тагытн ты нēглыс. Сэмьл витуп тэпың Тагт вит ты кой. Тагыт таляхт о̄лнэ Ахвтас усын сасганэ палт ты ёхты. Сасганэн хāриң āны-сāныл щопитавес, уиң āны-сāныл щопитавес, ань нур тотуңкве Кёр-тāхыт-хуриң-отыр усын ты мины. Хоса мīнас, ман вāти мīнас, тув ёхтыс. Ус сыс-нораныл норыстэ, мāгыл-нораныл

2 Долго ли шел, коротко ли шел, как вдруг слышит сзади погоню. Как обернулся, оказывается, это Князь-богатырь с обликом железной гагары гонится за ним. Когда немного осталось до него, он превратился в рыжую белку. Взобрался вверх над тополиным пнем. На тополином пне как раз – полость для одной белки. Внутри полости – гнездо. Князь-богатырь Лиственничного города в виде белки вошел туда и лег там. Князь-богатырь с обликом железной гагары со своим народом как раз подошел, но как ни искали, след его потеряли. Пошли обратно. Князь-богатырь Лиственничного города сейчас дальше пошел. Долго ли шел, мало ли шел, вдруг однажды пришел к рыбьей Сосьвой с черной водой. Вот, он следует за рыбьей Сосьве с черной водой. Приходит в каменную крепость в устье Сосьвы к своим дядям. Дяди его снабдили стадом оленей и запряженным быками обозом.

и Князь-богатырь Лиственничного города долго плыл то по воде, то под водой, спасаясь от погони вражеской. Вынырнет, вдохнет воздуха речного, и опять скроется в водах темных, врагам невидимый. Так и добрался он до мыса, молодой озерной травой покрытого. Выполз обессиленный на берег и лег недвижимый.

Сердцем почувствовала дочь Богатыря с обликом железной гагары, что суженый ее в беде находится, в помощи нуждается. Побежала она со служанкой берегом князя-богатыря своего искать. Сердце девичье, любовью напоенное, на мыс-то ее и привело. Видит, лежит там Князь-богатырь Лиственничного города недвижимый. Взяли они со служанкой шкуру оленью да положили в нее богатыря раненого и незаметно домой отнесли.

Откармливала да выхаживала жена молодая богатыря своего. Зажила рана на ноге его, вернулись к нему силы богатырские, и решил он на сторону родимую подаваться. Понимал он, что, если обнаружит его Богатырь с обликом железной гагары, не сносить тогда головы. Простился он с женою молодой да в дорогу поспешил.

Долго ли шел богатырь, коротко ли шел богатырь, но однажды погоню слышал. Обернулся и видит: богатырь с обликом железной гагары с войском своим за ним гонится. Еще немного и схватит подлый богатырь с обликом железной гагары богатыря нашего. Не сносить тогда головы Князю-богатырю Лиственничного города. Что делать? И обернулся тут Князь-богатырь Лиственничного города белкой рыжею. Взобрался на тополь высокий, нашел там расщелину, а в ней – гнездо и юркнул в него. Затаился. А тем временем злодей – Богатырь с обликом железной гагары с войском своим оказался на том месте, где след беглеца потерялся. Искали-приглядывались, смотрели-присматривались, да не смогли беглеца обнаружить. Так ни с чем подлый богатырь с обликом железной гагары с людьми своими и убрался восвояси. А Князь-богатырь Лиственничного города спустился на землю, обернулся человеком да дальше поспешил.

Долго ли шел богатырь, коротко ли шел богатырь, только дошел он до реки рыбой богатой, с водой черной – той, что Сосьва

várába. Hosszú ideig ment, vagy rövid ideig ment, oda érkezett. A várost hátszorítással zúzta, mellszorítással zúzta. Vas-búvármadár alakú fejedelemhős leánya lakó házába bement: ama leány ott fekszik, mellett szintén fekszik egy ember. A leány fölbred, ama férfit [a mellette fekvőt] megbökte: «Kelj föl, nézd csak, apád érkezett meg». A férfi fölkelt, a nő is fölkelt, közelebb léptek, hogy megcsókolják. Hát ő olyan sokáig járt oda, hogy az ő fia már ilyen nagyságúvá lett. A szarvasbikákkal befogott szánsorba, rénekkal befogott szánsorba fölrakodtak s im fiastul elmentek. A fehér vizű halas Obon lefelé hosszú ideig mentek, vagy rövid ideig mentek, egyszer csak egy földön letelepedtek. Nőnek érinthetelen szentelt földet ottan szerzett. Tűz-mohástavi-öreg névvel mind e mai napig ott hajlonganak őneki, ottan hoznak őneki ételáldozatot.

норыстэ. Кёр-тāхыт-хуриң-ōтыр āги
 олнэ колын щалтыс, ань малиң āги
 хуи, āги пōхат ѓс акв хум хуи. Аги
 нōңх-сāйкалас, ань хумитэ пўвтмыстэ.
 «Квāлэн! Алам āщин ёхтум.» Хум
 нōңх-квāлапс, нētэ нōңх-квāлыс, тав
 пāлтэ лаквсыг аниглахтуңкве. Ань
 малиң тав та палыт ёмум, тавки пйге
 та янытыг ёмтум. Хāриң āнысāнн, уиң
 āнысāнн тāлтхатаст, пйгиныцт та ми-
 наст. Войкан витуп хўлың Ас лōңхаль
 хоса минаст, ман вāти минаст, аквэрт
 акв мāн та соссамтāхтаст. Нэ ровтāл
 ялпың мā тот та вāрыс. Таңкв-тўр-
 ойка намыл ань тыхōтыл мус тот та
 хўлтыглāве, тот та пўрлаве.

Он пошел в крепость Князя-богатыря с
 обликом железной гагары, чтобы ото-
 мстить.

Город он ломал сжимая спину, громил
 сжимая грудь. Вошел он в дом дочери
 Князя-богатыря с обликом железной
 гагары: та девушка там лежит и рядом
 с ней тоже лежит один человек. Де-
 вушка просыпается и притронувшись
 к мужчине [лежащему рядом] говорит:
 «Вставай, смотри, твой отец приехал».
 Мужчина встал, и женщина тоже встала,
 подошли поближе, чтобы поцеловать.
 Оказывается, его так долго не было,
 что сын его так вырос. Они уложили
 все на обоз, запряженный быками, на
 обоз, запряженный оленями, и вместе
 с сыном уехали. Долго ли ехали вниз
 по течению рыбьей Оби с белой водой,
 коротко ли ехали, но однажды засели
 на одной земле. Добыл он запретную
 женщинам священную землю. Ему под
 именем Озерный дед-трава танга [мох-
 огниво!] до сегодняшнего дня кланя-
 ются, принося ему в том месте жертву
 пищей.

называется. Поплыл он вниз по течению реки. Долго ли плыл, коротко ли плыл, но добрался, наконец, до крепости каменной, что в устье Сосьвы возвышалась, где родственники его жили-правили. Рассказал племянник о злоключениях, на долю его выпавших. Выслушали его сородичи, посочувствовали да помощь оказали: дали Князю-богатырю Лиственничного города стадо оленей да обоз, оленьими быками запряженный.

Двинулся Князь-богатырь Лиственничного города в путь обратный, чувством скорби за братьев своих убиенных преисполненный, чувством мести праведной к Богатырю с обликом железной гагары преисполненный.

Крепость ломал он силой спины своей богатырской, город громил он силой груди своей могучей. И не было пощады лукавым да подлым лиходеям злого города. Наконец, ворвался он в дом дочери Богатыря с обликом железной гагары и увидел жену свою, а рядом с ней – молодого мужчину. Чуть было не рассвирепел Князь-богатырь Лиственничного города, да вдруг видит: будит женщина мужчину и говорит: «Проснись, сынок, вставай! Отец твой пришел!». Оказывается столько лет прошло с той поры, как разлучились муж с женой, что сын их вырос и взрослым стал. Обнялись все трое, поцеловали друг друга да, недолго думая, стали пожитки свои собирать да укладывать в обоз, оленьими быками запряженный. С тем в путь и отправились.

Долго ли спускались вниз по течению Оби рыбной, с водой белой, коротко ли спускались вниз по течению Оби рыбной, с водой белой, но однажды добрались они до земли богатой. Там и обосновались. А близ земли той Князь-богатырь Лиственничного города основал место священное, женщинам в котором бывать запрещено, и стал он восседать-править там. В месте этом ему и сегодня под именем «Дед озерный-трава танга» (мох-огниво) люди поклоняются, сласти да угощения всяческие приносят, старину седую вспоминают, о жизни думают.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи.....	5
Часть 1. (Героические песни) Богатыря Ас-котиль ойки, Аяс-Торума героическая песня. <i>Поэтический перевод Ю. Шесталова ...</i>	30
Часть 2. Богатыря в одеяниях из семи шкур оленя-самца, о его племяннике, об Аяс-Торуме в форме сказки сказываемая героическая песня. <i>Литературный перевод В. Орлова</i>	54
Часть 3. (Тэк-ойка) Героическая песня богатыря Тэк-ойки. <i>Поэтический перевод Г. Ионина</i>	66
Часть 4. Героическая песнь богатырей Лар-ус. <i>Литературный перевод И. Рябий.....</i>	98
Часть 5. Именитый богатырь. <i>Поэтический перевод В. Орлова.....</i>	126
Часть 6. Сказ о князе – богатыре Лиственничного города. <i>Литературный перевод В. Орлова</i>	140

TARTALOM ISTENEK HŐSÉNEKEI

Első szakasz: Az obvidék istenei

Az ajász-falvi isten.

1. Az Ob-közép öregének, Ajász-istennek hősi éneke 30

2. A Hét-jávorbika-bőre-irhájából-készült-ruhát-viselő-öreg öcsikéjének, Ajász-istennek regekép közölt hősi éneke 54

A ték-falvi isten.

Ték-öregnek hősi éneke 66

A larvosi (öbölvárosi) istenek.

1. A larvosi fejedelemlősök hőséneke 98

2. Neves fejedelemlős 126

Az obdorszvidéki «Tűzmohás-tavi» nevű isten.

A Vörösfenyő-városbeli-fejedelemlősnek regekép közölt hősi éneke 140

**Именитые богатыри Обского края
«Vogul népköltési gyűjtemény»**

**на материале II тома
«Собрания вогульской народной поэзии»
Берната Мункачи**

**Главный редактор:
Юван Шесталов**

**Редакционная коллегия:
Ю. Дмитриева,
С. С. Динисламова,
В. Б. Орлов,
А.Н. Мехнина**

Оригинал-макет подготовлен ООО «Доминус»

**Верстка Семенов И. С., Семенова И. Ю.
Дизайн обложки Семенов И. С.**

**Подписано в печать 24.12.2010
Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 18,7. Тираж 500 экз. Заказ № 115.**

**Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. 8 383 330-26-98.**

240-00

Просмотрено краеведом

391902011

Государственная библиотека Югры

